

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года

Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.

Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции

Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий

Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Сабитов Т. Р.

Точность квалификации
как уголовно-правовой принцип 4

Горшков Д. Ю.

Содержание публичных призывов
к нарушению территориальной
деятельности РФ 10

Дорошенко В. С.

Трубопровод как место кражи нефти
и ее продуктов 16

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Никитина Е. В., Раменская В. С.

Проблемы законодательного
регулирующего следственного действия,
направленного на получение доступа
к электронным сообщениям 25

Долинин В. Н.

Распознавание ложных показаний
при допросе с использованием
психотехники 33

Леднев И. В.

Выявление серийности преступлений
в Великобритании 39

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Тихонов А. Н.

Установление происхождения ребенка,
рожденного суррогатной матерью 47

Торгашев А. В.

Конкуренция поворота
исполнения решения суда и иска
о возвращении взысканного 55

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалов, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажеев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Домченко А. С.

Экспансия исполнительной власти как объективная закономерность развития публичного правопорядка 63

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Вохидов М. А.

Возникновение института субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного лица 72

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Селькова А. А.

Метод командного обучения (team-based learning) в юридическом образовании 78

Бодрова Э. Э., Калистратова Н. С.

Реализация цифровых компетенций и технологий: из опыта преподавания истории государства и права 84

CRIMINAL LAW

Sabitov T. R. Accuracy of Qualification as a Criminal Legal Principle	4
Gorshkov D. Yu. Content of Criminal Public Calls for Violation of Territorial Integrity of the Russian Federation	10
Doroshenko V. S. Pipeline as a Place of Theft of Oil and its Products	16

CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC SCIENCE

Nikitina E. V., Ramenskaya V. S. Problems of Legislative Regulation of an Investigative Action Aimed at Gaining Access to Electronic Messages	25
Dolinin V. N. Recognition of False Testimony during Interrogation Using Psychotechnics	33
Lednev I. V. Crime Linkage in the UK	39

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

Tikhonov A. N. Establishing the Origin of a Child Born to a Surrogate Mother	47
Torgashev A. V. The Competition between the Overturning the Execution of Judgment and the Lawsuit	55

ADMINISTRATIVE LAW

Domchenko A. S. Expansion of Executive Power as an Objective Pattern of the Development of Law and Order	63
---	----

HISTORY OF STATE AND LAW

Vohidov M. A. Origin of Subsidiary Liability for the Debts of an Insolvent Legal Entity	72
--	----

LEGAL EDUCATION

Selkova A. A. Team-Based Learning in Legal Education	78
Bodrova E. E., Kalistratova N. S. Implementation of Digital Competencies and Technologies: from the Experience of Teaching History of State and Law	84

Т. Р. Сабитов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ТОЧНОСТЬ КВАЛИФИКАЦИИ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП

Помимо общих (статических) принципов уголовного права в науке выделяются принципы отдельных направлений уголовно-правовой политики (динамические принципы): нормотворчества, криминализации общественно опасных деяний, назначения наказания и т. д. Квалификация преступлений тоже базируется на своих динамических принципах, в частности на принципе точности уголовно-правовой квалификации. По мнению автора, он представляет собой воплощение принципа справедливости применительно к квалификации уголовно-правовых деяний. Автор приводит и иные точки зрения на место принципа точности квалификации в системе уголовно-правовых принципов. Согласно авторской позиции, исследуемый принцип не представляет собой реализацию принципов законности и дифференциации ответственности. Проводится разграничение принципа точности с принципом конкретности уголовно-правовой квалификации.

Анализируются постановления Пленума Верховного Суда РФ на предмет соответствия принципу точности квалификации. Акцентируется внимание на имеющихся в них противоречиях и даются рекомендации по устранению этих противоречий. Представлены предложения по совершенствованию уголовно-правовой нормы, закрепляющей правило квалификации преступлений при наличии конкуренции между общей и специальной нормами.

Ключевые слова: точность уголовно-правовой квалификации, принцип справедливости, конкуренция правовых норм, покушение на преступление, оконченное преступление

Для цитирования

Сабитов Т. Р. Точность квалификации как уголовно-правовой принцип // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 4–9. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_4.

УДК 343.211

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_4

Требование о необходимости точной квалификации преступлений высказывалось еще в советской науке уголовного права [Куринов 1984: 22]. Однако, как верно отмечает А. В. Корнеева, точность тогда еще не считалась принципом квалификации общественно опасных деяний, несмотря на имеющиеся для этого предпосылки [Корнеева 2002: 15, 17].

Принцип точности квалификации уголовно-правовых деяний (далее – принцип точности) в настоящее время не сформулирован законодательно, но его сущность выражена в доктрине. Квалификация преступлений будет признаваться точной, если правоприменитель установил именно ту уголовно-правовую норму, которая содержит в наиболь-

шей степени верное описание общественно опасного деяния [Рарог 2003: 36].

Существует также мнение, что точность квалификации не может быть принципом, ибо это «свойство квалификации, атрибут результата, признак, характеризующий отличительную особенность данной стадии применения уголовного закона» [Марчук 2014: 81]. Однако поиск доказательств того, что данная идея обладает статусом уголовно-правового принципа, не будет затруднительным. Достаточно установить, что требование о точной квалификации реализуется в уголовном законе, поддерживается в правоприменительной практике и следует из одного из общих уголовно-правовых принципов.

Анализируемый принцип лежит в основе некоторых правил квалификации преступлений, связанных с конкуренцией норм уголовного права. Так, согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ если в конкуренции участвуют общая и специальная норма, то предпочтение отдается последней. При этом совокупность преступлений отсутствует. Иначе говоря, в данной ситуации предпочтение отдается норме, в которой более точно описываются признаки совершенного деяния.

Правило квалификации при конкуренции нормы-части и нормы-целого не закреплено в УК РФ, но, будучи разработанным в уголовно-правовой науке, является общепризнанным. Это правило гласит, что при конкуренции таких норм приоритетом обладает норма-целое, в которой признаки состава преступления определены более точно. Очевидно, что данное правило тоже основывается на принципе точности квалификации.

С учетом рассматриваемого принципа осуществляется квалификация преступлений, проходящих несколько предусмотренных уголовным законом стадий (приготовление к преступлению, покушение на преступление, оконченное преступление). Если одно преступление проходит все эти стадии, то совокупность преступлений отсутствует и наступает ответственность за результат, охватываемый самой последней стадией совершения преступления.

Принцип точности квалификации является специальным (динамическим) уголовно-правовым принципом и направлен на реализацию принципа справедливости в сфере квалификации уголовно-правовых деяний. Исходя из ч. 1 ст. 6 УК РФ суть принципа справедливости кроется в соразмерности между деянием и его правовыми последствиями. Требование точности направлено на реализацию такой соразмерности, потому что чем точнее квалификация преступления, тем более справедливые меры уголовно-правового характера будут назначены судом. И наоборот, чем менее точна квалификация, тем меньше вероятность того, что лицо, совершившее преступление, понесет заслуженное наказание.

На взгляд В. О. Навроцкого, анализируемый принцип реализует другую уголовно-правовую идею – принцип дифференциации ответственности. Автор аргументирует это

тем, что законодательные органы стремятся наиболее точно отразить в уголовном законе характерные признаки преступлений, учитывая при этом общественную опасность деяний [Навроцкий 1999: 394], поэтому при квалификации преступлений правоприменитель должен учитывать стремление законодателя к точности конструирования состава преступления.

Однако автор упускает из виду то, что точность квалификации и дифференциация ответственности – это принципы одного уровня. Принципом же более высокого уровня, охватывающим и ту, и другую идею, является принцип справедливости. Последний, преломляясь в сфере уголовно-правового нормотворчества, проявляется в принципе дифференциации ответственности. Неслучайно в уголовно-правовой литературе идею

**Принцип точности квалификации
является специальным (динамическим)
уголовно-правовым принципом
и направлен на реализацию принципа
справедливости в сфере квалификации
уголовно-правовых деяний**

о дифференциации ответственности связывают со статическим принципом справедливости [Кузнецова 1995: 25; Лесниевски-Костарева 1998: 70]. Для сферы же квалификации преступлений характерно другое воплощение принципа справедливости – принцип точности квалификации.

Может показаться, что требование о точности квалификации следует из принципа законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ). Так, Р. А. Сабитов полагает, что принцип точности следует считать вторичным по отношению к принципам справедливости и законности [Сабитов 2016: 222]. Однако квинтэссенцией законодательного варианта принципа законности является предписание о применении при квалификации преступлений только уголовного, а не какого-либо другого закона. Поэтому принцип законности лежит в основе совершенно другой идеи – принципа конкретности квалификации. В соответствии с принципом конкретности для того, чтобы доказать, что уголовный закон был действительно применен, при квалификации преступления надо

обязательно указать в процессуальном документе статью, а также ее части и пункты [Поляков, Сабитов, Сухоруков 2011: 171].

Принцип, провозглашенный в ч. 1 ст. 3 УК РФ, требует конкретности квалификации, решая ее вопрос с формальной стороны. Но этот принцип не может задать направление для правильной квалификации, для содержательной стороны дела. Подобное направление может определить только принцип справедливости, задавая критерий соразмерности совершенного деяния и меры ответственности. Таким образом, ч. 1 ст. 3 УК РФ может не быть нарушенной, если деяние, пусть и неточно, квалифицировано по какой-либо статье УК. Вместе с тем принцип справедливости при такой неточной квалификации будет нарушен, потому что уголовно-правовая оценка произведена по статье УК РФ, не в полной мере отражающей реальную общественную опасность деяния.

В качестве примера неточной квалификации, не противоречащей ч. 1 ст. 3 УК РФ, можно привести оценку Барнаульским гарнизонным военным судом деяния З. как покушения на получение взятки. Преступление, совершенное З., квалифицировано как неоконченное (ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ), поскольку передача взятки контролировалась сотрудниками правоохранительных органов, которые впоследствии и задержали виновного¹. Квалификация в данном примере неточна, потому что суд не учел положение, закрепленное в ч. 1 ст. 29 УК РФ. В соответствии с ним для того чтобы считать преступление оконченным, необходимо наличие всех признаков предусмотренного УК РФ состава преступления. Содеянное З. содержит все признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ, в связи с чем квалификация преступления как оконченного была бы и законной, и справедливой.

По тем же основаниям вступало в коллизию с принципом точности разъяснение, содержащееся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». В названном пункте указывалось,

¹ Уголовное дело № 0240/06 // Архив Барнаульского гарнизонного военного суда за 2006 г.

что, если передача предмета сбыта осуществлялась при сопровождении представителей правоохранительных органов в рамках Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», содеянное необходимо квалифицировать как покушение на сбыт предмета преступления, так как при этом наркотические средства и психотропные вещества изымаются из неправомерного оборота. Верховный Суд не принял во внимание то обстоятельство, что квалификация рассматриваемого общественно опасного деяния как оконченного не противоречит заданным ч. 1 ст. 29 УК РФ критериям. При этом выход запрещенного вещества в незаконный оборот не предусматривается составом преступления, установленного ст. 228.1 УК РФ.

Только положительной оценки заслуживает уголовно-политическое решение Верховного Суда, заключающееся в изменении его рекомендации по квалификации незаконного сбыта запрещенных субстанций. Так, в упомянутое постановление был добавлен п. 13.1, в котором Суд разъяснил, что данное деяние необходимо признавать оконченным с того момента, когда лицо выполнит все действия по передаче другому лицу предмета преступления независимо от того, получил ли приобретатель запрещенные законом вещества. При этом, как пояснил Суд, на такую правовую оценку содеянного не влияет факт проведения оперативно-розыскного мероприятия в отношении указанного предмета преступления².

Вместе с тем уголовно-политический вектор, направленный на реализацию принципа точности квалификации, поддержан Верховным Судом не в полной мере. В частности, в п. 11.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснено, что даже если при наличии цели передачи (получения) взятки в размере, составляющем квалифицирующий (особо квалифи-

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 „О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами“».

цирующий) признак, фактически полученная сумма взятки меньше указанного размера, содеянное квалифицируется как оконченное получение (дача) взятки в соответствующем размере. Такая правовая оценка не основывается на положении, закрепленном в ч. 1 ст. 29 УК РФ, и противоречит принципу точности квалификации. В рассматриваемом Верховным Судом случае содеянное не содержит всех признаков указанных квалифицированных составов получения (дачи) взятки, поскольку фактически необходимые размеры взятки отсутствуют. Попытка получить незаконное вознаграждение в одном из названных размеров должна оцениваться как покушение на преступление, предусмотренное соответствующей частью ст. 290 УК РФ, в которой определена необходимая стоимостная характеристика предмета преступления.

Не основывается на рассматриваемом принципе и точка зрения, высказанная в одном из комментариев к примечанию к ст. 205 УК РФ. Согласно этому примечанию лицо, которое участвовало в подготовке террористического акта, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно своевременно поспособствует предотвращению исполнения указанного акта, а также если в его поведении отсутствует какой-либо другой состав преступления. По мнению автора комментария, это примечание распространяется на террористические акты,готавливаемые в группе. В случае самостоятельной подготовки лица к осуществлению данного преступления и добровольного отказа от дальнейшего его совершения это лицо не будет подлежать уголовной ответственности не в соответствии с примечанием к ст. 205 УК РФ, а по ст. 31 УК РФ [Комментарий к Уголовному кодексу 2008: 481].

Возможность лица, действующего в одиночку, добровольно отказаться от доведения террористического акта до конца потенциально существует – например, при закладке лицом взрывного устройства с целью совершения акта устрашения и последующем обезвреживании этого устройства. Если рассматривать данный вопрос с точки зрения конкуренции норм, то можно согласиться с автором комментария в том, что способствование предотвращению террористического акта выступает разновидностью добровольного отказа от преступления, предусмотренного ст. 31 УК РФ. Однако норма о добровольном отказе от доведения террористического акта до конца, предусмотренная в примечании к ст. 205 УК РФ, является специальной по отношению к норме, содержащейся в Общей части УК РФ. В связи с этим, основываясь на принципе точности, при данной конкуренции норм следует применять специальную, уточняющую норму.

Можно обратить внимание на то, что правило квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм, зафиксированное в ч. 3 ст. 17 УК РФ, распространяется только на преступные деяния. Посткриминальные и другие варианты уголовно-правового поведения оно не охватывает. Например, формально его нельзя применить при конкуренции поощрительных норм уголовного права, в частности в случаях, подобных приведенному выше. Это не соответствует действительному, более широкому значению правила о конкуренции общей и специальной норм. Следовательно, для более эффективной реализации принципа точности необходимо распространить действие ч. 3 ст. 17 УК РФ на все виды деяний, предусмотренных уголовным законом, включая непроступные деяния.

Список литературы

- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт-Издат, 2008. 273 с.
- Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. 176 с.
- Кузнецова Н. Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Ярославль, 1995. С. 12–26.
- Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 184 с.

Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. 296 с.

Марчук В. В. Специальные принципы квалификации преступлений // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 79–90. DOI: 10.12737/2242.

Навроцький В. О. Теоретичні проблеми кримінально-правової кваліфікації. Київ: Атіка, 1999. 287 с.

Поляков С. А., Сабитов Т. Р., Сухоруков С. И. Теория состава преступления. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 185 с.

Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 304 с.

Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации. М.: Юрлитинформ, 2013. 592 с.

Тимур Рашидович Сабитов – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: trsabitov.mail@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5659-5571

Accuracy of Qualification as a Criminal Legal Principle

In addition to the general (static) principles of criminal law, the scholars also distinguish the principles of certain areas of criminal law policy (dynamic principles): rule-making, criminalization of socially dangerous acts, sentencing, etc. The qualification of crimes is also based on dynamic principles, including the principle of accuracy of criminal law qualification. This principle, according to the author, is the embodiment of the principle of justice in relation to qualifying criminal acts. The author also gives other points of view regarding the place of the principle of accuracy of qualification in the system of criminal law principles. The author justifies the following opinion: the principle under study does not represent the implementation of the principles of legality and differentiation of responsibility. A distinction is made between the principle of accuracy and the principle of specificity of criminal law qualification.

The decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are analyzed from the point of view of compliance with the principle of qualification accuracy. Attention is drawn to the contradictions in them and recommendations are given to eliminate these contradictions. Proposals are presented for improving the criminal law norm, which establishes the rule for qualifying crimes in case of competition between general and special norms.

Keywords: accuracy of criminal law qualification, principle of justice, competition of legal norms, attempted crime, completed crime

Recommended citation

Sabitov T. R. Tochnost' kvalifikatsii kak ugovorno-pravovoi printsip [Accuracy of Qualification as a Criminal Legal Principle], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 4–9, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_4.

References

Korneeva A. V. *Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestuplenii* [Theoretical Foundations for the Qualification of Crimes], Moscow, TK Velbi, Prospekt, 2006, 176 p.

Kurinov B. A. *Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestuplenii* [Scientific Basis for the Qualification of Crimes], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1984, 184 p.

Kuznetsova N. F. *Klassifikatsiya prestuplenii v Obshchei chasti Ugolovnogo kodeksa* [Classification of Crimes in the General Part of the Criminal Code], Kruglikov L. L. (ed.)

Differentsiatsiya formy i sodержaniya v ugovnom sudoproizvodstve [Differentiation of Form and Content in Criminal Proceedings], Yaroslavl', 1995, pp. 12–26.

Lebedev V. M. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow, Yurait-Izdat, 2008, 273 p.

Lesnievski-Kostareva T. A. *Differentsiatsiya ugovnoi otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of Criminal Responsibility. Theory and Legislative Practice], Moscow, Norma, 1998, 296 p.

Marchuk V. V. Spetsial'nye printsipy kvalifikatsii prestuplenii [Special Principles for Qualifying Crimes], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2014, no. 2, pp. 79–90.

Navrots'kii V. O. *Teoretichni problemi kriminal'no-pravovoi kvalifikatsii* [Theoretical Problems of Criminal Law Qualification], Kii, Atika, 1999, 287 p.

Polyakov S. A., Sabitov T. R., Sukhorukov S. I. *Teoriya sostava prestupleniya* [Theory of Corpus Delicti], Novosibirsk, Izd-vo NGTU, 2011, 185 p.

Rarog A. I. *Kvalifikatsiya prestuplenii po sub"ektivnym priznakam* [Qualification of Crimes on Subjective Grounds], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2003, 304 p.

Sabitov R. A. *Teoriya i praktika ugovno-pravovoi kvalifikatsii* [Theory and Practice of Criminal Law Qualification], Moscow, Yurlitinform, 2013, 592 p.

Timur Sabitov – doctor of juridical sciences, professor of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: trsabitov.mail@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5659-5571

Дата поступления в редакцию / Received: 16.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2022

Д. Ю. Горшков
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕСТУПНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К НАРУШЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Публичные призывы к нарушению территориальной целостности государства обладают разным содержанием. Исходя из анализа научной литературы и судебной практики, автор делает вывод о том, что выделяются призывы как к абстрактным, так и к конкретным насильственным и ненасильственным действиям. Призывы должны быть направлены на уменьшение территории Российской Федерации. Публичные призывы к отделению муниципальных образований от территории Российской Федерации обладают высокой степенью общественной опасности, могут привести к необратимому нарушению сложившихся экономических, социальных, политических связей в едином государстве. Автор высказывает мнение о том, что призывы к увеличению территории государства путем присоединения новых территорий в некоторых случаях могут квалифицироваться как публичные призывы к развязыванию агрессивной войны.

В статье приводится определение призыва к нарушению территориальной целостности страны, сформулированное Верховным Судом РФ. Указывается, что объективная форма, в которую облечен призыв, не влияет на его квалификацию. Преступление считается оконченным даже при провозглашении одного призыва. Оправдание и обоснование действий, направленных на уменьшение территории государства, образует состав рассматриваемого преступления только в случае, если им сопутствуют публичные призывы, психологически воздействующие на адресатов.

Ключевые слова: преступный экстремизм, публичные призывы, содержание призывов, территория государства, нарушение территориальной целостности

Для цитирования

Горшков Д. Ю. Содержание преступных призывов к осуществлению действий по нарушению территориальной целостности Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 10–15. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_10.

УДК 343.3

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_10

В декабре 2013 г. в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 280.1. Сегодня она является специальной нормой по отношению к ст. 280 УК РФ, предусматривает более строгое в сравнении с последней наказание за такую преступную экстремистскую деятельность, как публичные призывы к нарушению территориальной целостности государства. Общественно опасное деяние, запрещенное ст. 280.1 УК РФ, совершается только в форме действия. Указанная норма направлена на охрану суверенной территории Российской

Федерации как от внутренних, так и от внешних врагов. Невозможно представить существование государства без его материальной основы – территории. Поскольку данная норма имеет принципиальное значение для безопасности и независимости государства, научный интерес представляет определение содержания преступных призывов нарушить территориальное единство государства.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступле-

ниях экстремистской направленности» отметил, что публичные призывы представляют собой обращения к третьим лицам, направленные на инициирование у них желания осуществлять преступную экстремистскую деятельность. Призывы могут объективно выражаться в вербальной, аудиовизуальной форме, письменной форме, которая не имеет принципиального значения для вменения лицу ст. 280.1 УК РФ. В сети Интернет призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, чаще всего размещаются на страницах социальных сетей в виде постов, репостов, комментариев. Исследователи справедливо отмечают, что призывы могут включать не отдельные тезисы, а целую программу [Агапов, Хлебушкин 2009: 150]. Ученые сходятся во мнении, что призывы являются целенаправленным информационным воздействием на сознание и волю человека [Агапов 2007: 5; Борисов 2007].

Призывы, представляющие собой целенаправленное воздействие на волю адресатов, следует отличать от оправдания и обоснования самостоятельности части территории государства или ее принадлежности другому государству, которые не преследуют цель инициировать у группы или неопределенного круга лиц желание нарушить территориальное единство страны. Понятия «оправдание» и «обоснование» мы считаем чрезвычайно широкими, не имеющими четких границ. Полагаем, что расширительное толкование ст. 280.1 УК РФ за счет рассмотрения оправдания и обоснования в качестве разновидности публичного призыва к совершению действий по нарушению территориальной целостности недопустимо. Если оправдание сопровождается призывами к действиям, то виновных следует привлекать к уголовной ответственности именно за преступные публичные призывы.

Некоторые исследователи отмечают, что призывы не могут выражаться в сослагательном наклонении [Бурковская, Маркина, Мельник и др. 2008: 20]. Мы не согласны с такой позицией: следуя ей, экстремисты смогут необоснованно избежать уголовной ответственности. Полагаем, призывы нужно оценивать как преступные в зависимости не от словесной формы, в которую они облечены, а от смысловой нагрузки, которую они несут.

Хотя слово «призыв» в анализируемой норме уголовного закона употребляется во множественном числе, привлечь к уголовной ответственности, как показывает судебная практика, можно и за один призыв. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 указано, что, несмотря на использование в ст. 280 УК РФ понятия «призыв» во множественном числе, данное преступление будет окончено при провозглашении даже одного воззвания. Мы разделяем мнение большинства исследователей о том, что уголовная ответственность наступает при наличии хотя бы одного публичного воззвания [Макеева 2017: 60]. И единичное воззвание, выраженное в форме тезиса, и совокупность воззваний негативно влияют на сознание адресатов, побуждая их действовать.

**Призывы нужно оценивать как преступные
в зависимости не от словесной формы,
в которую они облечены, а от смысловой
нагрузки, которую они несут**

Содержание действий, направленных на изменение территории государства, может быть разным. Действия могут быть направлены как на присоединение к государству новых территорий, так и на уменьшение территории Российской Федерации, могут осуществляться как насильственным, так и ненасильственным способом. Ряд исследователей полагает, что применять ст. 280.1 УК РФ следует только к тем призывам, которые преследуют цель «перекроить» территорию государства путем насильственных действий [Кулев 2015: 423; Можегова 2015: 111]. Д. О. Чернявский считает, что в анализируемой норме предусмотрена уголовная ответственность за призывы к ненасильственным действиям, направленным на противоправное изменение территории Российской Федерации [Чернявский 2017: 25].

Думается, что в ст. 280.1 УК РФ криминализованы два вида призывов к нарушению территориальной целостности РФ: призывы к насильственным действиям и призывы к ненасильственным действиям. Такая законодательная инициатива во многом связана с присоединением к Российской Федерации территории полуострова Крым (с расположенными на ней Республикой Крым

и Севастополем). Таким путем законодатель стремился усилить охрану в сфере обеспечения территориального единства нашего государства, предотвратить негативные последствия распада СССР. Ненасильственные действия могут привести к не менее опасным последствиям. Например, призыв к проведению субъектом РФ мирного референдума по выходу из состава государства на практике может привести к многочисленным насильственным акциям, сопровождающимся противодействием правоохранительным органам государства.

В связи с наличием у Российской Федерации многочисленных внешних и внутренних врагов, стремящихся разделить и ослабить ее, позиция законодателя по этому вопросу представляется верной; пресекать следует любые попытки нарушить территориальное единство нашего государства. Ученые положительно оценивают новацию законодателя, отмечая, что анализируемая норма направлена на повышение эффективности защиты территории Российской Федерации от различных угроз [Хлебушкин 2014: 26].

Наша точка зрения находит подтверждение в судебной практике.

Так, приговором Котельниковского районного суда Волгоградской области от 23 августа 2017 г. по делу № 1-64/2017 Мельников был осужден за размещение в сети Интернет призыва к созданию самостоятельного государства – «Котельниковского автономного округа или Котельниковской республики – со своим банком, валютой и главное – нормальной, именно народной, властью». Мельников призывал земляков отказаться платить налоги, сборы в казну Российской Федерации. Таким образом, призывы осужденного имели ненасильственный, абстрактный характер: не раскрывалось, какие действия надо предпринять, чтобы достичь конечной цели – отделения от Российской Федерации городского округа Котельники.

Другим примером служит приговор Ленинского районного суда Астрахани от 5 июля 2018 г. по делу № 1-299/2. За призывы к абстрактным, ненасильственным действиям был осужден Байкубенов, который разместил на странице в социальной сети обращение, содержащее призыв к проведению референдума. В обращении говорилось: «Кто согласен, на референдум! Астраханцы, клас-

суйте и давайте действовать, пока не сдохли здесь совсем!».

Встречаются призывы и к таким ненасильственным действиям, как бойкот выборов, создание параллельного правительства и др. В апелляционном постановлении от 14 марта 2018 г. № 22-1269/2018 по делу № 22-1269/2018 Самарский областной суд указал, что по смыслу ст. 280.1 УК РФ уголовная ответственность наступает за призывы к действиям, которые преследуют цель нарушить территориальное единство государства и могут иметь как насильственный, так и ненасильственный характер.

Более того, Конституционный Суд РФ в Определении от 28 марта 2017 г. № 665-О признал возможным привлечение к уголовной ответственности по рассматриваемой статье за призывы к осуществлению ненасильственных действий, направленных на нарушение территориальной целостности государства. Конституционный Суд счел данную норму соответствующей Конституции РФ, отметив, что при формулировании предписаний уголовного закона могут использоваться оценочные понятия, а характер действий подлежит толкованию в зависимости от обстоятельств дела.

Примером публичного призыва к осуществлению насильственных конкретных действий являются призывы Кадилова, который посредством размещенной на общедоступном интернет-сервисе *Youtube* видеозаписи призывал вступить в вооруженное формирование, преследовавшее цель выхода из состава Российской Федерации Республики Крым. Для реализации указанной цели автор высказывания призывал вести боевые операции в пользу Украины, а также организовать сбор материальных средств для функционирования вооруженного батальона. Согласно приговору Октябрьского районного суда Томска от 27 октября 2015 г. № 1-591/2015 по делу № 1-591/2015 Кадилов был признан виновным в совершении деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 280.1 УК РФ.

По другому похожему делу Верховный суд Республики Крым в апелляционном постановлении от 18 декабря 2017 г. № 22-3396/2017 по делу № 22-3396/2017 согласился с приговором суда первой инстанции в части квалификации действий подсудимого по ч. 2 ст. 280.1 за размещение в сети Интернет ста-

тии, в которой содержался призыв организовать блокаду Республики Крым и провести на ее территории боевые операции с целью освобождения Республики Крым от юрисдикции Российской Федерации. В данном случае осуществлен призыв к насильственным действиям, направленным на организацию блокады субъекта Российской Федерации.

Суды небезосновательно привлекают к уголовной ответственности за публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориального единства путем отделения от государства муниципальных образований. Такие призывы могут привести к необратимому нарушению сложившихся экономических, социальных, политических связей в стране. В приведенных выше примерах осужденные призывали к отделению от Российской Федерации муниципальных образований (городов) и созданию на их основе самостоятельных государств (Астраханской Народной Республики, Котельниковской Республики). Безусловно, такие призывы обладают высокой степенью общественной опасности.

В юридической литературе высказывается мнение о том, что призывы к увеличению территории Российской Федерации путем присоединения к ней новых территорий также

влекут нарушение территориального единства [Бабошин, Коростылев: 239]. На наш взгляд, преступное нарушение территориальной целостности возможно только путем совершения действий, направленных на уменьшение территории государства. Полагаем, что публичные призывы к присоединению к государству новых территорий при наличии оснований следует квалифицировать как публичные призывы к развязыванию агрессивной войны.

Таким образом, уменьшение территории государства возможно путем отчуждения части территории другому государству, разделения на два и более государства, придания полной независимости субъекту государства или его части, муниципальному образованию или его части, отчуждения внутренних вод или территориального моря государства. Могут высказываться призывы как к абстрактным, так и к конкретным насильственным и ненасильственным действиям. Ненасильственные действия по нарушению целостности территории Российской Федерации обладают высокой степенью общественной опасности. Суд оценивает подобные призывы, исходя из совокупности всех доказательств, в том числе результатов комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы.

Список литературы

Агапов П. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4–6.

Агапов П. В., Хлебушкин А. Г. Публичные призывы к осуществлению экстремистской либо террористической деятельности: проблемы уголовно-правовой интерпретации // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологического исследований / отв. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов: Сателлит, 2009. С. 149–153.

Бабошин В. В., Коростылев О. И. Уголовно-правовое противодействие публичным призывам к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 25–26 сентября 2014 г.). Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 238–240.

Борисов С. В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19. С. 10–12.

Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В. и др. Уголовное преследование терроризма. М.: Юрайт, 2008. 160 с.

Кулев А. Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации: вопросы регламентации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29–30 января 2015 г.). М.: РГ-Пресс, 2015. С. 423–426.

Макеева И. С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 177 с.

Можегова А. А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 169 с.

Хлебушкин А. Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. 2014. № 11. С. 25–29.

Чернявский Д. О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 214 с.

Дмитрий Юрьевич Горшков – аспирант кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: gorshkov.dmitriy.2018@mail.ru.
ORCID: 0000-0001-9516-4208

Content of Criminal Public Calls for Violation of Territorial Integrity of the Russian Federation

Public calls for violation of territorial integrity of the state have different content, they can be aimed at committing both abstract and specific violent and non-violent actions. The author emphasizes, that such calls should be aimed at reducing the territory of the Russian Federation. Public calls for the separation of municipalities from the territory of the Russian Federation have a high degree of public danger and can lead to an irreversible disruption of the economic, social, and political ties in the state. The author believes that calls to increase the territory of the state by annexing new territories in some cases can also be criminal.

The paper provides a definition of the concept of calls for violation of territorial integrity of the state according to the position of the Supreme Court of the Russian Federation. The objective form, in which the call is denounced, does not affect the qualification. The crime is considered completed even with the proclamation of one call. The justification of actions, aimed at reducing the territory of the state, constitutes a crime only, if they are accompanied by public appeals, which have a psychological impact on the addressees.

Keywords: criminal extremism, public calls, content of calls, state territory, violation of territorial integrity

Recommended citation

Gorshkov D. Yu. Soderzhanie prestupnykh prizyvov k narusheniyu territorial'noi tselostnosti Rossiiskoi Federatsii [Content of Criminal Public Calls for Violation of Territorial Integrity of the Russian Federation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 10–15, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_10.

References

Agapov P. V. Publichnye prizvyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoi deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: analiz zakonodatel'noi novatsii [Public Calls to Terrorist Activity or Public Justification of Terrorism: Analysis of Legislative Innovation], *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 1, pp. 4–6.

Agapov P. V., Khlebushkin A. G. Publichnye prizvyvy k osushchestvleniyu ekstremistskoi libo terroristicheskoi deyatel'nosti: problemy ugolovno-pravovoi interpretatsii [Public Calls for Extremist or Terrorist Activities: Problems of Criminal Law Interpretation], Lopashenko N. A. (ed.) *Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya: rezul'taty kriminologo-sotsiologicheskikh issledovaniy*

[Organized Crime and Corruption: Results of Criminological and Sociological Research], Saratov, Satellit, 2009, pp. 149–153.

Baboshin V. V., Korostylev O. I. *Ugolovno-pravovoe protivodeistvie publichnym prizyvam k deistviyam, napravlennym na narushenie territorial'noi tselostnosti Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Law Counteraction to Public Calls to Violate the Territorial Integrity of the Russian Federation], *Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom* [Problems of the Theory and Practice of Combating Extremism]: conference papers, Stavropol, NC FU, 2015, pp. 238–240.

Borisov S. V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnye prizvy k osushchestvleniyu terroristicheskoi deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma* [Criminal Liability for Public Calls to Carry out Terrorist Activities or Public Justification of Terrorism], *Rossiiskii sledovatel'*, 2007, no. 19, pp. 10–12.

Burkovskaya V. A., Markina E. A., Mel'nik V. V. et al. *Ugolovnoe presледovanie terrorizma* [Criminal Prosecution of Terrorism], Moscow, Yurait, 2008, 160 p.

Chernyavskii D. O. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika publichnykh prizyvov k narusheniyu territorial'noi tselostnosti Rossiiskoi Federatsii* [Criminal and Legal Characteristics of Public Calls to Violate the Territorial Integrity of the Russian Federation]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2017, 214 p.

Khlebushkin A. G. *Publichnye prizvy k osushchestvleniyu deistvii, napravlennykh na narushenie territorial'noi tselostnosti RF (st. 280.1 UK RF): ugolovno-pravovaya kharakteristika i voprosy kvalifikatsii* [Public Calls to Effectuation of Actions Aimed at Violation of Territorial Integrity of the Russian Federation (Article 280.1 of the Criminal Code of the RF): Criminal-Law Characteristics and Issues of Qualification], *Rossiiskii sledovatel'*, 2014, no. 11, pp. 25–29.

Kulev A. G. *Publichnye prizvy k osushchestvleniyu deistvii, napravlennykh na narushenie territorial'noi tselostnosti Rossiiskoi Federatsii: voprosy reglamentatsii* [Public Calls for Violation of Territorial Integrity of the Russian Federation: Regulatory Issues], *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century]: conference papers, Moscow, RG-Press, 2015, pp. 423–426.

Makeeva I. S. *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti, posyagayushchie na osnovy konstitutsionnogo stroya i bezopasnost' gosudarstva* [Criminal Liability for Extremist Crimes Infringing on the Foundations of the Constitutional Order and the Security of the State]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2017, 177 p.

Mozhegova A. A. *Ekstremistskie prestupleniya i prestupleniya ekstremistskoi napravlenosti po ugolovnomu pravu Rossiiskoi Federatsii* [Extremist Crimes and Crimes of an Extremist Orientation under the Criminal Law of the Russian Federation]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2015, 169 p.

Dmitriy Gorshkov – postgraduate student of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: gorshkov.dmitriy.2018@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-9516-4208

Дата поступления в редакцию / Received: 10.02.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.03.2022

В. С. Дорошенко

Судебный участок № 1 Лангепасского судебного района (Лангепас),
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ТРУБОПРОВОД КАК МЕСТО КРАЖИ НЕФТИ И ЕЕ ПРОДУКТОВ

Автором проведено обобщение судебной практики, которое показало, что единственный для правоприменителя бланкетный метод установления признаков специальных трубопроводов, перечисленных в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, зачастую приводит к противоречивым результатам в аналогичных правовых ситуациях. В статье анализируются причины некоторых проблем применения уголовных норм, охраняющих специальный трубопроводный транспорт.

Для устранения теоретических и практических разночтений в определении признаков трубопроводов, обозначенных в норме о краже, унификации правоприменительной практики автор предлагает, в частности, исключить из указанной уголовной нормы все ссылки на любые трубопроводы, а дальнейшее противодействие преступным посягательствам на нефтепроводы, нефтепродуктопроводы и иные химически опасные объекты транспорта развивать исключительно в пределах нормы, предусмотренной ст. 215.3 УК РФ.

Ключевые слова: хранилище, трубопровод, хищение из нефтепровода, нефтепровод, повреждение нефтепровода, нефтепродуктопровод

Для цитирования

Дорошенко В. С. Трубопровод как место кражи нефти и ее продуктов // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 16–24. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_16.

УДК 343

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_16

Особенности объективной стороны кражи газа, нефти и ее продуктов зачастую сопряжены с местом преступного изъятия имущества. К такому месту п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ относит нефтепровод, нефтепродуктопровод и газопровод. При этом единственно возможный для правоприменителя бланкетный метод установления признаков указанных трубопроводов на практике приводит к противоречивым результатам, поскольку специальные технические нормы, определяющие понятие «трубопровод», весьма разнородны по сфере и специфике применения.

Так, в приговорах Когалымского городского суда от 8 июля 2016 г. по делу № 1-126/2016 и от 23 октября 2019 г. по делу № 1-57/2019, вынесенных по одним и тем же преступным событиям, магистральный конденсатопровод «Уренгой – Сургут» отнесен

к охраняемым уголовным законом трубопроводам разных видов.

По первому приговору П. Г. Абушев был признан виновным в хищении газового конденсата из нефтепродуктопровода, поскольку суд, отталкиваясь от тезиса о том, что похищенное, являвшееся жидким углеводородным сырьем (нефтепродуктом), по составу близким к «дизельному топливу», т. е. не газом, отнес конденсатопровод к подвиду нефтепродуктопровода. Во втором приговоре действия А. М. Искендерова, соучастника П. Г. Абушева, квалифицированы как кража из газопровода. Такой вывод был основан на функциональной возможности конденсатопровода перемещать конденсат, в том числе газовый, поэтому суд посчитал конденсатопровод подвидом газопровода. Экспертные заключения, имеющиеся в указанных делах,

ясности не добавили, представленные для исследования образцы газового конденсата в них были определены одновременно и как сырье, и как нефтепродукт.

Необходимо знать, что газовый конденсат является видом углеводородного сырья, получаемого при разделении газоконденсатной смеси. Его состояние может быть нестабильным и стабильным. Для перехода в стабильное состояние газовый конденсат очищается от примесей до получения смеси из бензино-керосиновых фракций. Данная информация основана на Методических рекомендациях по определению и обоснованию технологических потерь газового конденсата, утвержденных Минэнерго России 12 апреля 2018 г.

В приговорах Сургутского районного суда от 16 февраля 2018 г. по делу № 1-22/2018 в отношении организованной группы В. А. Чичаева, от 21 января 2019 г. по делу № 1-74/2019 в отношении группы В. В. Филиппова сделан вывод о том, что технологические емкости вакуумных компрессорных станций цеха сбора, добычи и транспортировки газа относятся к системе магистрального газопровода. Соответственно в итоговой квалификационной формуле в этих приговорах учитывался, в частности, и признак кражи из газопровода.

Между тем в пяти приговорах Ханты-Мансийского районного суда, вынесенных в отношении С. В. Токарева (дело № 1-78/2019), Р. Ф. Бухарметова (дело № 1-103/2019), И. И. Иксанова (дело № 1-110/2019), А. В. Андросова (дело № 1-143/2019), Д. Н. Бобова (дело № 1-232/2019), суд пришел к иным квалификационным выводам. В этих решениях хищение газового конденсата из объектов аналогичной технологической системы при похожих преступных обстоятельствах оценено лишь с учетом квалифицирующего признака, определяющего размер похищенного. Такую же оценку можно увидеть и в приговоре Сургутского районного суда от 21 февраля 2011 г., вынесенного в отношении преступной группы Б. Х. Гичикаева.

В приговоре Кондинского районного суда от 3 сентября 2014 г. по делу № 1-79-2014 в отношении преступной группы В. В. Журавлева при окончательной юридической оценке деяния (покушение на кражу из нефтепровода группой лиц по предварительному сговору) сам нефтепровод, из которого совершалось хищение, вообще не указан.

Сделана ссылка лишь на проникновение на территорию дожимной насосной станции цеха добычи нефти, а также на открытие задвижки пункта налива нефти для наполнения автоцистерны преступников.

Примеры из судебной практики наглядно демонстрируют трудности, которые возникают перед правоприменителем изначально при определении, а затем установлении и правильном формулировании существенных, юридически значимых признаков специальных трубопроводов, охраняемых нормой, закрепленной в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Отсутствие соответствующей разъясняющей позиции Верховного Суда РФ только углубляет разночтения в правоприменении.

На наш взгляд, установление наиболее подходящего определения в широком перечне специальных норм, которые регулируют вопросы проектирования, конструирования, эксплуатации, промышленной безопасности трубопроводов, специально указанных в уголовном законе, не решит обозначенную проблему. Представляется, что правильные правовые оценки невозможны без уяснения их сущностного, функционального и эксплуатационного предназначения.

По устоявшемуся доктринальному мнению, объекты трубопроводного хозяйства, указанные в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, являются специальным видом хранилища, поскольку определяются через общее понятие «трубопровод», закрепленное в третьем примечании к ст. 158 УК РФ. Указанный термин толкуется расширительно и охватывает своим содержанием все без исключения трубопроводы, в том числе магистральные. Такую точку зрения высказывают А. М. Плешаков и В. А. Осипов. Они утверждают, что к объектам хранения следует относить как сами трубы, так и их запорную арматуру [Плешаков, Осипов 2018: 156–157].

Аналогично рассуждают многие представители доктрины, в частности Н. А. Лопашенко, Н. А. Карпова, Ю. Трунцевский. Определяя нефтепровод как систему транспортировки нефти и ее продуктов до потребителя, они все-таки называют технологические объекты этого вида своеобразным хранилищем [Лопашенко 2012: 406; Трунцевский 2007: 2; Карпова 2011: 88].

Поддерживают такую позицию и начинающие исследователи анализируемой проблемы. Например, А. С. Туманов, разбирая тер-

минологические вопросы, связанные с понятием «трубопровод», однозначно указывает, что это понятие в значении «хранилище» является общей уголовно-правовой категорией [Туманов 2020: 128].

Подобные рассуждения вполне обоснованны, поскольку следуют из конструкции диспозиции нормы о краже, в частности третьего примечания к ней. Однако они не учитывают криминологические и законотворческие обстоятельства внедрения этого термина в Уголовный кодекс, а также вступают в конфликт с определениями трубопровода, нефтепровода, нефтепродуктопровода, данными в технических актах нормативного характера.

До легального определения в уголовном законе понятия хранилища Верховный Суд Российской Федерации предлагал понимать под ним специальное место, основная функция которого заключается в обеспечении безопасности и сохранности хранимого (решение Верховного Суда РФ 2002 г. по делу № 3-Дп03-19. Однако после вступления 5 ноября 2002 г. в законную силу изменений Уголовного кодекса, внесенных в него Федеральным законом от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ, под хранилищем стали понимать любые сооружения, функционально предназначенные для постоянного или временного хранения материальных ценностей, оборудованные ограждением, техническими средствами или иной охраной.

Синтаксически уголовно-правовое определение хранилища (в третьем примечании к ст. 158 УК РФ) причисляло к нему и магистральный трубопровод, но только если он соответствовал вышеуказанным признакам. Можно заключить, что уголовный закон охранял только магистральный трубопровод, предназначенный для временного хранения материальных ценностей.

Следует отметить, что в первых редакциях проекта Федерального закона в дефиниции хранилища предлагалось использовать понятие «магистральный нефтепродуктопровод», а не «магистральный трубопровод».

Специальное выделение магистрального трубопровода в перечне сооружений хранения диктовалось опасной криминологической обстановкой того времени, проявлявшейся в прогрессирующем росте количества криминальных врезок в трубопроводы ПАО «Транснефть», монопольно эксплуатирую-

щей их магистральный вид¹. Такие незаконные вмешательства в систему магистральной транспортировки углеводородов создавали серьезные угрозы экономической безопасности государства.

Из сказанного можно заключить, что внедрение в дефиницию понятия «хранилище» термина «магистральный трубопровод» было основано на потребности усилить уголовное противодействие именно названной криминальной проблеме.

Примечательно, что обсуждаемые изменения уголовного закона сопровождались ослаблением репрессии за кражу из хранилища. Тяжесть криминального изъятия имущества из химически опасного трубопровода была снижена до средней, и наказание за это преступление было приравнено по своей строгости к наказанию за обычную кражу из «сарая». В научной литературе по данному поводу высказывалось мнение, что изменения 2006 г., привнесшие в Уголовный кодекс п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, были обусловлены необходимостью устранения именно этой законодательной ошибки [Петруханов 2014: 159]. Достоверность последнего суждения следует из содержания пояснительной записки к проекту федерального закона № 288967-4 «О внесении изменений в УК РФ и статью 151 УПК РФ». Оно объективно подтверждается и статистикой криминальных врезок в магистральные трубопроводы ПАО «Транснефть». Их число увеличилось с 748 в 2003 г. до 1132 в 2005 г.²

В целях усиления охраны объектов топливно-энергетического комплекса Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ было изменено содержание п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Указанная норма стала предусматривать ответственность за кражу из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Одновременно в Уголовный кодекс добавлена ст. 215.3, устанавливающая ответственность за повреждение как трубопроводов указанных видов, так и магистрального трубопровода; из определения понятия «хранилище» удалено слово «магистральный».

Осуждая пересмотр анализируемой уголовно-правовой нормы в угоду ситуации,

¹ Сливной бизнес. 2018 // URL <https://www.transneft.ru/pressReleases/view/id/11871> (дата обращения: 12.05.2021).

² Там же.

характеризовавшейся увеличением количества определенных противоправных деяний, Н. А. Лопащенко все-таки допускала буквальное понимание термина «трубопровод», позволяющее относить к ним любые трубопроводы, а не только перемещающие нефть, нефтепродукты и газ [Лопащенко 2012: 406]. Необходимо отметить, что авторы подобных распространенных в доктрине утверждений, очевидно, не учитывают историю создания и изменения исследуемой нормы.

Интересно, что еще в 2007 г. А. Безверхов и О. Адоевская связывали все отмеченные теоретические и практические сложности с качеством подзаконных нормативных актов, раскрывающих смысл категорий «трубопровод», «нефтепровод», «нефтепродуктопровод», «газопровод», «магистральный трубопровод». Они полагали, что данные термины наполнятся понятным правоприменителю содержанием после принятия федерального закона «О магистральном трубопроводном транспорте» [Безверхов, Адоевская 2007: 15]. Однако этот нормативный акт не принят до сих пор.

Анализируя специальные технические нормы того периода, К. Н. Сережкина обращала внимание на то, что суть термина «магистральный трубопровод» раскрывается путем перечисления включенных в него различных элементов, объектов, сооружений, и некоторые из них, обеспечивая транспортировку углеводородов, технологически задействованы в их временном хранении [Сережкина 2007: 142]. Например, действующий по настоящее время СНиП 2.05.06-85 «Магистральные трубопроводы», утвержденный постановлением Госстроя СССР от 30 марта 1985 г. № 30, определяет магистральный трубопровод путем перечисления его составных элементов, к которым относятся, в частности, трубопроводы с запорной арматурой, установки электрохимической защиты, линии электропередач, компрессорные распределительные станции, дороги, вертолетные площадки, а также станции подземного хранения газа, нефти и нефтепродуктов. Похожие конструкции определения можно встретить в Правилах охраны магистральных трубопроводов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2017 г. № 1083, а также в нормах об их технологическом проектировании, утвержденных приказом Минэнерго России от 24 апреля 2002 г. № 129.

Сопоставляя положения уголовного закона, раскрывающие понятие «хранилище», с названными техническими актами нормативного характера, можно сделать вывод, что термин «магистральный трубопровод» следовало бы воспринимать как обозначающий некую технологическую систему, включающую объекты различного функционального назначения. В связи с этим уголовная ответственность по признаку п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ могла наступать лишь в тех случаях, когда кража совершалась из сооружения, входящего в структуру магистрального трубопровода, непосредственно предназначенного для временного либо постоянного хранения материальных ценностей.

По нашему убеждению, при ином толковании уголовного закона происходит смешение общего для всех элементов системы магистрального трубопровода предназначения – транспортировки углеводородов – с частной функцией хранения, свойственной отдельным сооружениям, само существование которых обусловлено только указанным общим назначением. Придание частному признаку, свойственному некоторым сооружениям, значения общего для всей системы и распространение этого признака на все ее структурные единицы является алогичным, а с технической точки зрения – абсурдным.

Исключение признака магистрали из уголовно-правового определения термина «хранилище» стало следствием очередного казусного пересмотра анализируемой нормы. И. А. Клепицкий и А. В. Бриллиантов полагали, что исключение из уголовно-правового определения хранилища слова «магистральный» обусловлено установлением новой уголовной ответственности за кражу из немагистральных, но специализированных трубопроводов – нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода [Комментарий 2010: 499]. Именно это законотворческое решение послужило причиной современного расширительного толкования термина «трубопровод», допускающего наступление повышенной ответственности за хищения из абсолютно любого трубопровода.

Возможно, сохранение термина «трубопровод» в определении понятия хранилища и обеспечивает видимость системной преемственности в конструкции нормы

о краже. Однако указанное решение привело к тому, что уголовно-правовое определение хранилища в анализируемой части явно противоречит нормам технического характера, обращение к которым обязательно, поскольку исследуемая статья уголовного закона и примечание к ней бланкетны.

Так, согласно п. 2.1.7 рекомендаций «Обеспечение пожарной безопасности предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности» (утв. ФГУ ВНИИПО МЧС России 24 мая 2004 г.) трубопровод – это сооружение из плотно соединенных между собой труб, использующееся для транспортирования жидких и газообразных продуктов.

Изначально термин «магистральный трубопровод» в уголовно-правовой дефиниции хранилища появился в целях противодействия криминальным врезкам именно в магистральные нефтепроводы, нефтепродуктопроводы

Пункт 2.7.1 Правил промышленной безопасности складов нефти и нефтепродуктов (утв. приказом Ростехнадзора от 7 ноября 2016 г. № 461) к технологическим трубопроводам относит конструкцию (сооружение), состоящую из труб, деталей и элементов трубопровода, предназначенную для перемещения нефти, нефтепродуктов, отработанных нефтепродуктов, а также нефтепродуктопровод.

В приказе Ростехнадзора от 15 декабря 2020 г. № 534 трубопровод обозначен как линейный объект (сооружение) с комплексом технических устройств на нем для транспортирования газообразных и жидких сред под действием напора.

На основании п. 7 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» магистральные газопроводы, нефтепроводы, нефтепродуктопроводы отнесены к системе линейно-протяженных объектов топливно-энергетического комплекса, обеспечивающих транспортировку газа, нефти и нефтепродуктов.

Обобщая положения названных актов, можно заключить, что трубопровод, а также его разновидности – нефтепровод, нефтепро-

дуктопровод и газопровод – признаются линейно-протяженными объектами, которые состоят из труб, соединительных деталей и арматуры и предназначены для передачи по ним жидких либо газообразных сред на расстояние. Соответственно, под терминами «трубопровод», «нефтепровод», «нефтепродуктопровод», «газопровод», использованными в норме о краже, вполне обоснованно могут и должны пониматься сооружения транспорта, а не хранения. Указанный вывод согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, который в Постановлениях от 27 мая 2003 г. № 9-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П, в Определении от 2 сентября 2017 г. № 2165-О неоднократно указывал, что оценка степени определенности содержащихся в уголовном законе понятий должна осуществляться с учетом как самого текста закона и используемых в нем формулировок, так и их места в системе нормативных предписаний.

Вместе с тем не стоит исключать того, что в некоторых частных случаях собственники и даже преступники могут приспособить выведенный из строя трубопровод для хранения материальных ценностей. В этих обстоятельствах он утрачивает технологическую природу, соответственно перестает быть трубопроводом в том значении, которое ему придают специальные технические нормы. Трубопровод (тело трубы) становится некой изолированной, но достаточно протяженной емкостью. Только в таких случаях противоправное изъятие из него имущества может быть квалифицировано по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кража из иного хранилища, что весьма справедливо, технически и юридически обоснованно.

Например, участники преступной группы С. Н. Дядича, осужденные приговором Нижневартовского районного суда от 28 апреля 2017 г. по делу 1-22/2017, в качестве временной емкости для хранения похищенного имущества использовали недействующий, выведенный из эксплуатации трубопровод.

Можно заключить, что изначально термин «магистральный трубопровод» в уголовно-правовой дефиниции хранилища появился в целях противодействия криминальным врезкам именно в магистральные нефтепроводы, нефтепродуктопроводы. В последую-

щем в тех же целях термин «трубопровод» в данной дефиниции был сохранен, поскольку он обеспечил логической связью новый квалифицирующий признак «кража из нефтепровода нефтепродуктопровода, газопровода» с признаком кражи из иного хранилища.

Подобное решение породило ряд отрицательных теоретических и практических последствий. Прежде всего (повторим) возникли явные противоречия между уголовно-правовым определением хранилища и правовыми нормами технического характера относительно существа и функционального предназначения трубопровода, спорно разрешаемые в пользу указаний Уголовного кодекса, согласно которым сооружение, представляющее собой специальную разновидность транспорта, априори наделено функцией хранения. В конструкции ст. 158 УК РФ возникла конкуренция между п. «б» ч. 2 (хищение из иного хранилища) и п. «б» ч. 3 (хищение из нефтепровода), усугубляющая правовое положение виновного, на что справедливо указывает А. И. Рарог [Уголовное право 2007: 159]. Теоретически стали возможными ситуации, при которых некоторые хищения из трубопровода стали считаться более общественно опасными, чем хищение самого трубопровода либо его конструктивного элемента.

В содержании новых уголовно-правовых терминов не учитываются признаки иных видов химических опасных трубопроводов, например конденсатопроводов, преступные посягательства на которые весьма распространены.

Представляется спорной квалификация по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ кражи из конденсатопровода или другого трубопровода, близкого по технической природе к нефтепродуктопроводу либо газопроводу. Понимание разницы между этими видами трубопроводного транспорта, в частности, следует из ст. 74 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», раздела 4.2 распоряжения Правительства РФ от 30 сентября 2018 г. № 2101-р, а также из приказа Ростехнадзора от 30 марта 2020 г. № 139, отдельно предусматривающих разные требования как для нефтепродуктопровода, так и для конденсатопровода.

Вместе с тем конденсатопровод транспортирует газовый конденсат, который определяется как вид углеводородного сырья. Можно

сделать вывод, что конденсатопровод по своей сути нефтепродуктопроводом не является, он предназначен для транспортировки и хранения прежде всего газового сырья. Соответственно, кража из него (исходя из буквального толкования нормы) не может образовывать квалифицирующий признак по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Представляется, что данные рассуждения применимы в обозначенных условиях и к другим видам трубопроводов, специально не указанных в анализируемой норме.

Примечательно, что конденсатопровод как вид специально охраняемого трубопроводного транспорта не упоминается не только в ст. 158 УК РФ, но и в диспозиции ст. 215.3 УК РФ. При этом предусмотренная в чч. 2 и 4 ст. 215.3 УК РФ уголовно-правовая защита магистрального трубопровода по своей правовой сути не исключает наступления уголовной ответственности за повреждение «магистрального конденсатопровода».

В теории и судебной практике стало допускаться отождествление магистрального трубопровода, криминальное повреждение которого преследуется по ст. 215.3 УК РФ, с другими видами трубопроводов, указанными в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ [Трунцевский 2007: 2]. Поэтому в практической среде высказываются мнения о том, что проникновения в любое из сооружений, обеспечивающих работу магистральных трубопроводов, достаточно для привлечения лица к ответственности по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. А. С. Туманов не усматривает в данной позиции прочной юридической опоры. Отмечая, что понятия «магистральный нефтепровод» нет в Уголовном кодексе, он категорически заявляет, что с учетом установленной дефиниции трубопровода квалификация действий виновного по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ недопустима [Туманов 2020: 128].

На наш взгляд, такое умозаключение весьма спорно. Исходя из содержания нормативно закрепленных определений терминов «нефтепровод» и «магистральный нефтепровод», бесспорно, можно заключить, что они находятся в тесных логических отношениях рода и вида. Термин «нефтепровод» с точки зрения объема и содержания всецело подчинен термину «магистральный нефтепровод». Соответственно, анализируемая уголовная норма в действующей редакции законно применяется в случаях хищения из магистрального трубо-

провода. Однако А. С. Туманов справедливо замечает, что общественная опасность посягательства на магистральный трубопровод существенно выше опасности посягательства на обычный нефтепровод. К такому выводу можно прийти в результате анализа конструкций диспозиций ст. 215.3 УК РФ. Наказание за посягательство на магистральный трубопровод строже, чем за посягательство на обычный нефтепровод.

Обозначенные вопросы правоприменения являлись предметом оценки Верховного Суда Российской Федерации. Его определением от 10 августа 2018 г. № 305-КГ18-12458 оставлена без удовлетворения кассационная жалоба ПАО «Газпром». Этому обществу был доначислен налог, поскольку объект налогообложения – спорный газопровод – к числу магистральных не относится. Интересен вывод Суда о том, что всякий газопровод отличается от магистрального газопровода как терминологически, так и технологически.

В определении от 17 ноября 2014 г. № 305-КГ14-3662 Верховный Суд обратил внимание и на то, что входящее в состав спорных трубопроводов оборудование, по наименованию совпадающее с оборудованием магистрального трубопровода, само по себе не свидетельствует о возможности отнесения его к составу магистрального трубопровода, поскольку названные сооружения (спорные трубопроводы) представляют собой имущественный комплекс, не являющийся магистральным трубопроводом и не зарегистрированный в качестве такового. Не свидетельствует о том, что спорные трубопроводы являются магистральными, и то обстоятельство, что газопровод и конденсатопровод сообщены с магистральным трубопроводом, так как они выполняют лишь функцию транспортировки соответствующего продукта до магистрального трубопровода.

По нашему убеждению, единственно верным решением всех указанных теоретических и практических проблем выступает однозначное исключение из нормы о краже всех ссылок на любые трубопроводы. Их актуальность в текущей редакции уголовно-

го закона давно утрачена. Появившаяся еще в 2006 г. специальная норма, закрепленная в ст. 215.3 УК РФ, пресекает любое криминальное воздействие на трубопроводы. Она непосредственно обеспечивает стабильность отношений общественной безопасности, угроза которым возникает при любом преступном посягательстве, сопряженном с работой нефтепровода. Тем самым данная норма перекрывает потребности в уголовно-правовой охране указанных в ней трубопроводов.

Между тем квалифицирующий признак кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода лишь добавляет трудности применению ст. 215.3 УК РФ. Зачастую на практике повреждения трубопроводов, сопряженные с кражей из них, оцениваются как способ совершения хищения, а потому остаются за рамками правовых оценок. Однако сохранению обозначенной проблемы содействует и несовершенство конструкции самой нормы о повреждении нефтепровода. Тем не менее одновременное присутствие указанных норм в Уголовном кодексе порождает вопросы даже у Верховного Суда РФ.

В официальном отзыве от 14 ноября 2017 г. № 3-ВС-8539/17 на проект федерального закона от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ «О внесении изменений в ст. 215.3 УК РФ и ст. 150 и 151 УПК РФ» Верховный Суд РФ просил законодателя обозначить признаки, по которым самовольное подключение к нефтепроводу, его нефтепродуктопроводу и газопроводу, их повреждение отличны от кражи из них. Указанная просьба оставлена законодателем без внимания.

Представляется очевидным, что дальнейшее противодействие преступным посягательствам на нефтепроводы, нефтепродуктопроводы, а также иные химически опасные объекты транспорта следует осуществлять исключительно в пределах ст. 215.3 УК РФ. Нужно работать над устранением ее явных конструктивных недостатков, связанных с логическими противоречиями в описании объективной стороны, исключить внедрение обязательных мотивов, устранить неоднозначные ссылки на преступные последствия.

Список литературы

Безверхов А., Адоевская О. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за кражу, совершенную из нефтепровода и нефтепродуктопровода // Уголовное право. 2007. № 2. С. 12–16.

Карпова Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности. М.: Юриспруденция, 2011. 184 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантов. М., 2010. 1392 с.

Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 528 с.

Петруханов С. Н. К вопросу о квалификации кражи, совершенной путем незаконного доступа к имуществу // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 159–162.

Плешаков А. М., Осипов В. В. Уголовная ответственность за хищение нефти или нефтепродуктов и за их незаконное приобретение: вопросы квалификации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 155–159.

Сережкина К. Н. Системный анализ уголовно-правовых положений Федерального закона РФ от 30.12.2006 № 283-ФЗ // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2007. № 1. С. 142–145.

Трунцевский Ю. Как спасти нефть от хищения // Эж-Юрист. 2007. № 5.

Туманов А. С. Бланкетный характер уголовно-правовой нормы за кражу, совершенную из трубопровода // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 128–131.

Уголовное право России. Особенная часть: учеб. для студентов вузов / под ред. А. И. Рапога. М.: Инфра-М, 2007. 683 с.

Виталий Сергеевич Дорошенко – мировой судья судебного участка № 1 Лангепасского судебного района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, соискатель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 628672, Российская Федерация, Лангепас, ул. Дружбы Народов, д. 20. E-mail: LOW71@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8753-7350

Pipeline as a Place of Theft of Oil and its Products

Generalization of judicial practice, conducted by the author, showed, that the only one blanket method establishing signs of special pipelines, listed in Article 158 (part 3, paragraph «b») of the Criminal Code of the Russian Federation, often leads to contradictory results in similar legal situations. This article analyzes the causes of some problems in the application of criminal norms protecting special pipeline transport.

In order to eliminate theoretical and practical discrepancies in the definition of the signs of pipelines listed in the rule establishing liability for theft, and to unify law enforcement practice, the author proposes, in particular, to exclude all references to any pipelines from the specified criminal norm. Also, further counteraction to criminal encroachments on oil pipelines, oil product pipelines, and other chemically hazardous transport facilities is proposed to be carried out only within the framework of Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: storage, pipeline, theft from an oil pipeline, oil product pipeline, damage to an oil pipeline, oil product pipeline

Recommended citation

Doroshenko V. S. Truboprovod kak mesto krazhi nefiti i ee produktov [Pipeline as a Place of Theft of Oil and its Products], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 16–24, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_16.

References

Bezverkhov A., Adoevskaya O. Problemy differentsiatsii ugovlovnoi otvetstvennosti za krazhu, sovershennuyu iz nefteprovoda i nefteproduktoprovoda [Problems of Differentiation of Criminal Liability for Theft Committed from an Oil Pipeline and an Oil Product Pipeline], *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 2, pp. 12–16.

Brilliantov A. V. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow, 2010, 1392 p.

Karpova N. A. *Khishchenie chuzhogo imushchestva: voprosy kvalifikatsii i problemy differentsiatsii ugovnoi otvetstvennosti* [Theft of Another's Property: Questions of Qualification and Problems of Differentiation of Criminal Responsibility], Moscow, Yurisprudentsiya, 2011, 184 p.

Lopashenko N. A. *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Infringement on Property], Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 528 p.

Petrukhanov S. N. K voprosu o kvalifikatsii krazhi, sovershennoi putem nezakonnogo dostupa k imushchestvu [On the Question of Qualification of Theft Committed by Illegal Access to Property], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2014, no. 2, pp. 159–162.

Pleshakov A. M., Osipov V. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za khishchenie nefiti ili nefteproduktov i za ikh nezakonnoe priobretenie: voprosy kvalifikatsii [Criminal Liability for the Theft of Oil Product Pipelines and for Illegal Acquisition: Qualification Questions], *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2018, no. 3, pp. 155–159.

Rarog A. I. (ed.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of Russia. Special Part], Moscow, Infra-M, 2007, 683 p.

Serezhkina K. N. Sistemnyi analiz ugovno-pravovykh polozhenii Federal'nogo zakona RF ot 30.12.2006 № 283-FZ [Systematic Analysis of the Criminal Law Provisions of the Federal Law of the Russian Federation no. 283-FZ Dated 30.12.2006], *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Ser. Pravo*, 2007, no. 1, pp. 142–145.

Truntsevskii Yu. Kak spasti nefit' ot khishcheniya [How to Save Oil from Theft], *Ezh-Yurist*, 2007, no. 5.

Tumanov A. S. Blanketnyi kharakter ugovno-pravovoi normy za krazhu, sovershennuyu iz truboprovoda [Blank Character of Criminal Law Norms for Theft Committed from the Pipeline], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 128–131.

Vitaly Doroshenko – justice of the peace of the judicial precinct no. 1 Langepassky judicial district of the Khanty-Mansi Autonomous County – Yugra, applicant of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 628672, Russian Federation, Langepas, Druzhby Narodov str., 20. E-mail: LOW71@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8753-7350

Дата поступления в редакцию / Received: 20.12.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.03.2022

Е. В. Никитина, В. С. Раменская
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ, НАПРАВЛЕННОГО НА ПОЛУЧЕНИЕ ДОСТУПА К ЭЛЕКТРОННЫМ СООБЩЕНИЯМ

Статья посвящена одному из дискуссионных вопросов уголовно-процессуального законодательства – возможности осмотра и выемки электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений в рамках ст. 185 УПК РФ. Обращается внимание на отсутствие ясности в использовании законодателем понятий «электронные сообщения» и «иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения». На основе анализа ряда федеральных законов делается вывод о том, что использование в уголовно-процессуальном законе термина «иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения» излишне.

Основную проблему авторы видят в несоответствии положений ч. 7 ст. 185 УПК РФ существу регулируемого этой нормой следственного действия (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка). Анализ УПК РФ, а также Федерального закона «О почтовой связи» приводит их к выводу о том, что электронные сообщения не являются почтово-телеграфными отправлениями. Кроме того, указание в ч. 7 ст. 185 УПК РФ лишь на осмотр и выемку электронных сообщений (без упоминания их ареста) противоречит наименованию следственного действия, регулируемого данной нормой. В статье анализируются мнения различных ученых, рассматривающих возможные варианты решения проблемы. Итогом проведенного исследования стало предложение о внесении в Уголовно-процессуальный кодекс РФ положения, предусматривающего новое следственное действие, – получение информации об электронных сообщениях, их копирование и осмотр.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, следственное действие, электронные сообщения, иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения, судебное решение

Для цитирования

Никитина Е. В., Раменская В. С. Проблемы законодательного регулирования следственного действия, направленного на получение доступа к электронным сообщениям // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 25–32. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_25.

УДК 343.1

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_25

Уголовно-процессуальный закон пытается соответствовать современным реалиям, учитывать внедрение новых технологий практически во все сферы жизни человека. Свидетельством тому служит внесение ряда изменений и дополнений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Однако эти нововведения порой вызывают острые дискуссии в научных кругах. На одной из таких проблем хотелось бы остановиться подробнее.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» ст. 185 УПК РФ была дополнена частью 7, предусматривающей возможность осмотра и выемки электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообще-

ний. При этом законодатель не пояснил, что он понимает под «электронными сообщениями», а что – под «иными передаваемыми по сетям электросвязи сообщениями». В ст. 5 УПК РФ, раскрывающей основные понятия, используемые законодателем, эти термины отсутствуют. Не раскрываются они и в других нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ, в том числе в ст. 185.

Еще в начале XXI в. вносились предложения распространить действие ст. 185 УПК РФ, предусматривающей наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, на отправления, передаваемые посредством электронной почты [Россинская, Усов 2001: 99; Гаврилов, Иванов 2003]. Для своего времени это были весьма смелые и новаторские предложения. Но означает ли сейчас использованный законодателем термин «электронные сообщения» в том числе отправления, передаваемые посредством электронной почты? Распространяется ли этот термин на иные виды сообщений, которые могут передаваться с использованием информационно-телекоммуникационной сети (посредством мессенджеров *Viber*, *Telegram* и т. п.)? Или эти виды сообщений охватываются термином «иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения»?

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронное сообщение трактуется как информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети (п. 10 ст. 2). Информационно-телекоммуникационная сеть определена в указанном Законе как технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (п. 4 ст. 2).

С учетом этого в специальной литературе к электронным сообщениям относят письма, пересылаемые по электронной почте, сообщения в социальных сетях, переписку посредством сервисов мгновенных сообщений (мессенджеров), сообщения, передаваемые посредством мобильной связи (SMS, MMS) [Деятельность органов внутренних дел 2019: 89–94].

Что же в таком случае понимать под «иными передаваемыми по сетям электросвязи сообщениями»?

Содержание термина «электросвязь» раскрывается в п. 35 ст. 2 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126 (в ред. от 8 декабря 2020 г.) «О связи». Согласно ему «электросвязь – любые излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам». Однако данное определение не разграничивает анализируемые понятия. По сути, электронное сообщение и есть сообщение, передаваемое по сетям электросвязи, поэтому использование в законе термина «иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения» представляется излишним.

Что касается терминов «электронные сообщения» и «информационно-телекоммуникационная сеть», думается, следует внести их в ст. 5 УПК РФ, раскрыв содержание этих понятий аналогично тому, как они раскрываются в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

Далее, насколько корректно считать электронные сообщения почтово-телеграфными отправлениями? Этот вопрос возникает, поскольку в ст. 185 УПК РФ говорится о наложении ареста именно на почтово-телеграфные отправления (и об их осмотре и выемке).

Почтово-телеграфными отправлениями уголовно-процессуальный закон называет бандероли, посылки, телеграммы, радиограммы и другие почтово-телеграфные отправления (ч. 1 ст. 185 УПК РФ). В Федеральном законе от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «О почтовой связи» к почтовым отправлениям отнесены: письменная корреспонденция (т. е. простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли и мелкие пакеты), посылки и прямые почтовые контейнеры (ст. 2). В Уголовно-процессуальном кодексе РФ есть еще одно упоминание о почтово-телеграфных отправлениях. Говоря о мере пресечения в виде запрета определенных действий, законодатель разграничивает запрет на отправление и получение почтово-телеграфных отправлений от запрета на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (подп. 4 и 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Отсюда следует вывод, что электронные сообщения не являются почтово-телеграфными отправлениями и соответственно их осмотр и вы-

емка не могут проводиться в рамках ст. 185 УПК РФ.

Существует еще одна проблема. Статья 185 УПК РФ называется «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка». Форма и содержание предусмотренного этой нормой следственного действия должны распространяться и на производство осмотра и выемки электронных сообщений. На это совершенно справедливо обращает внимание Н. А. Архипова [Архипова 2018: 133]. Однако ч. 7 ст. 185 УПК РФ ничего не говорит о наложении ареста на электронные сообщения, в ней упоминаются лишь их осмотр и выемка.

Может ли составная часть правовой нормы настолько противоречить наименованию этой нормы? Это упущение законодателя или его продуманная позиция? Если упущение, то, очевидно, в ч. 7 ст. 185 УПК РФ должно говориться и о наложении ареста на электронные сообщения. Если продуманная позиция, то почему такое законодательное положение появилось в данной статье?

Следственное действие, предусмотренное ст. 185 УПК РФ, имеет сложную структуру: во-первых, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, во-вторых – их осмотр, в-третьих – выемка. Если оставить лишь две из этих составляющих (осмотр и выемку), то это уже другое следственное действие или, как вариант, два других следственных действия.

Все сказанное подтверждает вывод о том, что осмотр и выемка электронных сообщений не могут регулироваться ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ученые, занимавшиеся данной проблемой, предлагают собственные варианты ее решения. Так, по мнению Н. А. Липского и Е. М. Попова, следует предусмотреть в Уголовно-процессуальном кодексе РФ новое следственное действие – выемку, осмотр электронных переписок и файлов, содержащихся в них. Под термином «электронная переписка» они подразумевают переписку с помощью электронных устройств, поддерживающих специальные программы (например, мобильные приложения *Viber* или *Telegram*) и / или формат файлов, содержащихся в переписке. При этом авторы считают, что лишь решение суда может быть основанием для выемки электронной переписки.

Сама выемка должна осуществляться путем изъятия «любого электронного носителя, через который открыт доступ к... электронным перепискам или на котором они сохранились в памяти устройства» [Липский, Попов 2017].

Соглашаясь с общей концепцией закрепления в законе нового следственного действия, думаем, что более правильным будет использовать термин «электронные сообщения», а не «электронные переписки», поскольку электронное сообщение – это и переписка (т. е. текстовое сообщение), и информация в ином виде (фото, видео и др.). Кроме того, в предлагаемой норме говорится о «ходатайстве следователя об *изъятии* и осмотре электронной переписки» [Там же]. Термин «изъятие» в данном контексте не совсем корректен, поскольку речь в ходатайстве следователя должна идти о производстве *следственного действия*, а такого следственного действия, как изъятие, не существует.

Д. В. Овсянников также видит решение проблемы в закреплении в уголовно-процессуальном законе нового следственного действия. Он предлагает назвать его «Арест электронно-почтовой корреспонденции, ее осмотр и копирование», используя при этом именно термин «копирование», который, по его мнению, в данном случае более приемлем [Овсянников 2014: 131–132].

В. Б. Вехов и В. Ф. Васюков считают, что можно распространить действие ст. 186.1 УПК РФ («Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами») и на получение информации в виде электронных сообщений [Вехов, Васюков 2018].

Т. И. Гарипов выражает сомнение в обоснованности такого подхода. Он справедливо полагает, что регламентированное ст. 186.1 УПК РФ следственное действие не может быть направлено на получение информации о *содержании* электронных сообщений [Гарипов 2019: 477].

К ст. 186.1 УПК РФ обращается в своих исследованиях и А. И. Зазулин. Пытаясь найти оптимальный вариант решения проблемы, он предлагает изменить наименование и содержание данной статьи. По его мнению, предусмотренное в ней следственное действие должно позволять получать как информацию о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, так

и информацию, содержащуюся в электронных сообщениях. Поэтому статья должна быть названа: «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также информации, содержащейся в сообщениях, передаваемых посредством сервисов электронной почты, обмена мгновенными сообщениями или иным подобным образом» [Зазулин 2018: 153].

Помимо громоздкого и достаточно неопределенного названия, предлагаемая редакция ст. 186.1 УПК РФ обладает очень серьезным недостатком. В соответствии с п. 24.1 ст. 5 УПК РФ получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – это «получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередатчиков базовых станций». Предложенная

(а не «выемка») электронных сообщений является более точным, поскольку выемка электронного сообщения невозможна в силу того, что невозможно его «физическое изъятие». Кроме того, автор утверждает, что в предлагаемой норме должен фигурировать не используемый законодателем в ст. 185 УПК РФ термин «учреждение связи», а термин «оператор связи и (или) организатор распространения информации в сети Интернет» [Гарипов 2019: 477–480].

Последнее утверждение довольно спорно. В частности, С. В. Супрун и В. С. Черкасов, анализируя федеральное законодательство в сфере информационных технологий, приходят к заключению, что категория «учреждение связи» охватывает собой и категорию «организатор распространения информации в сети Интернет» [Супрун, Черкасов 2017: 62–63].

Однако это не умаляет идеи в целом. Безусловно, осмотр и выемка электронных сообщений не могут происходить в рамках ст. 185 УПК РФ. Имеются серьезные аргументы и против включения их в ст. 186.1 УПК РФ. Решение проблемы видится все-таки в создании нового следственного действия. Представляется, что оно должно именоваться «Получение информации об электронных сообщениях, их копирование и осмотр». Процессуальным основанием для его производства следует признать решение суда, поскольку ограничить конституционное право граждан на тайну переписки, установленное ст. 23 Конституции РФ, можно только по судебному решению.

Судебное решение может быть получено следователем при соблюдении обычной процедуры, отраженной в ст. 165 УПК РФ, а именно посредством возбуждения перед судом ходатайства о производстве этого следственного действия. Ходатайство должно включать сведения о том уголовном деле, в рамках которого необходимо получить информацию об электронных сообщениях, произвести их копирование и осмотр. В ходатайстве должны быть указаны веские основания для ограничения права граждан на личную переписку. Кроме того, следователь должен определить период, за который он хочет получить информацию, содержащуюся в электронных сообщениях, и срок производства следственного действия. Превышение

Представляется, что новое следственное действие должно именоваться «Получение информации об электронных сообщениях, их копирование и осмотр»

автором редакция ст. 186.1 УПК РФ подразумевает получение еще и информации о *содержании* электронных сообщений. Думается, говорить об этом в рамках одной нормы, которая должна регламентировать конкретное следственное действие, необоснованно.

Вместе с тем все больше ученых склоняются к тому, что в уголовно-процессуальном законе необходимо предусмотреть новое следственное действие, направленное на получение электронных сообщений. Т. И. Гарипов, например, предлагает внести в Уголовно-процессуальный кодекс РФ ст. 186.2 «Копирование и осмотр электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений». Новая норма, по его мнению, позволит исключить двусмысленность в понимании следственных действий, связанных с осмотром и изъятием электронных сообщений. При этом он обоснованно считает, что термин «копирование»

этого срока или периода, за который необходимо получить информацию, может быть расценено судом как нарушение конституционных прав гражданина или нарушение разумного срока судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Гражданин, о чьих электронных сообщениях нужно получить информацию, должен быть идентифицирован. В ходатайстве должны быть указаны его фамилия, имя и отчество, а также иные сведения о нем как о пользователе информационно-телекоммуникационной сети. Наконец, нужно указать наименование оказывающей услуги связи организации, которая должна предоставить требуемую информацию, поскольку такое требование должно быть адресным.

Ходатайство следователя должно быть рассмотрено соответствующим судом в порядке ст. 165 УПК РФ. В результате суд должен вынести мотивированное постановление о разрешении производства этого следственного действия или об отказе в его производстве (ч. 4 ст. 165 УПК РФ). В первом случае копия судебного решения должна быть направлена руководителю соответствующей организации, оказывающей услуги связи. Именно он обязан предоставить требуемую информацию и скопировать электронные сообщения. Именно с ним следователь вступает в соответствующие правоотношения, поскольку учреждение связи, в отличие от следователя, имеет доступ к требуемой информации.

Срок производства данного следственного действия и периодичность предоставления информации предполагается установить по аналогии со ст. 186.1 УПК РФ (соответственно – шесть месяцев и не реже одного раза в неделю). Это связано со сроками предварительного расследования и целесообразностью получения требуемых сведений.

Поскольку руководитель организации, оказывающей услуги связи, представляет сведения в электронном виде (на любом электронном носителе информации), в ряде случаев следователю в процессе осмотра может понадобиться помощь специалиста в области информационных технологий (например, для извлечения кодированной информации).

Протокол осмотра представленной информации и скопированных электронных сообщений должен содержать значимую для уголовного

дела информацию, иначе действия следователя могут быть обжалованы в установленном законом порядке как нарушающие тайну переписки.

Подводя итог, предлагаем дополнить Уголовно-процессуальный кодекс РФ новой нормой следующего содержания:

«Статья 186.2. Получение информации об электронных сообщениях, их копирование и осмотр

1. Получение информации об электронных сообщениях, их копирование и осмотр могут быть произведены в качестве следственного действия, если имеются достаточные основания полагать, что в электронных сообщениях содержится информация, имеющая значение для уголовного дела.

2. Получение информации об электронных сообщениях, их копирование и осмотр производятся на основании судебного решения, принимаемого в порядке статьи 165 УПК РФ.

3. В ходатайстве следователя о производстве данного следственного действия указываются:

1) сведения об уголовном деле, по которому предполагается получение информации об электронных сообщениях, их копирование и осмотр;

2) фамилия, имя, отчество и иные идентификационные сведения о пользователе информационно-телекоммуникационной сети, в отношении которого предполагается производство данного следственного действия;

3) фактические основания для получения информации об электронных сообщениях лица, их копирования и осмотра;

4) срок производства следственного действия и период времени, за который требуется получить информацию об электронных сообщениях;

5) наименование оказывающей услуги связи организации, на которую возлагается обязанность информировать следователя об электронных сообщениях лица и производить их копирование.

4. Следователь направляет копию судебного решения о получении информации об электронных сообщениях, их копировании и осмотре руководителю организации, оказывающей услуги связи. На руководителя данной организации возлагается обязанность

предоставлять требуемую информацию и копии электронных сообщений на любом электронном носителе информации. Этот электронный носитель информации передается следователю в опечатанном виде вместе с сопроводительным письмом, содержащим указание на период времени, за который предоставляется информация.

5. Установленный судом срок данного следственного действия не может быть выше шести месяцев. В течение этого срока требуемая информация и копии электронных сообщений должны предоставляться следователю организацией, оказывающей услуги связи, по мере их поступления, но не реже, чем один раз в неделю.

6. Следователь производит осмотр представленной информации и скопированных электронных сообщений. При необходимости он привлекает к участию в осмотре специалиста в области информационных технологий. Составленный по результатам осмотра протокол должен содержать лишь информацию, имеющую значение для уголовного дела.

7. Электронные носители информации, предоставленные организацией, оказывающей услуги связи, приобщаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, опечатываются и хранятся в условиях, обеспечивающих их сохранность и конфиденциальность».

Список литературы

Архипова Н. А. Тактика обыска и выемки электронных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи // Закон и право. 2018. № 6. С. 132–135.

Вехов В. Б., Васюков В. Ф. Получение компьютерной информации от организаторов ее распространения в сети Интернет при расследовании преступлений // Российский следователь. 2018. № 3. С. 11–15.

Гаврилов М. В., Иванов А. Н. Наложение ареста на электронную почту, ее осмотр и выемка // Правоведение. 2003. № 1. С. 154–162.

Гарипов Т. И. Вопросы процессуальной регламентации копирования и осмотра электронных сообщений в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 4. С. 475–481.

Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учеб. пособие. М.: Акад. управления МВД России, 2019. Ч. 1. 208 с.

Зазулин А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 251 с.

Липский Н. А., Попов Е. М. Проблемы электронной переписки в уголовно-процессуальном доказывании // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 3. С. 82–86.

Овсянников Д. В. Электронное копирование информации в системе средств уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2. С. 130–135.

Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001. 414 с.

Супрун С. В., Черкасов В. С. О противоречивом характере новеллы в законодательном регулировании следственного действия «Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления» // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 1. С. 59–64.

Елена Викторовна Никитина – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: nick2210@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5992-3887

Виктория Святославовна Раменская – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического

университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: viva-ra@mail.ru.
ORCID: 0000-0001-5992-3887

Problems of Legislative Regulation of an Investigative Action Aimed at Gaining Access to Electronic Messages

The article is devoted to one of the controversial issues of criminal procedure legislation – the possibility of examining and seizing electronic messages or other messages transmitted over telecommunication networks within the framework of Article 185 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the lack of clarity in using such concepts as «electronic messages» and «other messages transmitted over telecommunication networks» by the legislator. Based on the analysis of federal laws, it is concluded that using the term «other messages transmitted over telecommunication networks» in the criminal procedure law is unnecessary.

The authors see the main problem in the inconsistency of the provisions of the Criminal Procedure Code with the essence of the investigative action regulated by Part 7 of Article 185 (arrest of postal and telegraph items, their examination and seizure). An analysis of legislative acts leads to the conclusion that electronic messages are not postal and telegraphic items. In addition, considered legal rule mentions only electronic messages' examination and seizure (without mentioning their arrest), what contradicts the name of the investigative action regulated by the whole norm. The article provides an analysis of various points of view expressed in the special literature, considering possible solutions to the problem. As a result, it is proposed to introduce a new investigative action in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation – obtaining information about electronic messages, copying and examining them.

Keywords: criminal procedure law, investigative action, electronic messages, other messages transmitted over telecommunication networks, court decision

Recommended citation

Nikitina E. V., Ramenskaya V. S. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya sledstvennogo deistviya, napravlenno na poluchenie dostupa k elektronnyim soobshcheniyam [Problems of Legislative Regulation of an Investigative Action Aimed at Gaining Access to Electronic Messages], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 25–32, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_25.

References

Arkhipova N. A. Taktika obyska i vyemki elektronnykh soobshchenii, peredavaemykh po setyam elektrosvyazi [Search and Seizure Tactics for Electronic Messages Transmitted over Telecommunication Networks], *Zakon i pravo*, 2018, no. 6, pp. 132–135.

Deyatel'nost' organov vnutrennikh del po bor'be s prestupleniyami, sovershennymi s ispol'zovaniem informatsionnykh, kommunikatsionnykh i vysokikh tekhnologii [The Activities of the Internal Affairs Agencies in the Fight against Crimes Committed Using Information, Communication and High Technologies], Moscow, Akad. upravleniya MVD Rossii, 2019, pt. 1, 208 p.

Garipov T. I. Voprosy protsessual'noi reglamentatsii kopirovaniya i osmotra elektronnykh soobshchenii v ugovnom sudoproizvodstve [Issues of Procedural Regulation of Copying and Examination of Electronic Messages in Criminal Proceedings], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 475–481.

Gavrilov M. V., Ivanov A. N. Nalozhenie aresta na elektronnyuyu pochtu, ee osmotr i vyemka [E-mail Seizure, Inspection and Confiscation], *Pravovedenie*, 2003, no. 1, pp. 154–162.

Lipskii N. A., Popov E. M. Problemy elektronnoi perepiski v ugovno-protsessual'nom dokazyvanii [Problems of Electronic Correspondence in Criminal Procedural Evidence], *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 2017, no. 3, pp. 82–86.

Ovsyannikov D. V. Elektronnoe kopirovanie informatsii v sisteme sredstv ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya [Electronic Copying of Information in the System of Means of Criminal Procedural Evidence], *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2014, no. 2, pp. 130–135.

Rossinskaya E. R., Usov A. I. *Sudebnaya komp'yuterno-tekhnicheskaya ekspertiza* [Forensic Computer-Technical Expertise], Moscow, Pravo i zakon, 2001, 414 p.

Suprun S. V., Cherkasov V. S. O protivorechivom kharaktere novelty v zakonodatel'nom regulirovanii sledstvennogo deistviya «Nalozhenie aresta na pochtovo-telegrafnye otpravleniya» [On the Controversial Nature of the Novel in the Legislative Regulation of the Investigative Action «Seizure of Postal and Telegraphic Items»], *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 59–64.

Vekhov V. B., Vasyukov V. F. Poluchenie komp'yuterno informatsii ot organizatorov ee rasprostraneniya v seti Internet pri rassledovanii prestuplenii [Obtaining Computer Information from the Organizers of its Dissemination on the Internet When Investigating Crimes], *Rossiiskii sledovatel'*, 2018, no. 3, pp. 11–15.

Zazulin A. I. *Pravovye i metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya tsifrovoy informatsii v dokazyvanii po ugovnomu delu* [Legal and Methodological Foundations for the Use of Digital Information in Proving a Criminal Case]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2018, 251 p.

Elena Nikitina – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial activity and criminal procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: nick2210@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5992-3887

Victoria Ramenskaya – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial activity and criminal procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: viva-ra@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0428-7283

Дата поступления в редакцию / Received: 07.06.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.03.2022

В. Н. Долинин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

РАСПОЗНАВАНИЕ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ ПРИ ДОПРОСЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПСИХОТЕХНИКИ

Допрос – наиболее распространенное следственное действие, которое связано с личностью допрашиваемого и допрашивающего. В следственной практике в процессе допроса, особенно подозреваемых и обвиняемых, может сложиться конфликтная ситуация, в которой субъект допроса дает ложные показания. В зависимости от процессуального положения допрашиваемого мотивы дачи ложных показаний могут быть разными: стремление избежать уголовной ответственности, смягчить меру наказания, скрыть другое, более тяжкое, преступление.

В процессе допроса следователю иногда сложно установить, правдивые или ложные показания дает допрашиваемый. По нашему мнению, для распознавания лжи допрашивающий должен использовать элементы психотехники, наблюдая за движением глаз, учитывая особенности голоса и речи, мимику и жесты, манеру поведения и т. п. Изменение поведения субъекта в ходе допроса, в частности опускание или отвод в сторону глаз, изменение тембра голоса, заикание, повышенное потоотделение, учащенное дыхание и другие реакции, свидетельствуют о волнении и беспокойстве, которые, в свою очередь, являются признаками дачи ложных показаний.

Учитывая это обстоятельство, следователь должен наблюдать за субъектом допроса, проанализировать содержание его речи и в комплексе оценить его психофизиологические реакции. Это позволит допрашивающему распознать факт дачи ложных показаний, сделать вывод о целесообразности применения при допросе тактических приемов изобличения во лжи.

Ключевые слова: ложь, допрос, психотехника, виды лжи, субъекты допроса, тактика проведения допроса

Для цитирования

Долинин В. Н. Распознавание ложных показаний при допросе с использованием психотехники // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 33–38. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_33.

УДК 343.98

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_33

Уголовно-процессуальным кодексом закреплен процессуальный порядок проведения допроса в Российской Федерации (ст. 173, 174, 189–191, 275–282 УПК РФ). Данный порядок невозможно изменить, а также невозможно провести допрос каким-либо иным способом.

В целом для всех участников уголовного процесса порядок проведения допроса единый. Отличается он лишь по процессуальному положению участников допроса, а также комплексом имеющихся у них прав и обязан-

ностей по уголовному делу. Однако с психологической точки зрения разница более существенна, поскольку учитываются демографические данные допрашиваемого, а также его психофизиологические особенности. Задачей допрашивающего лица всегда является получение достоверных сведений о фактах по уголовному делу. Вопрос же о том, как установить достоверность показаний, остается открытым. Для этого допрашивающий может избрать определенную тактику допроса с применением элементов психотехники.

Процесс допроса всегда проходит под влиянием комплекса обстоятельств: объективных и субъективных. Среди объективных обстоятельств можно выделить любые внешние воздействия, не зависящие от воли допрашиваемого и допрашивающих лиц: например, время допроса, обстановка (если допрос не проводится в кабинете следователя) и пр. Субъективных обстоятельств проведения допроса, конечно, намного больше. Именно в эту группу входит использование следователем или дознавателем элементов психотехники для установления достоверности показаний допрашиваемого [Алексеев 2011: 317].

Психотехника (греч. ψυχή – душа, и др.-греч. τέχνη от τέχνη – искусство, мастерство, умение) – отрасль психологической науки, в рамках которой изучается применение психологии при решении практических вопросов, связанных с трудовой деятельностью. Как наука психотехника появилась в начале XX в., в 1908 г. впервые были описаны ее сущность и методы. Изначально психотехника основывалась на учении об устойчивых особенностях психики, определяющем основные типы людей. Были выделены три главные задачи новой науки: 1) отбор необходимых кадров; 2) максимизация производительности труда; 3) оказание воздействия экономики на личность работников.

На этом этапе психотехника изучала лишь поведение, связанное с трудовыми обязанностями личности и трудовым поведением. На практике она использовалась для формирования грамотного подбора кадров, проведения профессионального обучения, обеспечения психогигиены на рабочем месте, борьбы с переутомлением, увеличения мотивации к труду и пр. Сегодня достижения психотехники можно использовать в различных сферах жизни, в том числе в уголовном процессе, в частности при проведении допросов. При использовании инструментов психотехники учитываются психологические особенности личности и должны соблюдаться принципы профессионализма, гуманности и неприкосновенности личности.

Для успешного проведения допроса с применением инструментов психотехники в первую очередь необходимо получить максимум знаний о допрашиваемом лице. Для следователя интересны особенности его образа жизни,

типа личности, темперамента, наличие психических отклонений или заболеваний, наличие физиологических заболеваний, уровень знаний, интеллекта, культурного развития, наличие семьи, привязанность к семейным ценностям, привязанность к друзьям. Данные сведения необходимы для формулировки контрольных и уточняющих вопросов с целью определения поведения человека, когда он лжет. Информацию можно получить из материалов уголовного дела, также можно сделать запросы в уполномоченные органы, а кроме того, перед допросом можно провести небольшую неформальную беседу, в ходе которой попробовать установить основные психологические особенности личности [Еникеев 2004: 66].

Перед тем как остановиться на характеристике основных элементов психотехники, рассмотрим немного подробнее понятие лжи. Ложь – это сложное психологическое понятие, которое определяется как способ поведения человека в стрессовой ситуации, обеспечивающий ему внутренний психологический комфорт, а также достижение поставленных корыстных целей. Дача ложных показаний на допросе с психологической точки зрения всегда волевой акт человека, он не происходит бессознательно. Если человек лжет, он отчетливо это понимает, при условии его нормального психического здоровья. Принятие допрашиваемым решения о даче ложных показаний всегда сопряжено с наличием эмоционального напряжения. Напряжение держится с момента принятия такого решения до непосредственной дачи ложных показаний. Напряжение связано с внутренней борьбой между обязанностью предоставить необходимые сведения по существу рассматриваемого дела и потребностью обеспечить свою информационную безопасность.

При формировании ложных показаний в сознании допрашиваемого происходит замена реальной картины преступления на вымышленную им. Вымышленное событие «выталкивает» из сознания реальное, однако реальное событие всегда четче и сильнее закреплено, поскольку является объектом внешнего восприятия, а не внутреннего осмысления. В результате возникновения внутренней конкуренции двух событий допрашиваемый

может выдавать противоречивые показания в разные моменты, особенно если ложь не была достаточно проработана [Васильев, Карнеева 1970: 110].

Особенностью дачи ложных показаний является изменение процесса мышления допрашиваемого. Последний не должен выдавать информацию, на основании которой можно выстроить реальную картину происшествия, зато должен исправлять детали реальной картины с учетом своей лжи. В итоге на одни и те же мыслительные процессы при даче правдивых и ложных показаний будет затрачено разное количество времени. Чем выше уровень рефлексии допрашиваемого, тем сложнее установить правдивость его показаний.

Среди основных мотивов дачи ложных показаний можно выделить следующие:

- наличие воздействия виновных лиц, связанное с требованием дачи ложных показаний под угрозой применения насилия;

- психические заболевания;

- нежелание участвовать в уголовном процессе;

- негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов;

- желание помочь виновным лицам избежать наказания;

- желание наступления неблагоприятных последствий для невиновных лиц.

Итак, перейдем к исследованию применения элементов психотехники в ходе производства допроса в рамках уголовного судопроизводства. С нашей точки зрения, следователю нужно обращать внимание на положение глаз допрашиваемого, особенности голоса, мимики, жестов, поведения, а также некоторые физиологические особенности человека, изменения которых мы рассмотрим подробнее.

Как правило, все допросы производятся в кабинете следователя. Если производится допрос несовершеннолетнего, то необходимо обязательное участие педагога [Рыбин 2017: 10].

При допросе взрослого человека нужно обеспечить в помещении атмосферу свободного общения. Установление доверительного общения начинается с момента встречи допрашиваемого и допрашивающего. Очень важно, чтобы допрашивающий на этом этапе не демонстрировал свои властные полномочия, а воспринимался как человек, способный и желающий помочь допрашиваемому. Здесь

можно предупредить допрашиваемого об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, а также разъяснить лицу его процессуальные права и обязанности.

Не следует перебивать допрашиваемого в ходе его рассказа. Необходимо выслушать его версию событий и зафиксировать мелкие детали. Важно не проявлять недоверия к допрашиваемому в случае, если он лжет, он должен считать, что ему верят, это будет способствовать ослаблению мыслительного процесса и усыплению бдительности.

В ходе допроса следователь может использовать наблюдение. В процессе наблюдения необходимо обратить внимание на походку допрашиваемого, одежду, тон при ответах на вопросы, на то, насколько тщательно он изучает свои показания в протоколе, насколько уверенно себя чувствует в ходе допроса

Важно не проявлять недоверия к допрашиваемому в случае, если он лжет, он должен считать, что ему верят, это будет способствовать ослаблению мыслительного процесса и усыплению бдительности

и пр. Эти элементы характеризуют степень желания допрашиваемого вообще общаться со следователем и предоставлять ему какую-либо информацию по делу. При оценке показаний нужно учитывать следующее: зависимость качества информации от условий ее восприятия, психического и физического состояния допрашиваемого на момент наступления событий, о которых он рассказывает, личность допрашиваемого, а также особенности его памяти, если их удалось установить [Аминов 2010: 95].

Не следует задавать один и тот же вопрос дважды, если нет оснований полагать, что ответ на него изменится. Это не позволит получить правдивые показания, зато может привести к тому, что показания начнут подстраиваться под выбранную линию расследования, что противоречит цели установления истины по делу.

Если при допросе подозреваемых или обвиняемых возникла конфликтная ситуация, нецелесообразно задавать повторные вопросы, эффективнее будут контрольные и уточняющие вопросы.

Установив систему доверительных отношений между допрашиваемым и допрашивающим, можно переходить к анализу изменения некоторых поведенческих и физиологических особенностей человека в ходе дачи им показаний. Здесь следует уточнить, что чем лучше подготовлена ложь и чем более человек является психологически устойчивым, тем менее заметны будут указанные ниже признаки.

В первую очередь у допрашиваемого будут меняться выражения лица. Ранее мы уже отмечали, что внутреннее состояние лжеца всегда сопряжено с тревогой, уровень которой изменяется в зависимости от степени лжи и психических особенностей человека. Внешне тревога проявляется в виде поднятия бровей и образования складок на лбу. Если тревога реальна, то чаще всего брови приподняты в одном положении симметрично друг другу. Если же допрашиваемый пытается ввести следователя в заблуждение, то положения бровей будут не симметричны, что связано с проявлением комплекса других эмоций и активным внутренним мыслительным процессом.

Далее следует обратить внимание на число прикосновений к носу. В момент дачи ложных показаний субъект вопроса часто использует легкое потирание носа или быстрое прикосновение к нему. Это связано с выбросом адреналина в капиллярах носа, что вызывает зуд и заставляет допрашиваемого дотрагиваться до носа. Аналогичен в этом плане механизм прикосновения ко рту и губам [Якуб 1969: 58].

Движения глаз лучше всего выдают ложь. Доказано, что если человек очень часто моргает, то, скорее всего, он врет. Причем когда человек моргает в процессе лжи, его глаза дольше остаются закрытыми. Это также связано с необходимостью долгого осмысления своей лжи и показаний, которые человек собирается дать. Если человек правша, то в процессе дачи ложных показаний он будет смотреть влево вверх, поскольку ему необходимо задействовать лобную долю мозга, отвечающую за воображение. Соответственно, если он говорит правду, то смотреть будет вправо вверх, включая другую лобную долю.

Перейдем к изучению языка тела. Когда человек говорит правду, он непроизвольно кивает либо делает движения головой, похожие на кивки, практически сразу после произнесенных слов или во время их произнесе-

ния. Если же допрашиваемый лжет, то между показаниями и кивками будет некоторая пауза. При исследовании данного явления следует сначала провести с человеком беседу на нейтральную тему, чтобы определить особенности его движений и в дальнейшем сопоставить их с поведением в процессе дачи показаний [Экман 2010: 205].

Одним из признаков лжи может быть общая суетливость допрашиваемого. Лжец, как правило, будет сидеть в неестественной позе, постоянно ее менять, сбиваться в процессе разговора, проявлять некоторую рассеянность и невнимательность. Суетливость может проявляться в беспокойном положении рук, постоянном поправлении галстука, запонок, юбки, рукавов, браслетов, часов и пр. Человек будет стараться взять что-нибудь в руки, чтобы успокоить себя, возможно, прикасаться к волосам.

В процессе общения человек, как правило, наклоняется в сторону собеседника и неосознанно начинает повторять его жесты. Такое поведение говорит о том, что допрашиваемый говорит правду. Если человек отклоняется от собеседника, то, скорее всего, он лжет. Кроме того, в процессе дачи ложных показаний в сознании угнетается функция копирования, и человек перестает неосознанно повторять жесты собеседника, что связано с необходимостью применения дополнительных усилий для мыслительного процесса.

В процессе активной мыслительной деятельности, а также при стрессовой ситуации человеку необходим приток кислорода к мозгу. В результате дыхание становится учащенным [Фрай 2006: 147].

Также в стрессовой ситуации резко меняются тембр голоса и его скорость. Человек начинает говорить быстрее, а тембр голоса становится выше. Кроме того, перед ответом происходят длительные паузы, связанные с потребностью в оценке ситуации и продумывании нескольких вариантов ответа. Вместе с тем признаком лжи может стать излишняя говорливость допрашиваемого. Он старается увести разговор в другое русло, выигрывая время на продумывание ответа на поставленный вопрос. В такой момент допрашиваемый начинает обращаться к следователю с целью получить согласие со своими словами и установить преимущество в разговоре.

Эмоциональные реакции человека могут являться отличным показателем лжи. Если человек говорит правду, то его реакции на ус-

лышанные факты будут вполне предсказуемы и естественны, а если он врет, то они станут притворными, возможно, небрежными, а также агрессивными [Спирица 2009: 84].

Для выявления лжи с помощью инструментов психотехники можно использовать метод повторения вопроса. При этом нужно быть аккуратным, поскольку, если лжец запомнил ответ на предыдущий вопрос, обычное повторение не приведет к нужному результату и разрушит доверительные отношения. Для озвучивания повторного вопроса необходимо сбить допрашиваемого с толку, возможно, вопрос можно будет задать снова при проведении повторного допроса. Однако важно, чтобы человек переключился с этого вопроса дальше. При озвучивании контрольного вопроса допрашиваемый, если он лжет, изменит свой ответ, пусть даже незначительно. Субъект может повторить свой ответ слово в слово, как в предыдущий раз, а это характерный признак того, что ответ был заучен.

Если человек желает скрыть свои мотивы, то в процессе общения он будет стараться переключать влияние в разговоре таким образом, чтобы быть его регулятором. Фактически

вести допрос будет он, а не следователь. Однако и в таком случае можно получить много важной информации при тщательном наблюдении за допрашиваемым. Если он врет, то будет стараться часто делать комплименты, спонтанно менять тему разговора, отвлекаться на выдуманные проблемы или детали, резко переходить к неудобным вопросам.

Можно сделать следующие выводы.

Достижения психотехники целесообразно использовать в следственной деятельности. В процессе допроса следователь методом наблюдения получает информацию о динамике изменения поведения допрашиваемого, что позволит ему распознать факт дачи ложных показаний. Анализ и оценка этого факта влияют на внутреннее убеждение, уверенность следователя и способствуют выбору оптимальной тактики допроса, в том числе тактических приемов психологического воздействия, направленных на изобличение допрашиваемого во лжи.

При расследовании преступлений органам следствия целесообразно более активно использовать психотехнику для установления истины по уголовному делу.

Список литературы

- Алексеев Л. Г. Психофизиология детекции лжи. Методология. М.: ГаллеяПринт, 2011. 614 с.
- Аминов И. А. Психология делового общения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 287 с.
- Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1970. 208 с.
- Еникеев М. И. Общая и юридическая психология: Краткий курс. М.: Питер, 2005. 320 с.
- Рыбин Д. Н. Основы психотехники общения с гражданами участковых уполномоченных полиции: учеб.-метод. пособие. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2017. 20 с.
- Спирица Е. В. Как распознать ложь в общении? М.: Консталтинговая компания, 2009. 244 с.
- Фрай О. Ложь, три способа выявления. Как читать мысли лжеца. Как обмануть детектор лжи. СПб.: ПраймЕВРОЗНАК, 2006. 288 с.
- Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2010. 384 с.
- Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших. Оценка показаний свидетелей и потерпевших на предварительном следствии и в суде первой инстанции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 128 с.

Владимир Николаевич Долинин – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dvn1952@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-3868-2866

Recognition of False Testimony during Interrogation Using Psychotechnics

Interrogation is the most common investigative action that is related to the identity of the interrogated and the interrogator. In investigative practice, during the interrogation, especially of suspects and accused, a conflict situation may develop, in which the subject of the interrogation

gives false testimony. Depending on the procedural situation of the interrogated, the motives for giving false testimony may be different: the desire to avoid criminal liability, to mitigate the penalty, to conceal another more serious crime.

During the interrogation, it is sometimes difficult for the investigator to establish whether the interrogated person gives truthful or false testimony. In our opinion, for the recognition of lies, the interrogator should use elements of psychotechnics: observing the movement of the eyes, taking into account the peculiarities of voice and speech, facial expressions and gestures, demeanor, etc. A change in the subject's behavior during interrogation (in particular, lowering or averting the eyes, changing the timbre of the voice, stuttering, increased sweating, rapid breathing and other reactions) is indicative of agitation and anxiety, which, in turn, are signs of giving false testimony.

Considering this circumstance, the investigator should observe the interrogated, analyze the content of his speech and evaluate his psychophysiological reactions in a complex. This will allow the interrogator to recognize the giving of false testimony, to draw a conclusion about the expediency of using tactical methods of exposing lies during interrogation.

Keywords: lies, interrogation, psychotechnics, types of lies, subjects of interrogation, tactics of interrogation

Recommended citation

Dolinin V. N. Raspoznavanie lozhnykh pokazanii pri doprose s ispol'zovaniem psikhotehniki [Recognition of False Testimony during Interrogation Using Psychotechnics], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 33–38, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_33.

References

Alekseev L. G. *Psikhofiziologiya detektsii lzhi. Metodologiya* [Psychophysiology of Lie Detection. Methodology], Moscow, GalleyaPrint, 2011, 614 p.

Aminov I. A. *Psikhologiya delovogo obshcheniya* [Psychology of Business Communication], Moscow, YuNITI-DANA, 2010, 287 p.

Ekman P. *Psikhologiya lzhi. Obmani menya, esli smozhesh'* [The Psychology of Lies. Lie to Me if You Can], Saint Petersburg, Piter, 2010, 384 p.

Enikeev M. I. *Obshchaya i yuridicheskaya psikhologiya: Kratkii kurs* [General and Legal Psychology: A Short Course], Moscow, Piter, 2021, 295 p.

Frai O. *Lozh', tri sposoba vyyavleniya. Kak chitat' mysli lzhetso. Kak obmanut' detektor lzhi* [Lies, Three Ways to Detect. How to Read the Mind of a Liar. How to Cheat a Lie Detector], Saint Petersburg, PraimEVROZNAK, 2006, 288 p.

Rybin D. N. *Osnovy psikhotehniki obshcheniya s grazhdanami uchastkovykh upolnomochennykh politzii* [Fundamentals of Psychotechnics of Communication with Citizens of District Police Officers], Barnaul, Barnaul. yurid. in-t MVD Rossii, 2017, 20 p.

Spiritsa E. V. *Kak raspoznat' lozh' v obshchenii?* [How to Recognize Lies in Communication?], Moscow, Konstaltingovaya kompaniya, 2009, 244 p.

Vasil'ev A. N., Karneeva L. M. *Taktika doprosa pri rassledovanii prestuplenii* [Tactics of Interrogation in Investigation of Crimes], Moscow, Yurid. lit, 1970, 318 p.

Yakub M. L. *Pokazaniya svidetelei i poterpevshikh. Otsenka pokazanii svidetelei i poterpevshikh na predvaritel'nom sledstvii i v sude pervoi instantsii* [Testimony of Witnesses and Victims. Evaluation of Testimonies of Witnesses and Victims at the Preliminary Investigation and in the Court of First Instance], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1969, 128 p.

Vladimir Dolinin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakolvev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dvn1952@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-3868-2866

Дата поступления в редакцию / Received: 09.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2022

И. В. Леднев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ВЫЯВЛЕНИЕ СЕРИЙНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Одной из ключевых задач расследования серийных преступлений, без решения которой невозможно полное, всестороннее и объективное расследование преступлений данной категории, выступает выявление серийности преступлений, т. е. разрешение вопроса о том, могут ли два и более преступления быть эпизодами одной серии. К сожалению, эта тема не получила надлежащего внимания в отечественной криминалистике. Одним из перспективных решений обозначенной проблемы являются изучение прогрессивного зарубежного опыта в данной области и оценка возможности его адаптации в отечественных условиях. В связи с этим в статье исследован опыт выявления серийности преступлений в Великобритании (кто и каким образом осуществляет выявление серийности, как используются его результаты).

Выявляют серийность специальные лица в составе информационно-аналитических подразделений правоохранительных органов, которые не принимают непосредственного участия в расследовании преступлений. Эта деятельность предполагает реконструкцию поведения преступника в ходе преступления, ее результаты используются главным образом для повышения раскрываемости преступлений и оптимизации расходования ресурсов следствия. Высказан ряд соображений о потенциальных трудностях при адаптации английского опыта выявления серийности в России. Они связаны с различиями в устройстве правоохранительных органов, техническом обеспечении и научно-методологических подходах.

Ключевые слова: серийные преступления, расследование серийных преступлений, выявление серийности, криминалистика за рубежом, анализ поведения

Для цитирования

Леднев И. В. Выявление серийности преступлений в Великобритании // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 39–46. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_39.

УДК 343.98.06

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_39

4 июня 2021 г. суд вынес третий обвинительный приговор в отношении «ангарского маньяка» Михаила Попкова за убийства двух женщин, совершенные им в рамках серии преступлений, которая длилась с 1992 по 2010 г. Попков уже дважды приговаривался к пожизненному заключению за убийства, однако всякий раз после очередного приговора признавался в новых преступлениях. Так, после первого приговора он признался в совершении еще 58 убийств, причастность к которым нашла подтверждение во втором обвинительном приговоре¹.

Мы полагаем, что одной из причин, которые привели к этой ситуации, является неизученность в отечественной криминалистике

проблем, связанных со сравнительным анализом преступлений для решения вопроса об их принадлежности к серии. В большинстве отечественных работ по методике расследования серийных преступлений указанные проблемы не рассматриваются вовсе либо рассматриваются крайне усеченно [Драпкин, Долинин, Шуклин 2019; Протопопов 2006: 144–158; Барыгина, Майоров 2011: 106–113]. В свою очередь в работах, в которых данному процессу уделено значительное внимание, практически полностью проигнорирован зарубежный опыт в этой области [Исаенко 2005: 52–90; Усанов 2010].

Между тем за рубежом в течение последних 20 лет наблюдается лавинообразный рост таких исследований. Их результаты внедряются или уже успешно внедрены в деятельность правоохранительных органов

¹ Суд вынес третий приговор «ангарскому маньяку» за убийства женщин // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4840047> (дата обращения: 20.02.2022).

соответствующих стран, но неизвестны отечественной криминалистике. В связи с этим мы предприняли попытку проанализировать практику выявления серийности преступлений в Великобритании. Выбор этой страны обусловлен тем, что именно английский опыт наиболее подробно описан в общедоступной академической литературе, что позволяет составить о нем адекватное представление, оценить его особенности и возможность его использования в российских условиях.

В зарубежной литературе для обозначения процесса выявления серийности преступлений используются термины *crime linkage* (соединение преступлений), *case linkage* (соединение дел), *behavioral case linkage* (соединение дел на основе поведения), *linkage analysis* (анализ связи), *comparative case analysis* (сравнительный анализ дел) и др. [Woodhams, Bennell 2015: 1]. Как правило, они употребляются в качестве синонимов. Дж. Вудхэмс с соавторами определяют соединение дел как «идентификацию поведенческих сходств между преступлениями, которые указывают на то, что они совершены одним преступником» [Woodhams, Hollin, Bulla 2007: 234]. По мнению А. Буррел и Р. Булла, сравнительный анализ дел – это «использование поведения на месте преступления для идентификации серии преступлений, совершенных тем же преступником» [Burrell, Bull 2011: 2]. Схожим образом выглядят и иные определения. В рамках настоящей работы мы будем использовать термин «выявление серийности» для обозначения процедуры, которая характеризуется следующими особенностями:

используется при расследовании серийных преступлений или при подозрении на серию преступлений;

имеет целью разрешение вопроса о возможности совершения двух и более преступлений одним и тем же лицом (лицами);

опирается главным образом на сравнительное исследование поведения преступника. При этом поведение трактуется максимально широко и включает в себя выбор времени и места совершения преступления;

получает теоретическое и методологическое обеспечение в рамках судебной психологии.

Последние две особенности нуждаются в дополнительном комментарии.

Сущность выявления серийности состоит в построении модели поведения преступника в ходе преступления, выделении из нее тех элементов, которые обладают наибольшей

идентификационной ценностью, и сравнении их с аналогами, построенными по другим схожим преступлениям. Традиционные доказательства (показания свидетелей, вещественные доказательства, заключения экспертов) играют вспомогательную роль (на их базе осуществляется моделирование), однако непосредственными объектами сравнения не являются. Это вызвано двумя факторами.

Во-первых, как отмечается в соответствующих работах, в идеальной ситуации объединение преступлений в серию должно осуществляться на основе экспертиз вещественных доказательств (например, судебно-генетической и дактилоскопической), однако если таких доказательств нет или они не позволяют объединить преступления в серию, возникает потребность в моделировании [Yokota, Watanabe, Wachi et al. 2015: 209].

Во-вторых, непосредственное исследование вещественных доказательств выходит за предметную область судебной психологии, в рамках которой и исследуется выявление серийности.

Этот вывод, парадоксальный для отечественного криминалиста, логически вытекает из определения предмета криминалистики, принятого за рубежом, и его разграничения со смежными дисциплинами. В большинстве зарубежных стран (в том числе Великобритании) криминалистика понимается как наука о поиске, сборе и экспертном исследовании материальных следов преступлений [Caddy, Cobb 2004: 5]. Соответственно криминалисты в этих странах не занимаются многими традиционными для отечественной криминалистики вопросами вроде криминалистической тактики или методики расследования преступлений. В то же время поскольку поведение человека традиционно входит в предмет изучения психологии, вполне логично, что поведение участников уголовного судопроизводства (в первую очередь преступника) исследует один из ее разделов – судебная психология [Woodhams, Bennell 2015: 1].

Между тем в российских реалиях вопрос выявления серийности должен изучаться именно в рамках криминалистики, поскольку это вполне укладывается в ее предмет. Более того, отечественные криминалисты давно изучают такие формы поведения преступника, как способ совершения преступления, улики поведения и т. д.

В Великобритании выявлением серийности преступлений занимаются: полицейские аналитики; аналитики Секции анализа тяжких

преступлений (*Serious Crimes Analysis Section*, далее – САТП), которая является подразделением Национального агентства по борьбе с преступностью (*National Crime Agency*); поведенческие следственные консультанты (далее – консультанты) Национального агентства по борьбе с преступностью.

Полицейские аналитики работают в подразделениях полиции разного уровня и различных административно-территориальных образований и, как правило, специализируются на выявлении серийности нетяжких преступлений (краж, грабежей, разбойных нападений, хищений транспортных средств и пр.).

САТП – это специальное подразделение, созданное в 1998 г. для выявления серийности тяжких и особо тяжких преступлений сексуального характера (убийств, изнасилований). В нем работают две группы сотрудников: аналитики и специалисты по индексации¹. Аналитики выявляют серийность путем исследования информации о преступлениях в базах данных². Задачи специалистов по индексации заключаются: 1) во взаимодействии с сотрудниками правоохранительных органов, непосредственно участвующих в расследовании преступлений, посредством получения запросов, материалов дел и ответов на эти запросы; 2) во внесении информации из материалов дел в базы данных³.

Согласно действующим методическим руководствам в САТП направляется информация о преступлениях, соответствующих следующим критериям:

если жертва и преступник незнакомы между собой или характер отношений между ними неизвестен (убийства, в которых есть сексуальный элемент; убийства с неустановленным мотивом; изнасилования; похищения с сексуальным элементом; иные половые преступления, совершенные с проникновением в помещение, или с использованием оружия, или с чрезмерным применением насилия);

если жертва и преступник ранее были знакомы, но не состояли в сексуальных от-

ношениях (убийства с сексуальным элементом) [Codes of Practice 2012].

Наконец, консультанты осуществляют выявление серийности преступлений в рамках специальной процедуры – поведенческой следственной консультации (*behavioral investigative advice*, далее – ПСК). ПСК представляет собой один из подходов к криминалистическому профилированию⁴ и призвана адаптировать его для английских реалий и сделать его более научно обоснованным. Помимо выявления серийности, в рамках ПСК проводятся и иные мероприятия: составление профиля преступника, определение его вероятного места жительства / работы (географическое профилирование), разработка стратегии взаимодействия со СМИ, выработка версий и направлений расследования и др. [Murder Investigation Manual 2006: 112].

Сущность выявления серийности состоит в построении модели поведения преступника в ходе преступления, выделении из нее тех элементов, которые обладают наибольшей идентификационной ценностью, и сравнении их с аналогами, построенными по другим схожим преступлениям

В ходе анализа преступного поведения с целью выявления серийности преступлений специалисты опираются на принципы индивидуальности и устойчивости поведения. Они означают, что поведение преступника, во-первых, достаточно уникально, чтобы отграничить его от поведения других преступников, пусть и совершающих схожие преступления, а во-вторых – сохраняет определенную стабильность, что позволяет обнаруживать сходство в различных преступлениях, которые совершены одним и тем же лицом [Sorochinski 2015: 2]. Эти принципы были заимствованы из психологии и стали предметом многочисленных эмпирических исследований, которые, с некоторыми оговорками, подтвердили их истинность [Woodhams, Tonkin, Burrell et al. 2019].

Л. Эшмор-Хиллз с соавторами описывают несколько «сценариев» того, как может осуществляться выявление серийности. Первый сценарий предполагает, что аналитику посту-

¹ Serious Crime Analysis Section // URL: <https://nationalcrimeagency.gov.uk/what-we-do/how-we-work/providing-specialist-capabilities-for-law-enforcement/serious-crime-analysis> (дата обращения: 05.03.2022).

² Serious Crime Analysis Section: «A day in the life» // URL: <https://nationalcrimeagency.gov.uk/careers/a-day-in-the-life/a-day-in-the-life-serious-crime-analysis-section-crime-analyst> (дата обращения: 05.03.2022).

³ Serious Crime Analysis (Crime Indexer): «A Day in the life» // URL: <https://nationalcrimeagency.gov.uk/careers/a-day-in-the-life/a-day-in-the-life-serious-crime-analysis-section-crime-indexer> (дата обращения: 05.03.2022).

⁴ Подробнее о криминалистическом профилировании см.: [Бахтеев, Леднев 2020].

пает информация о конкретном преступлении и дается задание найти схожие с ним в базах данных. Второй сценарий также заключается в поиске по базам данных, но, в отличие от предыдущего сценария, без поступления запроса, т. е. преступления, содержащиеся в базах данных, сравниваются между собой, а не с конкретным преступлением. Наконец, третий сценарий состоит в сравнительном исследовании нескольких преступлений, информация о которых поступила консультанту [Ashmore-Hills, Burrell, Tonkin 2017: 7–9].

Выявление серийности может осуществляться в реактивной (по запросу следователя и с предоставлением информации о преступлении, на предмет сходства с которым сравниваются преступления в базах данных) и проактивной формах (т. е. без запроса). К сожалению, нам не удалось обнаружить детального описания процесса проактивного выявления серийности. Главный вопрос состоит в том, от чего «отталкивается» специалист при сравнительном анализе: выбирает ли он конкретное преступление или же группу преступлений, объединенных каким-то сходством (например, местом или временем совершения) и т. д.

В практике правоохранительных органов Великобритании принципиально различаются такие формы выявления серийности, как сравнительный анализ дел (*comparative case analysis*, далее – САД) и анализ связи между преступлениями (*crime linkage analysis*) [Rainbow 2015: 175–176].

САД проводится аналитиками (в составе как полиции, так и САТП) и предполагает поиск внешне схожих преступлений, которые могут быть частью одной серии, как по запросу следственных органов, так и без него. Поиск подобных преступлений осуществляется по различным базам данных. Самой известной из них является «Система анализа связи между насильственными преступлениями» (*Violent Crimes Linkage Analysis System*, далее – ViCLAS), в которой хранится информация о раскрытых и нераскрытых насильственных преступлениях против личности, с акцентом на поведении преступника [Martineau, Corey 2008: 51], и которая, по сути, представляет собой криминалистический учет по способу совершения преступления. ViCLAS разработана в 1990-е гг. в Канаде специально для обнаружения схожих преступлений, которые могут быть частью серии, и считается лучшей из подобных систем, поскольку, помимо Канады, использу-

ется во множестве других стран, в частности в Великобритании¹, где ее ведение осуществляет САТП.

В результате САД формируется перечень преступлений, которые, по мнению аналитика, похожи между собой, после чего информация о них передается следователям, в чьем производстве находятся соответствующие уголовные дела. Важно отметить, что САД не предполагает ответа на вопрос, действительно ли эти преступления совершены одним и тем же преступником.

В свою очередь, анализ связи между преступлениями осуществляется поведенческими следственными консультантами и означает анализ нескольких дел, направленных следствием для сравнительного исследования. Самостоятельный поиск похожих дел не проводится. Консультант формулирует заключение, в котором высказывает свое мнение о том, составляют ли представленные для исследования преступления (все или некоторые из них) серию.

Впрочем, независимо от формы, в которой осуществляется выявление серийности, на базовом уровне указанная процедура включает в себя несколько этапов:

- 1) сбор информации о деле (делах);
- 2) изучение собранной информации;
- 3) распознавание поведения, которое остается стабильным на протяжении серии. Это осуществляется либо самостоятельно, либо путем заполнения специального бланка;
- 4) поиск иных преступлений, в которых преступник продемонстрировал схожее поведение (этот этап может отсутствовать, если анализ проводится в рамках нескольких заранее предоставленных дел);
- 5) оценку сходств и различий между анализируемыми преступлениями. Она может осуществляться путем составления диаграмм, таблиц или путем математического расчета;
- 6) объяснение различий. Задача данного этапа – ответить на вопросы о том, чем вызваны различия в анализируемых преступлениях, могут ли они быть следствием ситуационных факторов или же указывают на то, что преступления совершены разными лицами;
- 7) оценку распространенности поведения. Поведение преступника, которое повторяется в нескольких преступлениях, оценивается с точки зрения того, насколько оно характерно для данного типа преступлений в целом.

¹ Violent Crime Linkage Analysis System. 2019 // URL: <https://www.rcmp-grc.gc.ca/en/violent-crime-linkage-analysis-system> (дата обращения: 06.03.2022).

Смысл этого состоит в том, чтобы «отсеять» такое поведение, которое хотя и повторяется в нескольких преступлениях, но и в целом достаточно распространено [Woodhams, Bennell 2013: 4–5]. Например, поскольку расчленение трупа встречается не так часто, то его повторение в нескольких преступлениях будет более надежным индикатором их принадлежности к одной серии, нежели причинение смерти с использованием подручных предметов.

Результаты опроса 18 полицейских аналитиков, проведенного А. Буррел и Р. Буллом, свидетельствуют о том, что в ходе выявления серийности аналитики обращают внимание на способ совершения преступления (18 опрошенных) и различные его аспекты: использовалось ли оружие (18), как оно использовалось (18), применялись ли физическое насилие (17) или угрозы насилием (17). Также учитываются время совершения преступления (18), день недели (18), административное образование, в котором совершено преступление (17), характер места преступления (магазин, станция метро и т. д. (16), пространственный и временной разрывы между преступлениями (15). Примечательно, что вещественные доказательства используются реже, чем можно ожидать: 15 опрошенных обращают внимание на следы обуви, 13 – на следы пальцев рук и ДНК. Сами аналитики объясняют это тем, что они обычно привлекаются в самом начале расследования, когда еще не готовы заключения соответствующих судебных экспертиз, или же тем, что исследование вещественных относится к компетенции судебных экспертов [Burrell, Bull 2011: 7].

Установление причастности одного и того же лица (лиц) к совершению преступлений крайне важно, поскольку позволяет: расширить фактическую базу криминалистических версий за счет объединения информации о нескольких преступлениях в рамках единого производства; более эффективно расходовать ограниченные ресурсы правоохранительных органов; усилить доказательственную базу при предъявлении обвинения в суде [Woodhams, Hollin, Bull 2007: 234].

По мнению большинства полицейских аналитиков, выявление серийности способствует раскрытию преступлений; позволяет приоритизировать подозреваемых для проверки на причастность к преступлениям и повышает эффективность расследования; позволяет лучше понять проблемы расследования преступлений конкретных видов [Burrell, Bull 2011: 10].

Исходя из ранее описанного можно заметить, что характер данной деятельности и используемых в ходе нее знаний схож с использованием специальных познаний, в связи с чем в англоязычной литературе активно обсуждается вопрос о возможности применения результатов выявления серийности в качестве экспертного заключения¹.

В Великобритании этот вопрос рассматривался Верховным судом Шотландии в 2013 г. Суд отметил, что для того, чтобы использование тех или иных специальных познаний могло рассматриваться в качестве экспертизы, характер используемых познаний должен удовлетворять ряду критериев:

- относимости, т. е. применимости их к данному делу;

- принадлежности к общепризнанной научной дисциплине;

- опоры на теорию, истинность которой доказана как в науке, так и на практике.

- возможности реализации на практике;

- понятности методологии, ее доступности для проверки;

- возможности оценки результата и его сопоставления с другими доказательствами.

В итоге, после изучения материалов дела и допроса ученых, специализирующихся в данной области, Суд заключил, что выявление серийности не отвечает указанным критериям. Обосновывая свое решение, Суд указал, что эта область знаний еще слишком молода: в ней отсутствуют общепризнанные требования к методологии исследования, недостаточно разработана теоретическая база, а вероятность ошибки слишком велика².

Резюмируя изложенное, можно прийти к следующим выводам о практике выявления серийности преступлений в Великобритании:

- она представляет собой относительно самостоятельный вид деятельности, схожий с применением специальных познаний;

- глубоко интегрирована в деятельность правоохранительных органов;

- осуществляется на систематической основе;

- относится к компетенции специальных подразделений правоохранительных органов;

¹ В уголовном процессе Великобритании нет различий между экспертом и специалистом. Любое лицо, обладающее познаниями, которыми не обладают судьи или присяжные, является экспертом.

² Thomas Ross Young v. Her Majesty's Advocate, 2013 // URL: <https://www.scotcourts.gov.uk/search-judgments/judgment?id=523286a6-8980-69d2-b500-ff0000d74aa7> (дата обращения: 05.03.2022).

в значительной степени опирается на использование криминалистических учетов.

Полагаем, что одним из главных достоинств английской модели выступает опыт создания специализированных подразделений для выявления серийности. Это дает возможность готовить специалистов узкой, но очень высокой квалификации, накапливать и изучать их опыт. Другим достоинством является сочетание проактивной и реактивной деятельности, поскольку это позволяет не только оперативно реагировать на запросы следователей, но и предвосхищать их, выявляя признаки серии там, где они не были замечены в ходе расследования. Наконец, несомненный интерес представляет зарубежный опыт создания и внедрения в практику правоохранительных органов криминалистических учетов, аналогичных ViCLAS, необходимость чего признает Следственный комитет Российской Федерации [Сазонов 2017: 25].

В случае адаптации британского опыта мы неизбежно столкнемся с рядом трудностей. Во-первых, в составе российских правоохра-

нительных органов нет специализированных подразделений (подобных, например, САТП), которые на постоянной основе занимались бы выявлением серийности преступлений, и, что самое главное, нет представления о том, как готовить сотрудников таких подразделений. Во-вторых, отсутствуют криминалистические учеты, аналогичные ViCLAS. В 1990-е гг. на базе ВНИИ МВД предпринимались попытки создания такого учета в виде автоматизированной информационно-поисковой системы «Монстр», однако она так и не была реализована, и сегодня разработки в данной области прекращены [Исаева 2015: 62]. В-третьих, как мы ранее отмечали, научно-методологическое обеспечение выявления серийности осуществляется в рамках судебной психологии, что неизбежно накладывает отпечаток на используемую терминологию, методологию и т. д. Это в свою очередь, приводит отечественную криминалистику к необходимости осмысления, оценки, переработки и адаптации этих элементов с учетом текущего ее состояния.

Список литературы

- Ashmore-Hills L., Burrell A., Tonkin M. Behavioural Crime Linkage and Multi-Agency Working // Contemporary Sex Offender Risk Management / ed. by H. Kemshall, K. McCartan. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. Vol. II. P. 1–32. DOI: 10.1007/978-3-319-63573-6_1.
- Burrell A., Bull R. A Preliminary Examination of Crime Analysts' Views and Experiences of Comparative Case Analysis // International Journal of Police Science & Management. 2011. № 13. P. 2–15. DOI: 10.1350/ijps.2011.13.1.212.
- Caddy B., Cobb P. Forensic Science // Crime Scene to Court: The Essentials of Forensic Science / ed. by P. White. Cambridge: Royal Society of Chemistry, 2004. P. 1–21.
- Codes of Practice for Use of the Serious Crime Analysis Section // URL: <http://library.college.police.uk/docs/APPREF/SCAS-Codes-of-Practice-April-2011.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).
- Martineau M. M., Corey S. Investigating the Reliability of the Violent Crime Linkage Analysis System (ViCLAS) Crime Report // Journal of Police and Criminal Psychology. 2008. Vol. 23. № 5. P. 51–60.
- Murder Investigation Manual. Wyboston: National Centre for Policing Excellence, 2006. 301 p.
- Rainbow L. A Practitioner's Perspective: Theory, Practice, and Research // Crime Linkage: Theory, Research, and Practice / ed. by J. Woodhams, C. Bennell. Boca Raton: CRC Press, 2015. P. 173–196.
- Sorochinski M. Assumptions Underlying Behavioral Linkage Revisited: A Multidimensional Approach to Ascertaining Individual Differentiation and Consistency in Serial Rape: diss. sub. ... PhD degree. N. Y., 2015. 178 p.
- Woodhams J., Tonkin M., Burrell A. et al. Linking Serial Sexual Offences: Moving Towards an Ecologically Valid Test of the Principles of Crime Linkage // Legal and Criminological Psychology. 2019. № 24. P. 123–140. DOI: 10.1111/lcrp.12144.
- Woodhams J., Hollin C. R., Bull R. The Psychology of Linking Crimes: A Review of the Evidence // Legal and Criminological Psychology. 2007. № 12. P. 233–249.
- Woodhams J., Bennell C. Introduction: Time to Consolidate and Reflect // Crime Linkage: Theory, Research, and Practice / ed. by J. Woodhams, C. Bennell. Boca Raton: CRC Press, 2015. P. 1–9.
- Yokota K., Watanabe K., Wachi T. et al. Linkage Analysis of Serial Sex Crimes // Shinrigaku kenkyu: The Japanese Journal of Psychology. 2015. Vol. 86. № 3. P. 209–218.
- Барыгина А. А., Майоров В. И. Организация расследования серийных сексуальных убийств. М.: Юрлитинформ, 2011. 277 с.

Бахтеев Д. В., Леднев И. В. Понятие и свойства криминалистического профилирования личности и поведения неизвестного преступника // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3. С. 110–118.

Драпкин Л. Я., Долинин В. Н., Шуклин А. Е. Расследование серийных убийств: учеб. пособие. Екатеринбург: Издат. дом УрГЮУ, 2016. 149 с.

Исаева Л. М. Психолого-криминалистическое портретирование: моногр. М.: ФГКУ ВНИИ МВД России, 2015. 143 с.

Исаенко В. Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств. М.: АНО «Юридические программы», 2005. 304 с.

Протопопов А. Л. Расследование серийных убийств. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 280 с.

Сазонов А. И. О практике расследования в системе Следственного комитета Российской Федерации серийных преступлений и преступлений прошлых лет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 марта 2017 года). М.: Моск. акад. Следственного комитета Рос. Федерации, 2017. С. 24–28.

Усанов И. В. Распознавание серийного характера убийств, совершенных сходными способами: учеб.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2010. 166 с.

Илья Валерьевич Леднев – аспирант кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: ilialednev@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-0654-0986

Crime Linkage in the UK

One of the key tasks of the investigation of serial crimes, without the solution of which a complete, comprehensive and objective investigation of the crimes of such category is impossible, is to identify the serial nature of crimes, i. e. to resolve the question of whether two or more crimes can be episodes of the same series. Unfortunately, this topic has not received proper attention in domestic criminology. One of the promising solutions to this problem is the study of progressive foreign experience in this field and the assessment of the possibility of its adaptation in domestic conditions. In this regard, the author has investigated the experience of identifying serial crimes in the UK (who and how carries out the identification of seriality, and how its results are used).

The seriality is identified by special persons as part of separate information and analytical units of law enforcement agencies that do not directly participate in the investigation of crimes. This activity involves reconstruction of the criminal's behavior during the crime, and its results are used mainly to increase crime detection and to optimize the use of investigative resources. The author makes a number of comments about the potential difficulties in adapting the English experience of serial identification in Russia, which are associated with differences in the structure of law enforcement agencies, scientific and technical support and scientific and methodological approaches in both countries.

Keywords: serial crimes, investigation of serial crimes, crime linkage, foreign criminalistics, behavior analysis

Recommended citation

Lednev I. V. Vyyavlenie seriinosti prestuplenii v Velikobritanii [Crime Linkage in the UK], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 39–46, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_39.

References

Ashmore-Hills L., Burrell A., Tonkin M. *Behavioural Crime Linkage and Multi-Agency Working*, Kemshall H., McCartan K. (eds.) *Contemporary Sex Offender Risk Management*, Cham, Palgrave Macmillan, 2017, vol. II, pp. 1–32, DOI: 10.1007/978-3-319-63573-6_1.

Bakhteev D. V., Lednev I. V. Ponyatie i svoistva kriminalisticheskogo profilirovaniya lichnosti i povedeniya neizvestnogo prestupnika [The Concept and Characteristics of Forensic Profiling of the

Personality and Behavior of an Unknown Offender], *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2020, no. 3, pp. 110–118.

Barygina A. A., Maiorov V. I. *Organizatsiya rassledovaniya seriinykh seksual'nykh ubiistv* [Organization of Investigation of Serial Sexual Murders], Moscow, Yurlitinform, 2011, 277 p.

Burrell A., Bull R. A Preliminary Examination of Crime Analysts' Views and Experiences of Comparative Case Analysis, *International Journal of Police Science & Management*, 2011, no. 13, pp. 2–15, DOI: 10.1350/ijps.2011.13.1.212.

Caddy B., Cobb P. *Forensic Science*, White P. (ed.) *Crime Scene to Court: The Essentials of Forensic Science*, Cambridge, Royal Society of Chemistry, 2004, pp. 1–21.

Codes of Practice for Use of the Serious Crime Analysis Section, 2012, available at: <http://library.college.police.uk/docs/APPREF/SCAS-Codes-of-Practice-April-2011.pdf> (accessed: 05.03.2022).

Drapkin L. Ya., Dolinin V. N., Shuklin A. E. *Rassledovanie seriinykh ubiistv* [Investigation of Serial Murders], Ekaterinburg, Izdat. dom UrGYuU, 2016, 149 p.

Isaeva L. M. *Psikhologo-kriminalisticheskoe portretirovanie* [Criminal Profiling], Moscow, FGKU VNII MVD Rossii, 2015, 143 p.

Isaenko V. N. *Problemy teorii i praktiki rassledovaniya seriinykh ubiistv* [Problems of Theory and Practice of Investigation of Serial Murders], Moscow, ANO «Yuridicheskie programmy», 2005, 304 p.

Martineau M. M., Corey S. Investigating the Reliability of the Violent Crime Linkage Analysis System (ViCLAS) Crime Report, *Journal of Police and Criminal Psychology*, 2008, vol. 23, no. 5, pp. 51–60.

Murder Investigation Manual, Wyboston, National Centre for Policing Excellence, 2006, 301 p.

Protopopov A. L. *Rassledovanie seriinykh ubiistv* [Investigation of Serial Murders], Saint Petersburg, Izdat. dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2006, 280 p.

Rainbow L. *A Practitioner's Perspective: Theory, Practice, and Research*, Woodhams J., Bennell C. (eds.) *Crime Linkage; Theory, Research, and Practice*, Boca Raton, CRC Press, 2015, pp. 173–196.

Sazonov A. I. *O praktike rassledovaniya v sisteme Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii seriinykh prestuplenii i prestuplenii proshlykh let* [On the Practice of Investigation in the System of the Investigative Committee of the Russian Federation of Serial Crimes and Crimes of the Past Years], Bastrykin A. I. (ed.) *Raskrytie i rassledovanie prestuplenii seriinykh i proshlykh let* [Disclosure and Investigation of Crimes of Serial and Past Years]: conference papers, Moscow, Mosk. akad. Sledstvennogo komiteta Ros. Federatsii, 2017, pp. 24–28.

Sorochinski M. *Assumptions Underlying Behavioral Linkage Revisited: a Multidimensional Approach to Ascertaining Individual Differentiation and Consistency in Serial Rape*: PhD thesis, New York, 2015, 178 p.

Usanov I. V. *Raspoznavanie seriinogo kharaktera ubiistv, sovershennykh skhodnymi sposobami* [Recognition of the Serial Nature of Murders Committed in Similar Ways], Moscow, Yurlitinform, 2010, 166 p.

Woodhams J., Tonkin M., Burrell A. et al. Linking Serial Sexual Offences: Moving Towards an Ecologically Valid Test of the Principles of Crime Linkage, *Legal and Criminological Psychology*, 2019, no. 24, pp. 123–140, DOI: 10.1111/lcrp.12144.

Woodhams J., Hollin, C. R., Bull R. The Psychology of Linking Crimes: A Review of the Evidence, *Legal and Criminological Psychology*, 2007, no. 12, pp. 233–249.

Woodhams J., Bennel C. *Introduction: Time to Consolidate and Reflect*, Woodhams J., Bennell C. (eds.) *Crime Linkage; Theory, Research, and Practice*, Boca Raton, CRC Press, 2015, pp. 1–9.

Yokota K., Watanabe K., Wachi T. et al. Linkage Analysis of Serial Sex Crimes, *Shinrigaku kenkyu: The Japanese Journal of Psychology*, 2015, vol. 86, no. 3, pp. 209–218.

Il'ya Lednev – postgraduate student of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: ilialednev@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-0654-0986

Дата поступления в редакцию / Received: 31.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 20.04.2022

А. Н. Тихонов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА, РОЖДЕННОГО СУРРОГАТНОЙ МАТЕРЬЮ

Право стать родителем рассматривается в качестве отдельного элемента правоспособности каждого человека и не может быть ограничено. Отсутствие физиологической возможности стать родителем компенсируется развитием медицины, в частности посредством суррогатного материнства, и не может влиять на правоспособность лица. В статье исследуются юридические основания для внесения сведений о родителях ребенка, рожденного суррогатной матерью, в книгу записей рождений. Рассматривается возможность расширения перечня случаев применения суррогатного материнства.

Большое количество споров вызывает вопрос, касающийся возможности отказа суррогатной матери от дачи согласия на запись супружеской пары в качестве родителей ребенка. Решение этого вопроса влияет на возможность реализации права ребенка знать своих кровных родителей, иных близких родственников с учетом того, что речь идет о лицах, генетически связанных между собой. Исследуется возможность определения четких критериев при разрешении споров о том, с кем оставить ребенка – с суррогатной матерью или с генетическими родителями. Сложность заключается в том, что, помимо материально-бытовых, иных условий, необходимо установить, в частности, моральные качества и другие обстоятельства, характеризующие личность суррогатной матери, генетических родителей, с целью всесторонней защиты интересов ребенка. Анализируется влияние психоэмоционального состояния суррогатной матери в послеродовой период на легитимность данного ею согласия.

Ключевые слова: происхождение ребенка, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, генетические родители, суррогатная мать, эмбрион

Для цитирования

Тихонов А. Н. Установление происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 47–54. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_47.

УДК 347.6

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_47

К одной из главных задач российской правовой системы относится всесторонняя защита прав и законных интересов ребенка. Конституцией РФ гарантируется защита материнства, детства, семьи, обеспечиваемая государством.

Приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних членов семьи относится к принципам семейного права. Равное право и обязанность родителей заботиться о своих детях и воспитывать их закреплены ст. 38 Конституции РФ. Основанием возникновения правовых связей между родителями

и детьми является установленное и удостоверенное в соответствии с семейным законодательством происхождение ребенка. По общему правилу, оно определяется кровным родством с конкретными мужчиной и женщиной.

Однако есть исключения, в частности случаи рождения ребенка в результате применения методов искусственной репродукции человека, предусмотренных ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В число методов

лечения бесплодия входит суррогатное материнство, которое представляет собой вынашивание и рождение ребенка по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (п. 9 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Допуская возможность заключения соответствующего договора, законодатель не регулирует возникающие в результате этого отношения в должной мере, что порождает правовую неопределенность по ряду ключевых вопросов. В частности, А. В. Майфат указывает на необходимость законодательного закрепления требований к договорам, заключаемым в сфере репродуктивных технологий, и др. [Майфат 2009].

Пунктом 3 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определен круг лиц, имеющих возможность заключить договор суррогатного материнства. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» конкретизирует перечень случаев, позволяющих вышеуказанным лицам участвовать в программе суррогатного материнства, исключая такую возможность для одинокого мужчины.

В правоприменительной практике отсутствует единое мнение о возможности одинокого мужчины заключить договор суррогатного материнства. Удовлетворяя требования одиноких мужчин о внесении записи о них в качестве единственного родителя, суды основываются на нормах Конституции РФ, закрепляющих равенство прав граждан¹. Так как мужчины и женщины равны по объему прав и в возможностях их реализации, то право обратиться к суррогатной матери может иметь, вероятно, и мужчина.

¹ Решение Дзержинского районного суда города Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. по делу № 2-980/2020 // URL: https://dzr--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=413197056&case_uid=0e8b6700-3c19-4b85-b1f8-3704c3c21c7a&delo_id=1540005 (дата обращения: 30.12.2021).

Существует и прямо противоположная позиция суда. Так, гражданин обратился в суд с требованием обязать орган записи актов гражданского состояния внести запись о нем как об отце детей, рожденных суррогатной матерью. Суррогатная мать подтвердила факт наличия между ней и истцом договора о вынашивании ей ребенка. Стороны исполнили предусмотренные договором обязательства в полном объеме, взаимных претензий не имеют. Суд в вышеуказанных требованиях отказал, ссылаясь на то, что порядок государственной регистрации рождения детей, рожденных суррогатной матерью, с записью одинокого мужчины в качестве единственного родителя законодательством не определен. Суд обязал орган загс произвести регистрацию рождения детей без указания сведений как об отце, так и о матери².

Нет единой точки зрения по этому вопросу и в науке. Говорится, что отсутствие соответствующей нормы, предусматривающей право одинокого мужчины заключить договор суррогатного материнства, нарушает его конституционные права. Есть и противоположное мнение, согласно которому суррогатное материнство представляет собой один из методов лечения исключительно женского бесплодия, вследствие чего одинокий мужчина не может быть стороной договора суррогатного материнства [Стеблева 2012: 14–15].

Правоспособность каждого гражданина включает в себя право стать родителем, а также право реализовать себя в качестве родителя – выполнять определенную социальную роль. Выполняя социальную роль, лицо наделяется родительскими правами и несет предусмотренные законом обязанности в отношении конкретного ребенка или детей. Право стать родителем следует рассматривать в качестве отдельного элемента правоспособности каждого человека. Сама возможность стать родителем обусловлена естественными репродуктивными функциями человеческого организма. Это право не может быть ограничено, тем более никто не может быть лишен данного элемента правоспособности. Отсутствие физиологической возможности стать

² Решение Тушинского районного суда города Москвы от 19 марта 2014 г. по делу № 2-1472/2014 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YYYYn641AVGUP/> (дата обращения: 30.12.2021).

родителем не может влиять на его правоспособность [Ворожейкин 1972: 166–167].

Развитие медицины сегодня позволяет компенсировать указанную физиологическую недостаточность, в частности, посредством суррогатного материнства. Однако, допуская возможность для одинокого мужчины стать родителем посредством суррогатного материнства, следует определить цели данного правового института. Если рассматривать суррогатное материнство как способ лечения бесплодия, используемый в случаях, когда женщина в силу медицинских показаний не может выносить и родить ребенка, то применение такого метода по отношению к одинокому мужчине представляется необоснованным в силу того, что любой мужчина не может родить и выносить ребенка в принципе. Если считать суррогатное материнство одной из возможных медицинских услуг, к которой можно прибегнуть по желанию лиц, тогда не должно быть ограничений и в отношении одиноких мужчин. Допустив возможность участия одинокого мужчины в программе суррогатного материнства, следует отметить, что это может создать условия для недобросовестного поведения граждан. В частности, когда у женщины по тем или иным не связанным с медицинскими показаниями причинам отсутствует желание рожать, то, расторгнув брак, мужчина может заключить договор суррогатного материнства, а в качестве донорского материала использовать генетический материал своей «бывшей» супруги.

В судебной практике есть интересный пример, связанный с предоставлением донорского материала заказчиком. Мужчина после криоконсервации своего биоматериала выдал письменное согласие, в котором предоставил своей матери право распоряжаться его биоматериалом. Позже биоматериал мужчины был использован его матерью для оплодотворения донорских ооцитов. Полученный эмбрион был имплантирован суррогатной матери. В последующем мать мужчины была записана в качестве матери ребенка, рожденного по договору суррогатного материнства¹.

¹ Дмитриева А. Судьи не пришли к единому мнению, как следует регистрировать родившихся от суррогатной матери детей. 2019 // URL: <https://www.garant.ru/article/1273537/> (дата обращения: 30.12.2021).

С учетом наличия у лиц, участвующих в программе суррогатного материнства, возможности определять донора, следует, вероятно, исключить из закона ограничения, согласно которым обращение к суррогатной матери возможно только по медицинским показаниям.

К юридическим основаниям внесения записи о родителях в книгу записей рождений относятся согласие супругов на имплантацию эмбриона суррогатной матери, согласие суррогатной матери на имплантацию и вынашивание эмбриона, а также согласие на запись супружеской пары в качестве родителей ребенка. В силу п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»

Если суррогатная мать согласна передать ребенка, а супружеская пара отказывается от него по мотивам нарушения условий данного ими согласия, имущественную ответственность, как представляется, должна нести медицинская организация

(далее – Постановление № 16) в информированном письменном согласии генетических родителей должно быть указано, согласны ли лица, заключившие договор суррогатного материнства, или одно из них на использование донорского биологического материала и каков срок действия такого согласия.

Генетические родители вправе оспаривать запись о себе как о родителях в случае медицинской ошибки (например, если они давали согласие на использование своего биологического материала, а был использован донорский). Возникает вопрос о том, как можно обеспечить защиту прав ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства. Если суррогатная мать согласна передать ребенка, а супружеская пара отказывается от него по мотивам нарушения условий данного ими согласия, имущественную ответственность, как представляется, должна нести медицинская организация. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. предусматривает, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране

и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения».

Вследствие этого требуется специальное нормативное регулирование ситуаций, когда генетические родители уклоняются (отказываются) от внесения в книгу записей рождений сведений о себе как о родителях рожденного суррогатной матерью ребенка. Вне зависимости от причин такого уклонения (болезнь, физическая неполноценность ребенка и др.), при наличии между ними генетической связи или согласия супругов на использование донорского биоматериала семейное законодательство должно устанавливать правило, по которому такие лица будут записаны в качестве родителей, а одинокая женщина – в качестве матери ребенка. В случаях уклонения указанных лиц интересы ребенка должны представлять орган опеки и попечительства, иные указанные в законе лица.

При наличии договора о суррогатном материнстве согласие на медицинское вмешательство, как представляется, лишено правового смысла. Подписанный сторонами договор суррогатного материнства может быть надлежащей формой выражения согласия на проведение соответствующих медицинских процедур. В соответствии с п. 10 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» если женщина состоит в браке, необходимо получение согласия ее мужа. В ином случае она не может быть суррогатной матерью. Если гражданин признан безвестно отсутствующим, а также если невозможно установить местонахождение гражданина, женщина может стать суррогатной матерью только после расторжения брака.

Большое количество споров вызывает вопрос, касающийся возможности отказа суррогатной матери от дачи согласия на запись супружеской пары в качестве родителей ребенка. Р. Б. Брюхов отмечает, что «законная возможность отказа суррогатной матери в передаче ребенка генетическим родителям де-факто делает бессмысленными как договорное регулирование отношения между сторонами, так и весь комплекс медицинских процедур, связанных с вынашиванием и родами генетически чуждого эмбриона» [Брюхов 2016: 164]. Если суррогатная мать записывается в качестве родителя ребенка, к генетическим родителям должны применяться правила п. 3 ст. 52 СК РФ. Супруги, давшие

согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, лишаются права ссылаться на факт генетической связи с ребенком при оспаривании записи о родителях в книге записей рождений. В такой ситуации генетические родители выступают донорами эмбриона, имплантированного суррогатной матери. При этом право генетических родителей на определение судьбы своего биологического материала попросту игнорируется. Более того, судьба генетически происходящего от них эмбриона решается помимо их воли, что противоречит основам правопорядка.

Исходя из смысла норм Семейного кодекса особое значение придается кровному происхождению одного лица от другого. В частности, при установлении отцовства в судебном порядке устанавливается именно факт происхождения ребенка от конкретного лица (ст. 49 СК РФ). В связи с этим возникает вопрос о возможности реализации права ребенка знать своих родителей, иных близких родственников с учетом того, что речь идет о лицах, генетически связанных между собой. Также в условиях отсутствия правовой связи с генетическими родителями, иными близкими родственниками непонятно, как будут реализовываться, например, ограничения на вступление в брак близких родственников.

Предусмотренный семейным законодательством приоритет в решении вопроса о передаче ребенка суррогатной матерью генетическим родителям нивелируется судебной практикой. Так, в случаях отказа суррогатной матери передать ребенка генетические родители имеют право обратиться в суд за защитой своего права быть записанными в качестве родителей. Осуществить свое право генетические родители могут только после вынесения соответствующего судебного решения и его вступления в законную силу. «Указанный акт на основе норм права в силу юридических фактов превращает возможность осуществления субъективного права в принудительном порядке в действительность. Именно с момента вынесения соответствующего акта (для решения – с момента вступления в законную силу) право истца становится действительно осуществимым в принудительном порядке» [Красавчиков 2005: 195].

Следует также отметить, что судебное решение само по себе не может изменять или

прекращать правоотношение, связанное с установлением происхождения ребенка. В частности, О. А. Красавчиков предлагал «рассматривать судебное решение в качестве одного из звеньев в общей цепи обстоятельств и фактов, выражающих движение гражданско-правовой связи, видеть его в качестве элемента юридического состава движения...» [Там же: 191]. В правоотношении, связанном с установлением происхождения ребенка, судебное решение позволит заменить отсутствующее согласие суррогатной матери на запись супружеской пары в качестве родителей.

Согласно п. 31 Постановления № 16 суд, разрешая спор, должен выяснить, имелся ли договор суррогатного материнства, каковы его условия, есть ли у истцов генетическая связь с ребенком, каковы причины отказа суррогатной матери от дачи согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, а также иные обстоятельства. Оценивая указанную позицию, А. Н. Кокотов высказывает опасение, что споры об установлении материнства, возникающие между суррогатной матерью и генетическими родителями, будут разрешаться судами в пользу генетических родителей исходя «из наличия у них лучших по сравнению с суррогатной матерью материально-бытовых, иных условий для развития и воспитания детей»¹.

Интерес представляет возможность выработки четких критериев при разрешении вопроса об оставлении ребенка у суррогатной матери или передачи его генетическим родителям. Согласно Конвенции о правах ребенка 1989 г. «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания... ребенок должен быть полностью подготовлен к самостоятельной жизни в обществе и воспитан в духе идеалов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций, и особенно в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности». Разрешая спор с учетом всесторонних интересов ребенка, суды должны будут установить, в частности, моральные качества и другие обстоятельства, характеризующие личности

как суррогатной матери, так и генетических родителей.

Нужно отметить, что согласно нормам семейного законодательства необходимо наличие генетической связи рожденного ребенка хотя бы с одним из потенциальных родителей. Следовательно, отсутствие генетической связи у одного из супружеской пары само по себе не может служить основанием для отказа записать его в качестве родителя.

Представляется, что выработать четкие критерии, позволяющие суду разрешить спор о том, оставить ли ребенка с суррогатной матерью, которая его родила, или передать генетическим родителям, будет весьма затруднительно. Возложение на суды бремени определять, с кем оставить такого ребенка, в условиях отсутствия законодательно закрепленных критериев представляется необоснованным.

Как уже говорилось, основанием для возникновения правовой связи между родителями и ребенком будет соответствующая запись в книге записи рождений, производимая органом записи актов гражданского состояния. К числу юридических оснований для внесения записи о родителях в книгу записи рождений договор суррогатного материнства законом не отнесен. При этом соответствующий договор является основанием для возникновения правоотношений суррогатного материнства [Момотов 2019: 33]. Заключая договор, суррогатная мать подтверждает свое согласие выносить и родить ребенка для супружеской пары. Как отмечается в правовой науке, законодательное закрепление договора о суррогатном материнстве в качестве одного из оснований для внесения сведений о родителях в книгу записи рождений, позволило бы разрешить правовую коллизию, возникающую в случаях, когда суррогатная мать не может выразить согласие на передачу ребенка генетическим родителям, в частности, погибая во время родов [Коршунова 2015: 206; Левушкин 2018: 42]. Договор суррогатного материнства является обязательным элементом юридического состава правоотношения, связанного с установлением происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью. При этом когда по объективным причинам согласие суррогатной матери на запись лиц в качестве родителей получить не представляется возможным, отсутствие

¹ Кокотов А. Н. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ. 2018 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=557002&dst=100001#hGSehzSW6eQlZSg81> (дата обращения: 30.12.2021).

такого согласия может быть компенсировано судебным решением.

Во время вынашивания ребенка и родов женщина переживает сложный с точки зрения психоэмоционального состояния период, обусловленный физиологическими факторами. В литературе говорится, что «беременность и роды являются выраженным стрессом для женщины и могут провоцировать у нее возникновение многих серьезных нарушений в психическом здоровье» [Белов, Туманова 2008: 55]. В послеродовой период женщины нередко подвержены депрессии, выраженной в разной степени, в зависимости от физического и психоэмоционального состояния роженицы. Согласно исследованиям, проведенным по данному вопросу, послеродовые психозы возникают у одной-двух рожениц из тысячи. Среди психозов генеративного периода послеродовой психоз составляет 50–80 %. Риск возникновения психического заболевания в первые три месяца после родов увеличивается в 16–20 раз по сравнению с периодом до зачатия (у первородящих риск в 35 раз выше, чем у повторнородящих) [Там же: 54].

В связи с этим важно учитывать, какое влияние может оказывать психоэмоциональное состояние суррогатной матери в послеродовой период на ее возможность принимать осознанные решения. Думается, что когда женщина находится в состоянии тяжелой депрессии или послеродового психоза, она не всегда может в полной мере понимать значение своих действий. Результатом тяже-

лого депрессивного состояния может быть и безразличное отношение суррогатной матери к правовым последствиям данного ею согласия на передачу ребенка. Дача согласия, как юридически значимое действие, может повлечь правовые последствия, при условии того что суррогатная мать понимает значение данного ею согласия.

В иных случаях возможно назначение психиатрической экспертизы, целью которой будет установление ряда юридически значимых обстоятельств. Определить нужно, во-первых, степень тяжести психического состояния суррогатной матери, во-вторых – влияние ее психоэмоционального состояния на возможность в полной мере понимать значение своих действий. Соответственно, данное суррогатной матерью согласие на передачу ребенка генетическим родителям может оспариваться в судебном порядке. Если согласие суррогатной матери будет оспорено, ребенок не может быть передан генетическим родителям до момента выздоровления женщины. Нужно учитывать и тот факт, что период выздоровления может быть достаточно длительным, что может в итоге сделать передачу ребенка недопустимой.

В условиях признания российской правовой системой возможности стать родителями посредством суррогатного материнства, а именно в этом заключается основная цель данного правового института, отдавать приоритет мнению суррогатной матери представляется спорным.

Список литературы

- Белов В. Г., Туманова Н. Н. Нервно-психические расстройства у женщин в послеродовом периоде // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2008. Т. 9. № 1. С. 50–55.
- Брюхов Р. Б. Договор о суррогатном материнстве по законодательству России, Казахстана и Белоруссии // Частное право. Преодолевая испытания: К 60-летию Б. М. Гонгалло. М.: Статут, 2016. С. 160–166.
- Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.
- Коршунова Е. А. Правовые основы суррогатного материнства: анализ правоприменения // Science Time. 2015. № 5. С. 204–208.
- Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 494 с.
- Левушкин А. Н. Охрана и защита прав ребенка при суррогатном материнстве и иных методах искусственной репродукции // Защити меня. 2018. № 3. С. 40–42.
- Майфат А. В. О необходимости принятия Федерального закона «О репродуктивных правах граждан» // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 152–155.
- Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica. 2019. № 1. С. 29–39.

Стеблева Е. В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.

Андрей Николаевич Тихонов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Establishing the Origin of a Child Born to a Surrogate Mother

The right to become a parent is considered as a separate element of each person's legal capacity and cannot be restricted. In the paper, the legal grounds for entering information about the parents of a child born by a surrogate mother into the birth record book are studied. The possibility of expanding the list of cases of using surrogate motherhood is discussed.

A large number of disputes are raised by the question concerning the possibility of a surrogate mother refusing to consent to the registration of a married couple as the parents of a child. The resolution of this issue affects the possibility of realizing the child's right to know his blood parents, other close relatives, taking into account that we are talking about persons genetically related to each other. The possibility of defining clear criteria for resolving disputes regarding who to leave the child with (with a surrogate mother or with genetic parents) is analyzed. The difficulty lies in the fact that, in addition to material and other conditions, it is necessary to establish, in particular, moral qualities and other circumstances characterizing the personality of the surrogate mother, genetic parents, in order to comprehensively protect the interests of the child. The influence of the psychoemotional state of the surrogate mother in the postpartum period on the legitimacy of her consent is analyzed.

Keywords: origin of the child, assisted reproductive technologies, surrogacy, genetic parents, surrogate mother, embryo

Recommended citation

Tikhonov A. N. Ustanovlenie proiskhozhdeniya rebenka, rozhdennoho surrogatnoi mater'yu [Establishing the Origin of a Child Born by a Surrogate Mother], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 47–54, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_47.

References

Belov V. G., Tumanova N. N. Nervno-psikhicheskie rasstroistva u zhenshchin v poslerodovom periode [Neuropsychiatric Disorders in Women in the Postpartum Period], *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*, 2008, vol. 9, no. 1, pp. 50–55.

Bryukhov R. B. *Dogovor o surrogatnom materinstve po zakonodatel'stvu Rossii, Kazakhstana i Belorussii* [Surrogacy Agreement under the Legislation of Russia, Kazakhstan and Belarus], *Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya: K 60-letiyu B. M. Gongalo* [Private Law. Overcoming Trials: To the 60th Anniversary of B. M. Gongalo], Moscow, Statut, 2016, pp. 160–166.

Korshunova E. A. Pravovye osnovy surrogatnogo materinstva: analiz pravoprimereniya [Legal Foundations of Surrogacy: Analysis of Law Enforcement], *Science Time*, 2015, no. 5, pp. 204–208.

Krasavchikov O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava* [Categories of Civil Law Science], Moscow, Statut, 2005, vol. 2, 494 p.

Levushkin A. N. Okhrana i zashchita prav rebenka pri surrogatnom materinstve i inykh metodakh iskusstvennoi reprodukcii [Protection of the Rights of the Child in Surrogacy and Other Methods of Artificial Reproduction], *Zashchiti menya*, 2018, no. 3, pp. 40–42.

Maifat A. V. O neobkhodimosti prinyatiya Federal'nogo zakona «O reproduktivnykh pravakh grazhdan» [On the Need to Adopt the Federal Law «On Reproductive Rights of Citizens»], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2009, no. 3, pp. 152–155.

Momotov V. V. Bioetika v kontekste zakonodatel'stva i pravoprimeneniya (surrogatnoe materinstvo) [Bioethics in the Context of Legislation and Law Enforcement (Surrogacy)], *Lex russica*, 2019, no. 1, pp. 29–39.

Stebleva E. V. *Problemy realizatsii prav uchastnikov otnoshenii surrogatnogo materinstva* [Problems of Realization of the Rights of Participants in Surrogacy Relationships]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2012, 18 p.

Vorozheikin E. M. *Semeinye pravootnosheniya v SSSR* [Family Legal Relations in the USSR], Moscow, Yurid. lit., 1972, 336 p.

Andrey Tikhonov – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of civil law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Дата поступления в редакцию / Received: 11.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 20.04.2022

А. В. Торгашев

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

КОНКУРЕНЦИЯ ПОВОРОТА ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЯ СУДА И ИСКА О ВОЗВРАТЕ ВЗЫСКАННОГО

В статье обосновывается позиция, согласно которой требование ответчика к истцу об обратном взыскании вещей, определяемых родовыми признаками (например, денег), может осуществляться исключительно посредством процедуры поворота исполнения решения суда. С материальной точки зрения подобное требование представляет собой притязание о возврате неосновательного обогащения (способ защиты права) вне зависимости от того, в какой процессуальной форме оно реализуется (иск или поворот исполнения решения суда).

В то же время автор критикует используемый правоприменителем подход (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 декабря 2010 г. № 3809/07), согласно которому ответчик имеет право выбирать, как защитить свое право – посредством поворота исполнения решения суда или посредством иска. Правоприменитель смешивает способ и средство защиты права. Стороны имеют право выбирать способы, но не средства защиты, которые относятся к категориям публичного права. Поворот исполнения – специальная процедура по возврату ответчику имущества, которая может быть использована только после разрешения первоначального иска. Иск при этом является ненадлежащим средством защиты нарушенного права ответчика, при его применении нарушается принцип равенства сторон, на ответчика неоправданно возлагается бремя доказывания обстоятельств, которые при процедуре поворота презюмируются. Исковая форма защиты значительно усложняет процесс для обеих сторон и делает его более дорогим в сравнении с процедурой поворота исполнения решения суда. Использование обоих средств защиты создает опасность вынесения двух разных по содержанию судебных постановлений.

Ключевые слова: поворот исполнения решения суда, неосновательное обогащение, принцип равенства сторон, конкуренция средств защиты права, бремя доказывания

Для цитирования

Торгашев А. В. Конкуренция поворота исполнения решения суда и иска о возврате взысканного // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 55–62. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_55.

УДК: 347.91/.95

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_55

Еще в советское время в гражданском процессуальном законодательстве появился нормативный механизм восстановления имущественного положения ответчика, которое имело место до исполнения судебного решения, впоследствии отмененного. Речь идет о процедуре поворота исполнения решения суда, когда ответчику уже после завершения спора возвращается взысканное имущество.

В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. регулирование поворота исполнения решения суда отсутствовало. Вместе с тем дореволюционные правоприменители и ученые знали и толковали данный правовой

институт, основываясь на сенатской практике [Бутовский 1911: 64]. ГПК РСФСР 1923 г. нормативный пробел по регулированию обратного требования не восполнил, что, впрочем, не мешало советскому правоприменителю использовать указанный институт на практике. Впервые он был закреплен в ГПК РСФСР 1964 г., а оттуда текст об обратном притязании практически без изменений перешел в действующие ГПК РФ и АПК РФ.

В то же время до настоящего момента ни правоприменительная практика, ни теория гражданского процесса не дает четких и од-

нозначных ответов на следующие вопросы: может ли ответчик вместо заявления о повороте исполнения решения суда (или наряду с ним) обратиться с самостоятельным иском к истцу о возврате взысканного? Есть ли конкуренция между заявлением о повороте и иском? Точки зрения судов различаются.

Согласно одной позиции, восстановить *status quo* ответчика можно исключительно посредством поворота исполнения решения суда, а использование искового средства защиты здесь недопустимо. Обычно обосновывается это следующим образом:

поворот – самостоятельный процессуальный инструмент восстановления положения ответчика (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 ноября 2004 г. № 10680/04), который не может быть заменен иском, иначе будет нарушен принцип равенства сторон, что усложнит и удорожит процесс [Чечина 1958: 40];

поворот осуществляется только в рамках «исполнительских правоотношений», а не гражданско-правовых обязательств, в связи с чем нормы материального права к обратному требованию неприменимы (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 октября 2015 г. № 16-КГ15-22; впоследствии данное дело стало предметом Обзора практики Верховного Суда РФ (утв. Президиумом ВС РФ 23 декабря 2015 г. (п. 22);

требование о повороте не может быть исковым, поскольку подчиняется основному спору [Анисимова, Лесницкая 1955: 45–46].

Другая позиция отражена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 декабря 2010 г. № 3809/07: лицо, чьи права нарушены, вправе требовать их защиты любыми способами, установленными законом; тем самым ответчик вправе выбрать, как защитить свое право: посредством ли поворота исполнения решения суда или самостоятельного иска о возврате неосновательно полученных денежных средств¹. Иными словами, правоприменитель высказался в пользу конкуренции иска и поворо-

та исполнения. В литературе данный подход также нашел одобрение. Например, Д. Е. Зайков объяснил логику Высшего Арбитражного Суда РФ тем, что у ответчика есть альтернатива в виде использования процессуального способа защиты нарушенного права (поворот исполнения) или традиционного материального способа в виде кондикционного притязания [Зайков 2017]².

Здесь необходимо отметить, что в литературе, а также в судебной практике достаточно часто можно встретить утверждение о материально-правовом содержании поворота исполнения решения суда, о нем говорится как о способе защиты нарушенного права – обязательственном притязании о возврате неосновательного обогащения [Беспалов, Арапов 1977: 22; Флейшиц 1951: 224]³.

В советский период закон прямо предусматривал, что обогащение одного лица за счет другого будет признано неосновательным в том числе, если основания обогащения были в момент взыскания, но отпали впоследствии (ст. 473 ГК РСФСР 1964 г.). В действующем ГК РФ данного уточнения нет, однако судебная практика и доктрина продолжают исходить из того, что отпадение правового основания входит в состав понятия «отсутствие правового основания» [Ем 2008: 704]⁴. Данные обстоятельства позволяют ученым утверждать, что отмена приведенного в исполнение судебного акта и будет тем самым частным случаем отпадения правового основания приобретения имущества [Шелютто 2017].

Сразу оговорим, что классическая цивилистическая мысль исходит из того, что кондикционное обязательство касается приобретения вещей, которые определяются родовыми признаками (например, денежных средств) и в отношении которых у приобретателя даже при отсутствии материально-правовых оснований появляется имущественное право

² См. также: определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 сентября 2011 г. № ВАС-12562/11.

³ См. также: п. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

⁴ См. также: п. 1 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении (утв. информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2000 г. № 49).

¹ Аналогичный вывод сделан в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 июля 2016 г. № 310-КГ16-3264. Отметим, что до революции практика Правительствующего Сената допускала предъявление обратного требования как посредством поворота исполнения, так и в виде самостоятельного иска; большинство специалистов не видели в этом ничего зазорного [Бутовский 1911: 74, 77–78].

в результате смешения вещей [Гербутов 2008: 294]¹. Таким образом, кондикционный характер притязания о повороте исполнения может считаться оправданным лишь в том случае, если оно будет направлено на возврат взысканных вещей, определяемых родовыми признаками.

Наконец, третья позиция заключается в том, что требование о повороте имеет самостоятельное основание, никак не связанное с кондикционным обязательством, следовательно, ответчик вправе заявить и иск, и заявление о повороте исполнения.

Так, Краснояреченский гарнизонный военный суд обязал командующего войсками ВВО отменить приказ об исключении М. из списков личного состава части и обеспечить его всеми видами довольствия. Впоследствии данное решение было отменено вышестоящей судебной инстанцией, но до отмены во исполнение решения суда М. были выплачены денежные средства. В повороте исполнения решения суда ответчику было отказано. В связи с этим последний обратился в суд с самостоятельным иском к М. о взыскании суммы неосновательного обогащения. Определением суда в принятии заявления было отказано по причине тождественности настоящего спора и спора, в рамках которого суд вынес решение об отказе в повороте исполнения решения суда. Ответчик подал частную жалобу на указанное определение. Суд апелляционной инстанции посчитал, что кондикционный иск имеет иное основание, нежели требование о повороте исполнения решения суда, с иным правовым регулированием, отменил определение суда об отказе в принятии иска и направил дело в суд первой инстанции для выполнения

требования ст. 133 ГПК РФ (апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 3 июня 2015 г. по делу № 33-3578/2015).

Подобный вывод суда корреспондирует изложенной выше идее о том, что поворот исполнения осуществляется в рамках особого исполнительского правоотношения, исключающего применение как норм о неосновательном обогащении, так и любых других материально-правовых норм.

Поворот исполнения направлен против судебного акта, который обладает самостоятельным материально-правовым содержанием, а не против материально-правовых оснований искового притязания

Полагаем, что данное суждение ошибочно. Представление о некоем особом исполнительском правоотношении, в рамках которого реализуется судебный акт, отсылает нас к хорошо известной в процессуальной науке теории решения суда как приказа. Согласно ей вступившее в законную силу решение суда приобретает самостоятельное материально-правовое значение, в результате чего стороны выполняют властный приказ государства, а вовсе не осуществляют материальное правоотношение, участниками которого они являются. Развивая данную мысль, можно утверждать, что поворот исполнения направлен против судебного акта, который обладает самостоятельным материально-правовым содержанием, а не против материально-правовых оснований искового притязания. Следовательно, это сугубо процессуальный способ восстановления имущественного положения ответчика, осуществляемый в рамках процессуальных, «исполнительских» правоотношений.

Теории приказа противопоставляется деклараторная теория решения суда, согласно которой судебный акт, ничего не добавляя к содержанию спорного правоотношения, лишь подтверждает его наличие или отсутствие и сообщает, что к нему применяется соответствующая норма права. Обе теории судебного решения были разработаны немецкими процессуалистами еще в конце XIX в. – начале XX в. (подробнее см.: [Чечина 2004: 212–214]).

¹ Автор настоящего исследования присоединяется к тем ученым, которые полагают, что поступление имущества в фактическое владение, а не в собственность, не влечет возникновения кондикционного обязательства [Флейшиц 1951: 211]. В большинстве своем эта мысль справедлива для индивидуально определенного имущества, защита прав его собственника осуществляется посредством виндикационного требования. Вместе с тем в некоторых случаях кондикционное требование может распространяться и на индивидуально определенную вещь (п. 65 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Мы не будем вдаваться в дискуссию о достоинствах и недостатках изложенных концепций (это выходит за рамки настоящего исследования), однако укажем, что нам ближе теория решения суда как декларации [Чечина 2004: 214]. В связи с этим довод об особых «исполнительских отношениях» должен быть отвергнут: их не существует, а в рамках исполнительного производства осуществляется материальное охранительное правопритязание истца к ответчику.

Иным доводом в пользу процессуальной независимости поворота от материальных норм является идентификация его с процессуальным способом защиты.

Традиционно считается, что способ защиты права – это нормативно установленная материально-правовая мера принудительного характера, посредством которой реализуются восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя. В то же время имеется и альтернативное понимание способов защиты права, которое предлагает А. П. Вершинин, разделяющий способы защиты на материальные и процессуальные [Вершинин 2000: 32]. По мнению ученого, любой судебный акт, осуществляющий защиту права, является процессуальным способом защиты.

Однако и с этим суждением мы не можем согласиться. Исполнение судебного акта является не процессуальным способом защиты, а материально-правовым действием. Процессуальных способов защиты, по нашему убеждению, не существует: способ защиты корреспондирует реализации материального охранительного правоотношения, а потому всегда является материально-правовым притязанием. Процессуальный же способ защиты (в терминологии А. П. Вершинина) можно рассматривать лишь как этап защиты, его часть, но не как самостоятельный способ защиты [Павлов 2001: 17, 18, 38].

Таким образом, нарушение права ответчика в виде лишения его денежных средств по итогам исполнения судебного акта формирует, на наш взгляд, единственное возможное материальное правоотношение – кондикционное. Следовательно, и в иске о неосновательном обогащении, и в заявлении о повороте исполнения одни и те же основания, а ответчик использует один и тот же материальный способ защиты – кондикци-

онное притязание, различаются только средства правовой защиты.

Хотя выше мы подвергли критике часть доводов в пользу эксклюзивности института поворота исполнения, тем не менее полагаем, что иск не является подходящим средством в восстановлении нарушенных прав ответчика, и упомянутая позиция Высшего Арбитражного Суда РФ требует пересмотра.

Обычно наличие материальных оснований означает появление возможности предъявить иск в суд. Однако с обратным требованием ответчика к истцу данное правило не работает. Фактически право ответчика нарушается в момент взыскания (исполнения судебного акта), но законная сила судебного решения (до его отмены) создает фикцию правомерности притязания истца, что в свою очередь делает обратное требование к истцу невозможным, а любые возражения ответчика о нарушенном праве – не имеющими юридического значения.

С отменой судебного решения названная фикция исчезает, основания для взыскания отпадают¹, и, хотя с материальной точки зрения в этот момент ответчик приобретает право требования к истцу о возврате неосновательно взысканного, однако по закону предъявить такое притязание ответчик сможет лишь по итогам нового судебного разбирательства (ст. 443 ГПК РФ, ч. 1 ст. 325 АПК РФ). В чем заключается подобная логика законодателя? Почему ответчик не может сразу после отмены судебного решения предъявить к истцу иск о возврате взысканного при наличии на то материально-правовых оснований? Ведь право требования истца потеряло судебную легитимацию, а на стороне ответчика вновь возникла презумпция неответственности², и все то время, пока суд будет повторно рассматривать дело (а это время может быть значительным), взысканное будет находиться у истца.

Полагаем, что обратное притязание ответчика к истцу невозможно рассматривать

¹ Строго говоря, не совсем корректно вести речь об отпадении материальных оснований для взыскания после отмены судебного акта: *de facto* они отсутствовали с самого начала, однако *de jure* существовали в силу судебного признания.

² Согласно данной презумпции ни одно лицо не может быть признано нарушившим норму права и потому обязанным нести юридическую ответственность, пока в установленном законом порядке не будет доказано обратное [Юдельсон 1951: 248, 288].

до разрешения первоначального иска. Исполненное судебное решение означает, что истец реализовал признанное за ним судом право требования к ответчику. При этом отмена данного решения сама по себе еще не означает, что притязание истца не имело материально-правовых оснований: дело передано на новое рассмотрение и результат этого судебного разбирательства еще неизвестен. В связи с этим подача ответчиком искового заявления к истцу о возврате взысканного до разрешения первоначального иска неизбежно должна повлечь приостановку производства по обратному требованию после его принятия судом к производству (абз. 5 ст. 215 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 143 АПК РФ). Право ответчика на возврат имущества в значительной степени зависит от того, были ли у истца материальные основания для взыскания или нет, а последние в свою очередь являются предметом судебного исследования по первоначальному иску, который рассматривается повторно. Таким образом, предметы доказывания в иске и в обратном притязании будут совпадать, а значит, рассмотрение обратного требования ответчика к истцу невозможно до разрешения первого искового требования.

Если по итогам нового рассмотрения дела истец докажет свое право на взыскание, и иск будет повторно удовлетворен, то ни о каком отпадении основания говорить не придется, кондикционное притязание ответчика не будет считаться возникшим, материальные основания для обратного притязания будут отсутствовать. По этой причине ни требование о повороте, ни самостоятельный иск о возврате взысканного не должны рассматриваться до разрешения первоначальных исковых притязаний¹. Именно поэтому закон говорит

¹ Дореволюционная судебная практика, формировавшая развитие данного поворота исполнения, по-разному определяла момент, когда ответчик должен получить возможность заявить обратное требование к истцу. В одних судебных делах Правительственный Сенат приходил к выводу, что «отмена решения сама собой имеет последствием и отмену мер исполнения» (дело Кочубея 1882 г. № 26). В других случаях Сенат полагал, что поворот исполнения возможен только по итогам нового судебного рассмотрения спора по существу (решения Сената 1868 г. № 837; 1874 г. № 595). Судебные акты Сената (дело Малятора 1902 г. № 60; дело товарищества Гельферих-Саде 1909 г. № 32), подкрепленные поддержкой в научной литературе, окончательно закрепили последний подход: «Отмена решения ввиду нарушения или неправильного толкования закона не может быть отождествлена с признанием самого

о специальном средстве защиты права ответчика – заявлении о повороте исполнения решения суда, которое может быть подано лишь по завершении первоначального спора.

Что касается права выбора между иском и заявлением о повороте исполнения, которым Высший Арбитражный Суд РФ с легкой руки наделил ответчика, то следует указать на базовую категориальную ошибку в рассуждениях суда, которая в итоге привела к ошибочному выводу и порочному правоприменительному подходу.

Правоприменитель смешал способ защиты и средство защиты, тогда как данные правовые категории имеют разное правовое содержание. Под средством защиты права, как правило, понимается волеизъявление в виде начального действия заинтересованного лица по защите права, которое совершается при установлении нарушения права, при возбуждении или при рассмотрении дела (претензия, иск, жалоба, заявление, ходатайство, возражение и т. д.) [Вершинин 2000: 35].

Автономия воли участников гражданских правоотношений (пп. 1, 2 ст. 1 ГК РФ) действительно позволяет потерпевшему самостоятельно выбрать способ защиты права². Способ защиты – это категория гражданского (частного) права, в рамках которого участники правоотношения равны между собой. Совсем другая ситуация, когда речь идет о средствах защиты. И исковое заявление, и заявление о повороте исполнения решения суда как средства защиты относятся к институтам гражданского процессуального (публичного) права, в котором стороны в силу требований гражданской процессуальной формы не наделены возможностью самостоятельно выбирать то или иное средство правовой защиты.

В связи с этим аргумент Высшего Арбитражного Суда РФ о свободном выборе ответчиком способов защиты видится несостоя-

решения неправосудным по существу: при новом рассмотрении дела может быть поставлено решение, одинаковое с прежним, отмененным, обоснованное только на иных законах» [Бутовский 1911: 65–74, 93].

² Например, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 21 апреля 2003 г. № 6-П указал, что ГК РФ не ставит использование общих гражданско-правовых способов защиты в зависимость от наличия специальных, вещно-правовых, способов; граждане и юридические лица в силу ст. 9 ГК РФ вправе осуществить этот выбор по своему усмотрению.

тельным. Более того, необходимо согласиться с Н. А. Чечиной в том, что подобный выбор способен привести к нарушению принципа равенства сторон, усложнению и удорожанию процесса [Чечина 1958: 40].

Во-первых, исковая форма защиты в сравнении с процедурой поворота исполнения по-другому распределяет бремя доказывания. Если ответчик предъявит самостоятельный иск, то он будет нести полноценное бремя доказывания оснований для возврата взысканного. Отказ в иске по итогам нового разбирательства в подавляющем большинстве случаев означает, что основания для поворота уже установлены, а если иск оставлен без рассмотрения или производство по делу прекращено, то на стороне ответчика будет действовать процессуальная презумпция неответственности, которая предполагает отсутствие у истца материальных оснований для взыскания, и, следовательно, презюмирует нарушение права ответчика.

Таким образом, в процедуре поворота исполнения ответчик освобожден от доказывания тех обстоятельств, которые ему нужно доказать при предъявлении иска. В свою очередь бремя доказывания обстоятельств, которые бы подтверждали отсутствие у ответчика права на обратное взыскание, лежит на истце¹.

Во-вторых, в материалах рассмотренного дела могут быть собраны обширные доказательства, необходимые для установления юридически значимых обстоятельств, и при повороте исполнения стороны могут использовать их для отстаивания своей позиции: в общеисковом порядке и истцу, и ответчику придется заново вносить в процесс искомые доказательства, что безосновательно усложнит процедуру обратного взыскания.

В-третьих, в отличие от заявления о повороте, общеисковой порядок рассмотрения спора предполагает уплату государственной пошлины. В случае удовлетворения иска на ответчика (истца в первоначальном споре) будет возложена обязанность по ее уплате, что исключалось бы при рассмотрении требования о повороте².

¹ Презумпция неответственности опровержима. В связи с этим истец как при предъявлении иска, так и при рассмотрении вопроса о повороте должен доказывать основания ответственности ответчика.

² Согласно подп. 7 п. 1 ст. 333.36 НК РФ государственная пошлина не уплачивается при подаче заявления о повороте исполнения решения суда. В самом деле, ввиду того что нарушение прав ответчика произо-

Наконец, допущение подобной конкуренции влечет опасность появления двух противоречащих друг другу судебных актов (по иску ответчика к истцу и по заявлению ответчика о повороте исполнения), заявленных по одному и тому же предмету и основанию [Бутовский 1911: 78].

В то же время, хотя мы не видим никаких отличий в материальном способе защиты права ответчика, реализуемом в рамках поворота или посредством самостоятельного иска, тем не менее полагаем, что конкуренция средств судебной защиты должна быть исключена в пользу процедуры поворота исполнения. Последняя представляет собой специальное нормативно закрепленное средство защиты ответчика, который не вправе выбирать между заявлением о повороте и иском. В отличие от иска, для подачи заявления о повороте недостаточно наличия материальных оснований, закон ставит дополнительное условие: завершение спора по первоначальному иску. К тому же исковая процедура по сравнению с поворотом нарушает принцип равенства сторон, неоправданно делает спор более сложным и дорогим.

Итак, существующий в судебной практике взгляд, допускающий свободный выбор ответчика между процедурой поворота исполнения и иском, представляется ошибочным и подлежит скорейшей ревизии. Если суд принял к производству иск о возврате взысканного по решению суда и если отсутствует вступившее в законную силу судебное определение, касающееся поворота исполнения решения суда, то такой иск должен быть оставлен без рассмотрения. Сегодня данное правило можно применить, только если ответчиком уже заявлено и принято к производству заявление о повороте (абз. 5 ст. 222 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 148 АПК РФ). Однако такие же процессуальные последствия (оставление иска без рассмотрения) должны наступать и тогда, когда ответчик не заявлял о повороте, что требует корректировки положений процессуального закона³.

шло в результате исполнения неверного (ошибочного) судебного акта, возложение на потерпевшего обязанности по уплате государственной пошлины едва ли можно было бы признать правильным.

³ В то же время если иск о возврате взысканного был рассмотрен, и суд вынес решение в строгом соответствии с материальными правами сторон, то едва ли стоит говорить о необходимости его отмены исключительно ввиду использования неверного средства защиты (ч. 6 ст. 330 ГПК РФ, ч. 3 ст. 270 АПК РФ).

Список литературы

- Анисимова Л., Лесницкая Л. Поворот исполнения решения // Социалистическая законность. 1955. № 7. С. 44–48.
- Беспалов А., Арапов Н. Некоторые вопросы поворота исполнения судебного решения // Советская юстиция. 1977. № 11. С. 22–23.
- Бутковский А. Н. Поворот исполнения по отмененному решению // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 5. С. 64–94.
- Вершинин А. П. Выбор способа защиты гражданских прав. СПб.: Спец. юрид. фак. по переподготовке кадров по юрид. наукам С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. 384 с.
- Гербутов В. С. Обзор диссертаций на тему неосновательного обогащения // Вестник гражданского права. 2008. Т. 8. № 2. С. 282–313.
- Ем В. С. Обязательства из неосновательного обогащения // Гражданское право. Обязательственное право: учеб.: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. IV. С. 699–730.
- Зайков Д. Е. Поворот исполнения судебного акта в арбитражном процессе: проблемы правоприменительной практики // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 118–128.
- Павлов А. А. Присуждение к исполнению обязанности в натуре как способ защиты гражданских прав в обязательственных правоотношениях. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. 203 с.
- Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. 239 с.
- Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 656 с.
- Чечина Н. А. Поворот исполнения решения // Советская юстиция. 1958. № 8. С. 40–42.
- Шелютто М. Л. Вопросы поворота исполнения отмененных (измененных) судебных актов // Комментарий судебной практики. Вып. 22 / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Юрид. фирма «Контракт», 2017. С. 67–84.
- Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1951. 295 с.

Александр Валерьевич Торгашев – ассистент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. E-mail: info@atorgashev.ru.

ORCID: 0000-0003-3378-0616

The Competition between the Overturning the Execution of Judgment and the Lawsuit

The author justifies the position that the defendant's claim to the plaintiff to recovery of the fungible things (e. g. money) can be carried out exclusively through the procedure of the overturning the execution of judgment. From a material point of view, such a claim is a claim for payment for the unjust enrichment (a way of protecting the right), regardless of the procedural form in which it is implemented (lawsuit or overturning the execution of judgment).

At the same time the author criticizes the courts approach (Decision of the Presidium of the Supreme Arbitration (Commercial) Court of the Russian Federation of December 14, 2010 № 3809/07) according to which the defendant has the right to choose how to protect his right – by the overturning the execution of judgment or through a lawsuit. The enforcer confuses the way of protecting the right and the remedy. Parties have the right to choose the way of protecting the right, but not the remedy that fall within the categories of public law. The claim is an improper remedy because it violates the principle of equality of the parties, the defendant unduly bears the burden of proving the circumstances that are presumed in overturning the execution of judgment. The application of the claim greatly complicates the procedure for both parties and makes it more expensive compared to the overturning the execution of judgment. The simultaneous using both of the remedies creates a risk of two different court orders.

Keywords: overturning the execution of judgment, unjust enrichment, principle of equality of the parties, competition of remedies, burden of proof

Recommended citation

Torgashev A. V. Konkurenciya povorota ispolneniya resheniya suda i iska o vozvrate vzykannogo [The Competition between the Overturning the Execution of Judgment and the Lawsuit], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 55–62, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_55.

References

Anisimova L., Lesnitskaya L. Povорот исполнения решения [The Overturning the Execution of Judgment], *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1955, no. 7, pp. 44–48.

Bespalov A., Arapov N. Nekotorye voprosy povorota ispolneniya sudebnogo resheniya [Some Questions of the Overturning the Execution of Judgment], *Sovetskaya yustitsiya*, 1977, no. 11, pp. 22–23.

Butovskii A. N. Povорот исполнения по отмененному решению [The Overturning the Execution of Cancelled Judgment], *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1911, no. 5, pp. 64–94.

Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works of the Civil Process], Saint Petersburg, Izd. dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2004, 656 p.

Chechina N. A. Povорот исполнения решения [The Overturning the Execution of Judgment], *Sovetskaya yustitsiya*, 1958, no. 8, pp. 40–42.

Em V. S. *Obyazatel'stva iz neosnovatel'nogo obogashcheniya* [Obligations from Unjust Enrichment], Sukhanov E. A. (ed.) *Grazhdanskoe pravo Obyazatel'stvennoe pravo* [Civil Law. An Obligation], in 4 vols., Moscow, Volters Kluver, 2008, vol. IV, pp. 699–730.

Fleishits E. A. *Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya* [Obligations from Damage and Obligations from Unjust Enrichment], Moscow, Gosyurizdat, 1951, 239 p.

Gerbutov V. S. Obzor dissertatsii na temu neosnovatel'nogo obogashcheniya [Review of Dissertations on Unjust Enrichment], *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2008, vol. 8, no. 2, pp. 282–313.

Pavlov A. A. *Prisuzhdenie k исполнению обязанностей в nature как способ защиты гражданских прав в обязательственных правоотношениях* [The Judgment for Specific Performance of an Obligation as a Way of Protection of Civil Rights in Obligatory Legal Relations], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2001, 203 p.

Shelyutto M. L. *Voprosy povorota ispolneniya otmenennykh (izmenennykh) sudebnykh aktov* [The Questions of the Overturning the Execution of Cancelled (Amended) Judgments], K. B. Yaroshenko (ed.) *Kommentarii sudebnoi praktiki* [Commentary on Judicial Practice], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedeniya pri Pravitel'stve Ros. Federatsii, Yurid. firma «Kontrakt», 2017, iss. 2, pp. 67–84.

Vershinin A. P. *Výbor sposoba zashchity grazhdanskikh prav* [Choosing a Way to Protect Civil Rights], Saint Petersburg, Spets. yurid. fak. po perepodgotovke kadrov po yurid. naukam S.-Peterb. gos. un-ta, 2000, 384 p.

Yudel'son K. S. *Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse* [The Problem of Proof in Soviet Civil Procedure], Moscow, Gosyurizdat, 1951, 295 p.

Zaikov D. E. Povорот исполнения судебного акта в арбитражном процессе: проблемы правоприменительной практики [The Overturning the Execution of Judgment in the Arbitration Procedure: Problems of Law Enforcement], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 118–128.

Alexander Torgashev – assistant of the Department of civil procedure, Saint Petersburg State University. 199034, Russian Federation, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 7–9. E-mail: info@atorgashev.ru.

ORCID: 0000-0003-3378-0616

Дата поступления в редакцию / Received: 21.02.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.03.2022

А. С. Домченко

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ЭКСПАНСИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Рассматриваются проявления самодостаточного характера исполнительной власти, определяющие ее роль и значение в системе публичной власти. Кроме того, обосновывается идея о естественном возрастании исполнительной власти, выявляется ряд типичных и эксклюзивных форм ее экспансии, среди которых отдельно исследуются: 1) формирование подведомственной среды посредством распространения дисциплинарных моделей, присущих внутриорганизационной деятельности органов исполнительной власти, на ее внешнеуправленческую деятельность; 2) заимствование моделей административной деятельности органами иных ветвей власти (законодательной и судебной), что характерно для нетипичных ситуаций.

В связи с проблемой административных трансформаций публичного правопорядка особое внимание уделено критике новых концепций в административной науке, чуждых ее сущности и фундаментальному предназначению, а значит, методологически ошибочных. Автор приходит к выводу о необходимости увидеть за случайно попавшими в фокус исследовательской практики явлениями объективные закономерности, тем самым возвратившись к административному праву, его первооснове – исполнительной власти.

Ключевые слова: *разделение властей, самодостаточность исполнительной власти, экспансия исполнительной власти, административные трансформации правопорядка, административное право*

Для цитирования

Домченко А. С. Экспансия исполнительной власти как объективная закономерность развития публичного правопорядка // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 63–71. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_63.

УДК 342.92

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_63

Принцип разделения властей не только характеризует взаимоотношения и взаимодействие органов разных ветвей государственной власти, но и реализуется в определенных пропорциях внутри исполнительной власти. Результаты правительственного и ведомственного нормотворчества развивают, детализируют, нередко подменяют законоположения; органы исполнительной власти выполняют квазисудебные функции, рассматривая и разрешая многочисленные дела (к примеру, на основании КоАП РФ, таможенного, налогового, антимонопольного законодательства); исполнительно-распорядительная деятельность в комментариях не нуждается:

в ней – сущность исполнительной власти. Значит, если последовательно соотнести правотворчество с политикой, правосудие с правом, администрирование с управлением, становится ясно, что все три элемента представлены в исполнительной власти, отсюда и масштаб ее влияния на многочисленные сферы деятельности, регулятивные механизмы. С точки зрения элементарного рассмотрения (морфологии) исполнительной власти можно также представить ее как «установление набора способов влияния на социальную среду, необходимого и достаточного для достижения целей и задач выработанной административной политики» [Осинцев 2019: 31].

При этом распространенные в юридической науке мнения по поводу производного и вторичного характера исполнительной власти по отношению к двум другим ветвям государственной власти [Общая теория права и государства 2001: 382; Бобылев, Горшкова, Ивакин 2003: 73–76] не опровергают ее самостоятельности, проявляющейся, в частности, следующим образом.

Во-первых, исполнительная власть непрерывно реализуется многочисленными субъектами, которые наделены широким кругом полномочий (нормотворческих, правоприменительных, юрисдикционных) по различным предметам ведения, способны реально осуществлять государственное управление, обладают для этого значительными ресурсами: финансовыми, кадровыми, материально-техническими, информационными.

Во-вторых, органы исполнительной власти обеспечивают реализацию законодательной продукции, исполнение судебных актов, их деятельность в основном непосредственно направлена на поддержание надлежащего порядка управления и безопасности личности, общества и государства. В целом верно, что смысл деятельности органов исполнительной власти «заключается в обязательном институциональном правообеспечении публичных интересов неограниченного круга субъектов» [Осинцев 2005: 15].

В-третьих, исполнительная власть обладает антикризисным и адаптивным потенциалом, что проявляется в возможности: оперативного реагирования на различные вызовы, угрозы и риски; принятия решений и осуществления действий в условиях любого кризиса, в непредвиденных ситуациях, а также в случаях, когда происходит смена основных государственных стратегий (в сторону развития, стабилизации или деградации).

В идеале органы исполнительной власти должны применять методы административного воздействия как адекватной реакции на ту или иную ситуацию [Осинцев 2014: 73], которая нередко и задает контекст, пределы их реализации, обеспечивает последующую легитимацию. Рисковые и кризисные ситуации соответственно нуждаются в риск-ориентированных и антикризисных мерах, смена государственных стратегий обеспечивается применением методов административной политики.

В связи со сказанным представляет интерес следующее наблюдение К. Шмитта: «Государство управления может ссылаться на объективную необходимость, существующее положение, давление обстоятельств, требования времени, находить другие оправдания, определяемые не нормой, а ситуацией... И государство правительства, и государство управления придают особое значение конкретному приказу, подлежащему немедленному осуществлению или исполнению. Они кладут конец прениям адвокатов, сопровождающим государство правосудия, как и столь же бесконечным дискуссиям парламентского законодательного государства...» [Шмитт 2013: 229].

В-четвертых, исполнительная власть несет «финальную» ответственность за социально-экономическое развитие государства и общества [Жамбиева 2013: 20], ее органы претворяют в жизнь государственные стратегии (определенный политический курс общественного развития), обеспечивают надлежащие условия для деятельности в области здравоохранения, образования, промышленности, экологической безопасности, социальной инфраструктуры, сервиса и т. д. Действительно, «современные экономические, политические и иные социальные процессы не представляются в отрыве от деятельности органов исполнительной власти. Правовое обеспечение данных общественных сфер опосредуется в процессе административной деятельности. Органы исполнительной власти путем методов административного воздействия способны установить и поддерживать публичный порядок, необходимый как для функционирования государственных органов, так и для сохранения социальной стабильности» [Соболев 2018: 101].

Описанные проявления самостоятельного характера исполнительной власти обеспечивают возрастание ее значения и влияния. В связи с этим можно сделать вывод об экспансии такой власти как ее свойстве и соответственно об объективной закономерности существования и развития публичного правопорядка. Однако возникают два вопроса: в каких условиях происходит экспансия исполнительной власти, занимающей (в частности, в актуальном российском правопорядке) главенствующее положение, и каковы основные формы данной экспансии?

Говоря об условиях расширения сфер влияния, возрастания роли и значения исполнительной власти, считаем верным привести позицию А. А. Анисимова. Он писал, что «процесс расширения власти чиновничества связан с падением роли законодательных органов. Все большая концентрация государственных дел в руках исполнительного аппарата усиливает „чиновничье правление“... За кулисами парламентов, за спиной назначаемых ими премьеров и министров, армия чиновников, рассредоточенная по министерствам, штабам, комитетам, департаментам, бюро, конторам, канцеляриям, комиссиям и т. д., обладая огромной реальной властью, вершит государственные дела...» [Анисимов 1970: 5–6.]. Иначе говоря, налицо основание – падение роли законодателя, и следствие – концентрация неограниченной власти в бюрократическом аппарате. Однако экспансия исполнительной власти возможна и при наличии «сильного» парламента, развитой системы независимых судов, институтов гражданского общества, которые способны лишь частично сдерживать возрастание власти исполнительной, поскольку ее экспансия естественна, объективна, в ряде случаев необратима, тогда как различные механизмы сдерживания имеют временный и условный характер.

Независимо от географических рамок административная власть, частным случаем (современной версией) которой предстала власть исполнительная, является ровесницей человечества, в то время как российскому парламентаризму немногим более ста лет (если началом отсчета признать 1906 г. – год избрания Государственной думы Российской империи I созыва). Развитая система российских судов относительно молода и, несмотря на тысячелетнее существование отечественного суда, берет начало с 1864 г. (вернее, с 1899 г., когда завершилась Судебная реформа Александра II). В свою очередь многие институты гражданского общества находятся на стадии формирования, зачастую встречающего активное сопротивление государства и, как ни парадоксально, самого российского общества.

Учитывая сказанное и то обстоятельство, что абсолютизм и формы правления в предшествующие периоды преимущественно предполагали концентрацию всей полноты

власти в одних руках, в едином центре, можно выдвинуть такую гипотезу: организация и деятельность органов законодательной и судебной власти являются не результатом воплощения в жизнь концепции разделения властей, а следствием масштабного делегирования функций и полномочий, произошедшего в результате уступок суверена, с одной стороны, конкурирующим с ним заинтересованным группам лиц, с другой – подданным (гражданам). Об этом свидетельствуют более чем тысячелетняя история и сам феномен публичной власти. Между тем власть исполнительная, как наиболее древняя и жизнеспособная, не сравнимая с другими по своей силе и убедительности, пусть и претерпела определенные трансформации, по существу осталась прерогативой главы государства, правительства, подконтрольных им ведомств (финансовых, милитаризованных, иных). Недаром

Динамичное и противоречивое развитие общественных отношений и деятельности, экстраординарные ситуации обусловили мобильность, оперативность исполнительной власти, раскрыли в полной мере ее адаптивный и антикризисный потенциал, став определенными основаниями для ее дальнейшей экспансии

французский историк Поль Виолле утверждал, что «современное государство есть не что иное, как король последних веков, который с триумфом и не покладая рук продолжает свой упорный труд» [Viollet 1912: VIII].

Более того, динамичное и противоречивое развитие общественных отношений и деятельности, экстраординарные ситуации (кризисы, конфликты, угрозы, катаклизмы) обусловили мобильность, оперативность исполнительной власти, раскрыли в полной мере ее адаптивный и антикризисный потенциал, став определенными основаниями для ее дальнейшей экспансии.

Таким образом, корректнее вести речь об условиях не просто экспансии исполнительной власти, а ускорения этой экспансии (как, например, в период пандемии коронавируса COVID-19, цифровизации общества и государства, изменения курса политического руководства) или ее замедления, сдержива-

ния (в обстановке относительной социальной стабильности, при повышении уровня общей и правовой культуры населения, правосознания, благосостояния граждан и т. д.).

Стоит при этом подчеркнуть, что сама по себе экспансия исполнительной власти носит нейтральный характер по отношению к субъективным ожиданиям, различным сценариям: она не патологична, не детерминирует бюрократизм и коррупцию, не направлена на установление авторитарно-бюрократического режима, с которым ряд исследователей ассоциирует современную политическую действительность в России [Матузов, Малько 2014: 82]. Другое дело, когда возрастающая власть находится в руках непрофессионала или делинквента (хотя главная задача – в установлении такого порядка властвования, который бы не зависел от качеств и предпочтений индивида, для чего необходимы проработанные пределы и механизмы устранения произвола, в том числе административного).

Экспансия исполнительной власти имеет множество форм, самыми очевидными из которых являются:

возникновение (создание) ее новых органов, расширение их функций и компетенции как во внешнефункциональных (внешнеуправленческих), так и во внутриорганизационных (внутриаппаратных) отношениях (например, Конституционный Суд РФ в абз. 2 п. 4.1 Заключения от 16 марта 2020 г. № 1-3 указал, что роль председателя Правительства РФ в формировании Правительства РФ только усиливается);

увеличение числа государственных служащих, задействованных в осуществлении исполнительно-распорядительной деятельности;

делегирование исполнительно-распорядительных полномочий лицам, не наделенным публичной властью, в том числе путем реформирования методов административно-правового воздействия (методов лицензионно-разрешительной деятельности – в методы саморегулирования с одновременным усилением административного контроля; методов правоохранительной деятельности – в методы привлечения граждан и организаций к участию в охране общественного порядка; методов административного содействия – в методы общего покровительства волонтерской деятельности и т. п.);

развитие существующих и реализация новых правовых и неправовых средств: разнообразных административных актов (постановлений, приказов, распоряжений, правил, положений, инструкций, регламентов, стандартов, писем и т. д.); инструментов стратегического планирования; цифровых технологий и др.

Кроме того, есть эксклюзивные, хотя и не столь явные формы экспансии, посредством которых исполнительная власть преодолевает собственные всевозможные пределы в организации и функционировании, ассимилируя все иные институты и сферы деятельности. К указанным формам экспансии исполнительной власти могут быть отнесены следующие.

1. *Формирование подведомственной среды посредством распространения дисциплинарных моделей, присущих внутриорганизационной деятельности органов исполнительной власти, на ее внешнеуправленческую деятельность*

Речь в таком случае идет о замещении линейного подчинения (по типу «руководитель – подчиненный») подчинением функциональным (по типу «инспектор – подконтрольный») [Бахрах 1993: 64–65], в свою очередь вновь приобретающим характер линейного (линейно-функционального). Названная форма экспансии не является типичной лишь для системы государственного управления в СССР, в котором руководство и всеобъемлющий контроль в большей мере совпадали. В Российской Федерации сегодня также наблюдаются формализация и выстраивание функциональных связей, приобретающих характер линейного подчинения, между властными и подвластными субъектами, для чего принимаются различные административные акты, превращающие один вид связи (подчинения) в другой, в целях не просто упорядочения общественных отношений, но прежде всего дисциплинирования их участников. В связи со сказанным акт органа исполнительной власти (административный акт) может и должен рассматриваться в качестве акта дисциплинарного установления, поскольку относительно ограниченные группы субъектов подпадают под его воздействие в результате стремления формализовать структуру, корпорацию там, где нет организационной основы.

Значит, нормирование построено на фикции, гласящей: «Субъект должен быть подчинен правилам организации, тогда как организации нет». Организацию в таком смысле олицетворяет иерархия, связь властного и подвластного субъектов. Это напрямую следует из суждения о том, что «в своей деятельности администрация обязана придерживаться трех основных правил: непрерывности, иерархичности и самостоятельности» [Административное право зарубежных стран 1996: 92], и согласуется с тем обстоятельством, что административное право «не касается вопросов государственного устройства и различные государственные учреждения изучает не с точки зрения их организации, а со стороны их деятельности» [Дерюжинский 1903]. Для этого необходимо использовать определенные методы деятельности [Советское административное право 1977: 12–13], которые взаимоувязываются, задаются исчерпывающим образом посредством реализации административно-правовых моделей нормирования деятельности, находящих выражение в административных актах.

Непрерывность деятельности органов исполнительной власти, их регулярное взаимодействие с подведомственной средой обусловливают установление устойчивых связей, характерных для внутриведомственных отношений. Из этого следует наибольшая вероятность переноса схем, шаблонов, алгоритмов и технологий деятельности, сложившихся внутри того или иного ведомства, в деятельность подвластных субъектов — адресатов универсального правила: «Делайте, как делаем мы». Трансформация функционального подчинения в подчинение линейного типа, таким образом, означает прочную увязку правового положения звеньев, находящихся на разных ступенях иерархии управления, без которой немыслимо подлинное единство его системы [Алехин 1977: 135].

В качестве дополнительного обоснования изложенной позиции приведем следующее рассуждение А. А. Зиновьева: «Приказание может быть таким, что для его исполнения требуется множество людей, множество действий, распределение обязанностей, порядок действий, качество исполнения. Когда такое отношение между имеющими власть и подвластными становится регулярным, проис-

ходит разделение функции выработки и отдачи приказаний, с одной стороны, и функции управления процессами исполнения приказаний. Вторая обособляется в качестве особого компонента сложного феномена власти» [Зиновьев 2004: 157].

Между тем однородность подвластной среды ускоряет экспансию дисциплинарной власти. Д. Н. Бахрах справедливо указывал, что «подчинение субъектов, занятых однородной деятельностью, единому центру на основе линейного начала означает создание линейно-производственных систем управления. Чаще всего системообразующим фактором в линейно-производственных системах служит конечный результат труда — определенная материальная или духовная продукция» [Бахрах 1981: 31].

2. Заимствование моделей административной деятельности органами иных ветвей власти (законодательной и судебной)

Данная форма экспансии характерна для кризисов и угроз. Так, ситуация, сложившаяся в России в связи с пандемией коронавируса COVID-19, в публично-правовой сфере демонстрирует ряд существенных трансформаций, особо затронувших организацию и деятельность законодательной и судебной ветвей государственной власти.

Российский парламент заработал в режиме оперативного регулирования, устанавливая комплексы предписаний, характерных для сферы публичного управления. Это проявилось в принятии сугубо управленческих (содержательно) актов в форме законов по ускоренному и относительно гибкому порядку, свойственному административному нормотворчеству. К примеру, в один день проходят все три чтения законопроекта Государственной Думой, в тот же день соответствующий закон одобряется Советом Федерации (см.: законопроект № 929651-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Российские суды столкнулись как с изменением режима (дистанционное правосудие) и объема деятельности (например, в части рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве), так и с преобладанием в ней административного компонента (судьи не толь-

ко независимые отправители правосудия, но и исполнители, находящиеся в линейном подчинении у своего руководителя). В качестве приоритетного на повестку дня вынесен вопрос, ранее касавшийся лишь организационно-технического обеспечения правосудия (организации и управления, делопроизводства и формата взаимодействия, контроля и подчиненности). Примечательно, что внутриорганизационные отношения в судебной системе и ранее включались рядом исследователей в предмет административного права, однако в контексте рассмотрения вспомогательной, второстепенной деятельности, обеспечивающей отправление правосудия [Корнин 2004: 38; Осинцев 2014: 45].

Кроме того, показателен пример существования государственных органов и организаций, которые не относятся ни к одной из ветвей власти, в совокупности с органами исполнительной власти образуют государственную администрацию, организованы и функционируют аналогичным по отношению к административным ведомствам образом (Банк России, ЦИК РФ, Счетная палата РФ, прокуратура, государственные корпорации и внебюджетные фонды и др.). В данном случае речь идет о превращенных формах исполнительной власти, скрывающей себя под различными номенклатурными обозначениями, но содержательно остающейся неизменной, на что, в частности, указывает общность большинства форм и методов осуществления деятельности.

Тем не менее многообразие форм экспансии исполнительной власти остается неизученным, несмотря на оказываемое ею влияние на формирование теоретических воззрений в рамках отечественной административистики, предмет которой претерпел существенные изменения (в их основе – смена управленческих подходов на цивилистические (публичное субъективное право, публичная собственность, государственные и муниципальные услуги, административные договоры) и судебные (административная юстиция, административное судопроизводство). Экспансия исполнительной власти, затронув институты и нормативные конструкции, непосредственно не относящиеся к административному праву, навела некоторых исследователей на ложный след, позволив преходящее и случайное

провозгласить устойчивым и закономерным, модное поименовать актуальным.

Вместо того чтобы сосредоточить потенциал административной науки на публичной администрации и ее центральной части – исполнительной власти, ученые активно стали развивать «фантомные» концепции, являющиеся следствием экстраполяции моделей организации и деятельности публичной администрации на не принадлежащие административному праву феномены (договоры и услуги, собственность, судопроизводство и т. д.). Примечательно, что предметом изучения стал не сам механизм административной трансформации общества и правопорядка, но итог его действия: исследуется не феномен возрастания исполнительной власти, а все то, что им затронуто. Иными словами, вместо отслеживания таких закономерностей, как экспансия исполнительной власти и заимствование моделей ее функционирования органами иных властей, наука административного права наполнилась чужеродными элементами, ставшими результатом осмысления итогов временных и неустойчивых (волнообразных) изменений в публичном правопорядке в условиях, когда идеологемы правового, сервисного государства и государства юстиции, разделения властей, парламентаризма и многие другие начали восприниматься как состоявшийся проект, т. е. аксиоматически.

Современные теоретические построения нивелируют выдающиеся достижения дореволюционной и советской административной науки и практики. Теряется аутентичность предмета административного права, неразрывно связанного с исполнительной властью и публичным управлением, сам же разговор о них приобретает характер ретроградный или археологический. Оправданным в данных обстоятельствах, на наш взгляд, является редуцированный подход, позволяющий за случайно попавшими в фокус исследовательской практики явлениями увидеть объективные закономерности (административные трансформации публичного правопорядка). Тем самым можно осуществить, если перефразировать главный лозунг феноменологии, возврат к самому административному праву, его первооснове – исполнительной власти.

Список литературы

Viollet P. Le Roi et Ses Ministres Pendant les Trois Derniers Siècles de la Monarchie. Paris, 1912. VIII. 616 p.

Административное право зарубежных стран: учеб. пособие / отв. ред. А. Н. Козырин. М.: Спартак, 1996. 229 с.

Алехин А. П. Предприятие в системе отраслевого управления (административно-правовые вопросы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 191 с.

Анисимов А. А. Государственное управление в странах капитала. М.: Юрид. лит., 1970. 192 с.

Бахрах Д. Н. Административное право Российской Федерации (России): курс лекций по общей части административного права. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. 139 с.

Бахрах Д. Н. Организационные структуры государственного управления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 6. С. 27–36.

Бобылев А. И., Горшкова Н. Г., Ивакин В. И. Исполнительная власть в России: теория и практика ее осуществления. М.: Право и гос-во, 2003. 304 с.

Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. СПб., 1903. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3734.html> (дата обращения: 19.02.2022).

Жамбиева Е. М. Самодостаточный «иммунитет» административного права // Правовая реформа в России: материалы Всерос. ежегодной науч. конф. молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 9 ноября 2012 года): в 2 ч. / отв. ред. Л. А. Лазутин, В. Ю. Шобухин. Екатеринбург: Издат. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2013. Ч. 1. 184 с.

Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. СПб.: Нева, 2004. 601 с.

Конин М. Н. Административное право России. Общая и Особенная части: курс лекций. М., 2004. 560 с.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. М.: Дело, 2014. 528 с.

Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юрист, 2001. 520 с.

Осинцев Д. В. Административное право: учеб. для среднего проф. образования. М.: Юрайт, 2019. 427 с.

Осинцев Д. В. Методы административно-правового воздействия. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. 278 с.

Осинцев Д. В. Система административного права (наука, методология, регламентация): моногр. М.: Инфра-М, 2014. 229 с.

Соболев О. В. Ограничения прав граждан как структурный элемент метода административно-правового воздействия и формы его выражения // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 101–107.

Советское административное право. Методы и формы государственного управления. М.: Юрид. лит., 1977. 336 с.

Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М.: Территория будущего, 2013. 448 с.

Артем Сергеевич Домченко – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики управления Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Expansion of Executive Power as an Objective Pattern of the Development of Law and Order

The author examines the manifestations of the self-sufficient nature of the executive power, which determine its role and importance in the system of public power. In addition, the idea of the natural growth of executive power is substantiated, a number of typical and exclusive forms

of its expansion are identified, among which the following are investigated: 1) the formation of a subordinate environment through the dissemination of disciplinary models inherent in the internal organizational activities of executive authorities to its external management activities; 2) the borrowing of models of administrative activities by bodies of other branches of government (legislative and judicial), which is typical for atypical situations.

In connection with the problem of administrative transformations of public law and order, special attention is paid to the criticism of new concepts in administrative science, alien to its essence and fundamental purpose, and, therefore, methodologically erroneous. The author concludes that it is necessary to see objective patterns behind the phenomena that have accidentally come into the focus of research practice, thereby returning to administrative law itself, and its primary basis – executive power.

Keywords: separation of powers, self-sufficiency of executive power, expansion of executive power, administrative transformations of law and order, administrative law

Recommended citation

Domchenko A. S. Ekspansiya ispolnitel'noi vlasti kak ob"ektivnaya zakonomernost' razvitiya publichnogo pravoporyadka [Expansion of Executive Power as an Objective Pattern of the Development of Law and Order], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 63–71, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_63.

References

Alekhin A. P. *Predpriyatie v sisteme otraslevogo upravleniya (administrativno-pravovye voprosy)* [An Enterprise in the System of Sectoral Management (Administrative and Legal Issues)], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1977, 191 p.

Anisimov A. A. *Gosudarstvennoe upravlenie v stranakh kapitala* [Public Administration in Capital Countries], Moscow, Yurid. lit, 1970, 192 p.

Bakhrakh D. N. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii (Rossii): kurs lektsii po obshchei chasti administrativnogo prava* [Administrative Law of the Russian Federation (Russia): Course of Lectures on the General Part of Administrative Law], Ekaterinburg, 1993, 139 p.

Bakhrakh D. N. Organizatsionnye struktury gosudarstvennogo upravleniya [Organizational Structures of Public Administration], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii, Pravovedenie*, 1981, no. 6, pp. 27–36.

Bobylev A. I., Gorshkova N. G., Ivakin V. I. *Ispolnitel'naya vlast' v Rossii: teoriya i praktika ee osushchestvleniya* [Executive Power in Russia: Theory and Practice of its Implementation], Moscow, Pravo i gos-vo, 2003, 304 p.

Deryuzhinskii V. F. *Politseiskoe pravo* [Police Law], Saint Petersburg, 1903, available at: <http://www.allpravo.ru/library/doc76p0/instrum3732/item3734.html> (accessed: 19.02.2022).

Konin M. N. *Administrativnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Administrative Law of Russia. General and Special Parts], Moscow, 2004, 560 p.

Kozyrin A. N. (ed.) *Administrativnoe pravo zarubezhnykh stran* [Administrative Law of Foreign Countries], Moscow, Spark, 1996, 229 p.

Lazarev V. V. (ed.) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State], Moscow, Yurist, 2001, 520 p.

Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Delo, 2014, 528 p.

Osintsev D. V. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law], Moscow, Yurait, 2019, 427 p.

Osintsev D. V. *Metody administrativno-pravovogo vozdeistviya* [Methods of Administrative and Legal Influence], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2005, 278 p.

Osintsev D. V. *Sistema administrativnogo prava (nauka, metodologiya, reglamentatsiya)* [The System of Administrative Law (Science, Methodology, Regulation)], Moscow, Infra-M, 2014, 229 p.

Sobolev O. V. Ogranicheniya prav grazhdan kak strukturnyi element metoda administrativno-pravovogo vozdeistviya i formy ego vyrazheniya [Restrictions on the Rights of Citizens as

a Structural Element of the Method of Administrative and Legal Influence and the Form of its Expression], *Vestnik YuUrGU. Ser. Pravo*, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 101–107.

Sovetskoe administrativnoe pravo. Metody i formy gosudarstvennogo upravleniya [Soviet Administrative Law. Methods and Forms of Public Administration], Moscow, Yurid. lit, 1977, 336 p.

Shmitt K. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State: Law and Politics], Moscow, Territoriya budushchego, 2013, 448 p.

Viollet P. *Le Roi et Ses Ministres Pendant les Trois Derniers Siècles de la Monarchie*, Paris, 1912, VIII, 616 p.

Zhambieva E. M. *Samodostatochnyi «immunitet» administrativnogo prava* [Self-Sufficient «Immunity» of Administrative Law], Lazutin L. A., Shobukhin V. Yu. (eds.) *Pravovaya reforma v Rossii* [Legal Reform in Russia]: conference papers, Ekaterinburg, Izdat. dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 2013, 184 p.

Zinov'ev A. A. *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the Way to Super Society], Saint Petersburg, Neva, 2004, 601 p.

Artem Domchenko – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of theory and practice of management, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Дата поступления в редакцию / Received: 19.02.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2022

М. А. Вохидов

Российско-Таджикский (Славянский) университет
(Душанбе)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНСТИТУТА СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОЛГАМ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Современное правоведение, несмотря на его вступление в цифровую эпоху, остается верным своим теоретическим основаниям, корни которых уходят в юриспруденцию Древнего Рима. Разработанные римлянами конструкции лица, вещи и иска стали ключевыми для развития континентальной традиции права. Автор статьи рассматривает процесс формирования и поэтапного развития модели субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица в римском праве. Исследуются представления о корпорации, об ответственности ее участников и обеспечении ее долга на историческом промежутке от зарождения римского права и до его упадка в VII веке н. э.

Автор приходит к выводу о том, что, хотя римское право так и не признало корпорацию самостоятельным субъектом права, уже в классический период происходило формирование акцессорных и субсидиарных обязательств, а также процедуры привлечения иных лиц к ответственности по долгам несостоятельного лица; их можно назвать предтечами института субсидиарной ответственности и конкурсного производства.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, несостоятельность, юридическое лицо, римское право, долги

Для цитирования

Вохидов М. А. Возникновение института субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного лица // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 72–77. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_72.

УДК 347.736+347.748.5

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_72

Согласно сложившейся в нашей цивилистике исследовательской традиции исторический анализ явления принято начинать со времен Рима. Действительно, практически любой гражданско-правовой феномен (даже кажущиеся безусловной новацией современного правопорядка наследственный договор или конструкция бездокументарной ценной бумаги) обнаруживает свои корни в юриспруденции Рима. Теоретические и методологические оценки последней варьируются от безоговорочного признания в качестве высококоразвитой науки до скептического отношения к ней как к сугубо инженерной практике [Пучков 2021: 63–64]. Тем не менее история континентального правового развития показывает, что как минимум до конца XIX в. безусловной основой для законодательства

и правоведения были именно конструкции римского права. Поэтому, как нам представляется, при исследовании субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица следует в первую очередь обратиться к римскому праву.

Сначала укажем некоторые ключевые характеристики римского права, которые определяют нашу методологическую стратегию.

Прежде всего римское право, по словам О. Шпенглера, было «правом тела» [Шпенглер 1998: 69]. Это означает, что регулируемая им социальная система была ограничена ее материальными проявлениями, или эмпирическими (чувственно воспринимаемыми) аспектами.

Другой момент, важный для нашего исследования, заключается в специфике де-

тельности римских юристов. Поскольку юридическое мировидение Рима было материалистическим, то концепции римских юристов так же строились на представлениях о том, что мир права полностью материален. Это проявилось, к примеру, в том, что в римской юриспруденции отсутствовало понятие юридического лица.

Ю. В. Стукалова отмечает, что «уже древнеримскому быту были известны общественные образования, имеющие внешнее сходство с юридическими лицами, как, например, внутреннюю организацию, имущество. Но эти внешние признаки отнюдь не свидетельствовали о том, что такие общественные образования рассматривались как самостоятельные субъекты права. В Древнем Риме существовали разнообразные частные корпорации (союзы физических лиц). Однако во внешних отношениях такие корпорации... как субъект права не выступали: третьи лица имели дело только с отдельными членами. Уровень развития гражданского оборота в Древнем Риме не требовал существования особых субъектов права, юридических лиц» [Стукалова 2017: 39–40].

Не стоит, впрочем, полагать, что отсутствие юридического лица в классическом понимании исключало возникновение субсидиарной ответственности участников подобных объединений. У. Д. Морган писал, что в постклассический период римского права обязательным стало их поручительство друг за друга [Morgan 1927: 159–160], а, как известно, обязательство поручителя перед кредитором должника носит субсидиарный характер.

Это положение развилось в византийском праве: была введена особая юридическая фикция, заключавшаяся в том, что имущество лиц, объединившихся в целях коммерции, признавалось общим при возникновении долга [Dickerson, Howard, Bertrand 1971: 119]. В этой ситуации, однако, требования кредитора удовлетворялись не пропорционально размеру долга из имущества каждого участника: поскольку кредитор всегда имел дело с конкретным участником объединения, прочие его участники несли имущественную ответственность по его долгу, если имущества этого участника оказывалось недостаточно [Ryan 2010: 238].

Параллельно в римском праве шел процесс становления общей конструкции субсидиар-

ного обязательства. Доподлинно неизвестно, рассматривался ли в качестве такового указанный выше случай взаимной ответственности участников торгового объединения. Одни исследователи дают на этот вопрос утвердительный ответ, другие – отрицательный, считая, что здесь уместно говорить не о субсидиарности, а об акцессорности [Кротова 2020: 15–16]. Можно, однако, достоверно утверждать, что, регламентируя конкретные виды субсидиарных обязательств, римское право не создало общего их понятия. Заметим, что в практике римского права был разработан субсидиарный иск (*actio subsidiaria*). Предметом его выступало требование опекаемого лица к магистрату, который, вопреки закону, не взял у опекуна гарантию того, что тот будет беречь имущество опекаемого и обеспечивать его сохранность, допустив тем самым произвольное распоряжение имуществом опекаемого [Rosal 1957: 548]. Направленность такого иска напоминает современную конструкцию субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного должника, но в ходе дальнейшего развития римского права он не стал универсальным средством защиты имущественных интересов кредитора.

Имела ли место субсидиарная ответственность по долгам участника коммерческого объединения в римском конкурсном праве? Необходимо подчеркнуть, что до принятия Закона Петелия (326 г.) банкротство в современном его понимании в Риме отсутствовало. Ответственность должника носила выраженный личный характер [Пучков 2016: 106–107], а зачатки конкурсных процедур обнаружились еще позднее. В истории конкурсного права их возникновение принято связывать с именем претора Рутилия, однако исторически достоверных сведений на этот счет не имеется, что было отмечено еще Г. Ф. Шершеневичем [Шершеневич 1890: 5]. Г. Ночера, автор одной из первых крупных работ по субсидиарной ответственности в римском конкурсном праве (1942 г.), указывал, что процедуры конкурса начали оформляться в классический период римского права; тогда же, по его словам, появились первые образцы субсидиарной ответственности, в частности в тех случаях, когда на равных с должником по долгам последнего отвечал совладелец его имущества [Nocera 1942: 5–8, 9, 11–15].

Разделяя приведенный тезис, Ф. дель Пино Тоскано дополняет его следующим. Во-первых, римскому праву не было известно банкротство в качестве единого процессуально-правоприменительного цикла, складывающегося из основного спора (о несостоятельности) и споров обособленных (в том числе о привлечении к субсидиарной ответственности), а поэтому привлечение к субсидиарной ответственности осуществлялось в рамках совершенно отдельных процессов, носивших как гражданский, так и уголовный характер. Во-вторых, есть и иные случаи субсидиарной ответственности при несостоятельности должника (к примеру, если должник лишился платежеспособности в результате злоумышленных действий других лиц) [Pino Toscano 2001: 344–345]. Такого же мнения придерживался Ф. Прингсхайм [Pringsheim 1920: 252].

**Несмотря на доктринальную
неразработанность конструкций
несостоятельности в целом и субсидиарной
ответственности по долгам несостоятельного
должника в частности, римское право
уже в классический период своего
развития реализовывало соответствующие
механизмы на практике**

Из изложенного мы можем сделать вывод, что, несмотря на доктринальную неразработанность конструкций несостоятельности в целом и субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного должника в частности, римское право уже в классический период своего развития реализовывало соответствующие механизмы на практике. В связи с этим истоки современной модели субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного юридического лица можно обнаружить уже в римском праве. Подчеркнем, что термин «истоки» употреблен нами неслучайно, поскольку конструкция юридического лица (в адекватном современному понимании) римской юриспруденцией разработана не была. Кроме того, римское частное право не содержало каких-либо коллизионных норм. По характеристике А. В. Асоскова, подход к решению коллизионной проблемы в Риме был материально-правовым: при регулировании отношений между римскими гражданами

и иностранцами (перегринами) вырабатывались не коллизионные, а специальные материально-правовые нормы [Асосков 2017: 19].

Н. А. Машкин писал, что «огромное значение имело учреждение в 242 г. до н. э. должности второго претора. Он назывался *praetor qui inter peregrinos jus dicit*, или просто *praetor peregrinos*. Ведал он главным образом теми делами, какие возникали между чужестранцами или же между чужестранцами и римлянами. В этих делах нормы старого гражданского права были неприменимы, так как они относились только к римским гражданам. Нельзя было судить и по какому-нибудь другому чужеземному праву... В результате этого наряду со старым гражданским правом постепенно вырабатываются нормы так называемого общенародного права (*jus gentium*)» [Машкин 1948: 351].

Вероятно, основанием для такого подхода являлись культурно обусловленные особенности правосознания римских юристов, проникнутого духом избранности и исключительности Рима [Евсеев 2004: 39], поэтому легитимация применения иноземного закона означала бы признание в мире чьей-либо еще власти, кроме римской, что, разумеется, было недопустимо. В силу названного обстоятельства тот комплекс норм, который сейчас относится к коллизионному праву, просто не мог сформироваться в римские времена.

В обозначенном выше состоянии, применительно к субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного лица, римское право переживало свой упадок в конце VII в. В историографии Европы это время, вплоть до XII в., принято называть «темными веками». Справедливой такая оценка представляется нам и в отношении права Европы: потеряв римскую основу, оно стремительно вульгаризировалось, а многие достижения римской юридической мысли с течением времени забылись. Новый этап решения проблем, связанных с субсидиарной ответственностью по долгам несостоятельного юридического лица, начался в период деятельности юристов схоластической школы (глоссаторов и комментаторов) и развития канонического права.

Подведем итоги.

1. Римское понимание корпорации существенно отличается от утвердившегося в современной правовой науке и законода-

тельстве. Ключевое отличие здесь состоит в том, что если в современном праве юридическое лицо (корпорация) – отдельный, самостоятельный субъект права, то римская корпорация представляет собой объединение имуществ, имеющее целью совместное занятие коммерческой деятельностью и не обладающее признаками организационной самостоятельности. Такое объединение не создавало какой-то новый субъект права. По этой причине сама конструкция субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного лица не была известна римскому праву.

2. В классический период римского права начал формироваться особый комплекс обязательств, именуемых акцессорными и субсидиарными. Последние представляют собой правоотношения, возникающие между кредитором и дополнительным должником, привлекаемым к ответственности по долгам основного должника. Именно по такой модели реализовалась совместная ответвен-

ность участников корпорации. Одновременно возник особый вид иска – *actio subsidaria*, являющийся, по сути, методологической предтечей современного института субсидиарной ответственности.

3. Идея личного обеспечения долга, выражающаяся в возможности кредитора присвоить себе имущество, свободу или жизнь должника, господствовала в римском праве вплоть до III в. С этого момента в преторском праве началось формирование процессуальных правил, сходных с современными процедурами конкурса. Особое место в их структуре с течением времени заняли процедуры привлечения других лиц к ответственности по долгам несостоятельного лица к примеру в ситуации совместного владения имуществом должника или противоправного введения последнего в заблуждение. Соответствующие правовоположения закреплялись в Своде Юстиниана и в дальнейшем стали предметом доктринального изучения глоссаторов и постглоссаторов.

Список литературы

- Dickerson R. W., Howard J. L., Bertrand L. J. Proposals for a New Business Corporations Law for Canada. Ottawa: Information Canada, 1971. Vol. 1. 175 p.
- Morgan W. D. History and Economics of Suretyship // Cornell Law Review. 1927. Vol. 12. P. 153–171.
- Nocera G. Insolvenza e responsabilità sussidiaria nel diritto romano. Roma: Edizioni Italiane, 1942. VII. 338 p.
- Pino Toscano F. La sistematización de la insolvencia en el Digesto // Derecho y conocimiento: anuario jurídico sobre la sociedad de la información y del conocimiento. 2001. № 1. P. 344–345.
- Pringsheim F. Subsidiarität und Insolvenz // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1920. Band 41. S. 252–262.
- Rosal J. Límites de la responsabilidad civil subsidiaria en la acción delictiva // Anuario de Derecho Penal y Ciencias penales. 1957. Fasc. 3. P. 543–550.
- Ryan M. J. Corporation Theory // Encyclopedia of Medieval Philosophy / ed. by H. Lagerlund. Dordrecht: Springer, 2010. P. 238–244.
- Асосков А. В. Основы коллизионного права. М.: М-Логос, 2017. 352 с.
- Евсеев Т. П. Об эволюции римско-союзнических отношений в Италии в конце III–II вв. до н. э. // Античная древность и средние века. Вып. 35: материалы XII Междунар. науч. Сюзюмовских чтений (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2004. С. 44–53.
- Кротова Е. В. Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2020. 231 с.
- Машкин Н. А. История Древнего Рима. М.: Госполитиздат, 1948. 679 с.
- Пучков В. О. Методологические проблемы современной юриспруденции. М.: Юрлитинформ, 2021. 320 с.
- Пучков В. О. Самозащита гражданских прав в сфере внешнеэкономических отношений по российскому и германскому праву: уголовно-правовой и цивилистический аспекты // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 12А. С. 105–123.

Стукалова Ю. В. Античная и средневековая правовая мысль как этапы развития теории юридического лица // Известия Российского государственного педагогического университета. 2007. Т. 7. № 25. С. 38–45.

Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1890. 446 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.

Мухаммаджон Аскарбегович Вохидов – преподаватель кафедры гражданского права Российско-Таджикского (Славянского) университета. 734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мирзо Турсундазе, д. 30. E-mail: vohidov.m8@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-0934-3934

Origin of Subsidiary Liability for the Debts of an Insolvent Legal Entity

Modern jurisprudence, despite its entry into the digital age, remains true to its theoretical foundations, which go back to the jurisprudence of Ancient Rome. The concepts of the person, thing and claim developed by the Romans became key to the development of the continental tradition of law. The author of the paper considers the process of formation and gradual development of the model of subsidiary liability for the debts of an insolvent legal entity in Roman law. The ideas about the corporation, the responsibility of its members and ensuring its debt in the historical period from the birth of Roman law to its decline in the 7th century AD are explored.

The author concludes that, although Roman law did not recognize the corporation as an independent subject of law, in the classical period accessory and subsidiary obligations were forming, as well as procedures for holding other persons liable for the debts of an insolvent person; they can be called the forerunners of the institution of subsidiary liability and bankruptcy proceedings.

Keywords: subsidiary liability, insolvency, legal entity, Roman law, debts

Recommended citation

Vohidov M. A. Vozniknovenie instituta subsidiarnoi otvetstvennosti po dolgam nesostoyatel'nogo litsa [Origin of Subsidiary Liability for the Debts of an Insolvent Legal Entity], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 72–77, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_72.

References

Asoskov A. V. *Osnovy kollizionnogo prava* [Basis of Conflict Law], Moscow, M-Logos, 2017, 352 p.

Dickerson R. W., Howard J. L., Bertrand L. J. *Proposals for a New Business Corporations Law for Canada*, Ottawa, Information Canada, 1971, vol. 1, 175 p.

Evseenko T. P. *Ob evolyutsii rimsko-soyuznicheskikh otnoshenii v Italii v kontse III–II vv. do n. e.* [On the Evolution of Roman-Allied Relations in Italy at the End of the 3rd–2nd Centuries B. C.], *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Vyp. 35 [Ancient Antiquity and the Middle Ages. Issue 35]: conference papers, Ekaterinburg, Ural. gos. un-t, 2004, pp. 44–53.

Krotova E. V. *Subsidiarnaya otvetstvennost' v rossiiskom grazhdanskom prave* [Subsidiary Liability in Russian Civil Law]: cand. jur. sc. thesis, Vladivostok, 2020, 231 p.

Mashkin N. A. *Istoriya Drevnego Rima* [History of Ancient Rome], Moscow, Gospolitizdat, 1948, 679 p.

Morgan W. D. History and Economics of Suretyship, *Cornell Law Review*, 1927, vol. 12, pp. 153–171.

Nocera G. *Insolvenza e responsabilità sussidiaria nel diritto romano*, Roma, Edizioni Italiane, 1942, VII, 338 p.

Pino Toscano F. La sistematización de la insolvencia en el Digesto, *Derecho y conocimiento: anuario jurídico sobre la sociedad de la información y del conocimiento*, 2001, no. 1, pp. 344–345.

Pringsheim F. Subsidiarität und Insolvenz, *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*, 1920, Band 41, s. 252–262.

Puchkov V. O. *Metodologicheskie problemy sovremennoi yurisprudentsii* [Methodological Problems of Modern Jurisprudence], Moscow, Yurlitinform, 2021, 320 p.

Puchkov V. O. Samozashchita grazhdanskikh prav v sfere vneshneekonomicheskikh otnoshenii po rossiiskomu i germanskomu pravu: ugovovno-pravovoi i tsivilisticheskii aspekty [Self-Defense of Civil Rights in the Sphere of Foreign Economic Relations under Russian and German Law: Criminal Law and Civil Law Aspects], *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2016, vol. 6, no. 12A, pp. 105–123.

Rosal J. Limites de la responsabilidad civil subsidiaria en la acción delictiva, *Anuario de Derecho Penal y Ciencias penales*, 1957, fasc. 3, pp. 543–550.

Ryan M. J. *Corporation Theory*, Lagerlund H. (ed.) *Encyclopedia of Medieval Philosophy*, Dordrecht, Springer, 2010, pp. 238–244.

Stukalova Yu. V. Antichnaya i srednevekovaya pravovaya mysl' kak etapy razvitiya teorii yuridicheskogo litsa [Antique and Medieval Legal thought as Stages in the Development of the Theory of a Legal Entity], *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, vol. 7, no. 25, pp. 38–45.

Shershenevich G. F. *Uchenie o nesostoyatel'nosti* [The Doctrine of Insolvency], Kazan', Tip. Kazan. un-ta, 1890, 446 p.

Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [Essays on the Morphology of World History], Moscow, Mysl', 1998, vol. 2, 606 p.

Muhammadjon Vohidov – lecturer of the Department of civil law, Russian-Tajik (Slavonic) University. 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Mirzo Tursunzade str., 30. E-mail: vohidov.m8@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-0934-3934

Дата поступления в редакцию / Received: 07.02.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 20.04.2022

А. А. Селькова

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

МЕТОД КОМАНДНОГО ОБУЧЕНИЯ (TEAM-BASED LEARNING) В ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Автор характеризует командное обучение как метод обучения, способствующий активному и эффективному взаимодействию студентов между собой и с преподавателем. Объяснены цели, средства и особенности внедрения данного метода в образовательный процесс. Кроме того, проанализированы преимущества использования метода командного обучения по сравнению с иными техниками преподавания: стимулирование критического мышления, выработка навыков анализа и синтеза, способностей находить креативные решения сложных и нестандартных задач.

Отдельный акцент сделан на влиянии командного обучения на положение студента: вместо пассивного объекта он становится главным актором, максимально вовлеченным в образовательный процесс и несущим самостоятельную ответственность за повышение своей академической успеваемости. Исследована и роль преподавателя, который обучает студентов практическому мышлению одновременно с их теоретической подготовкой. Делается вывод о несомненной пользе внедрения командного обучения, которое усилит значимость самостоятельной работы, научит сообща находить решение проблемы, повысит коммуникативные компетенции.

Ключевые слова: командное обучение, образовательный процесс, юридические дисциплины, преподавательская техника, образовательные компетенции

Для цитирования

Селькова А. А. Метод командного обучения (team-based learning) в юридическом образовании // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 78–83. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_78.

УДК 34.06

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_78

За последние 30 лет преподаватели университетов все чаще стали использовать такой проблемно-ориентированный метод обучения, как *team-based learning* (далее – TBL), т. е. метод командного обучения. Большая привлекательность TBL для высшей школы заключается в эффективном использовании имеющихся ресурсов и активной вовлеченности обучающихся, которая обычно достигается только с помощью их распределения по малым группам. TBL как раз и сочетает в себе обучение в малых и больших группах, объединяющих несколько малых.

С учетом растущей популярности TBL неудивительно, что в научной среде ведется активное обсуждение перспектив его исполь-

зования и эффективности. Гарантирует ли TBL лучшие результаты обучения, чем привычные лекции и семинары? Мы попытаемся ответить на поставленный вопрос и представить командное обучение как эффективную и «трансформирующую» [Dee Fink 2002: 12] стратегию преподавания юридических дисциплин, устойчивый и действенный способ обучения ключевым знаниям, навыкам и ценностям в области юриспруденции.

Как и многие инновационные методы, TBL сначала внедрялся довольно медленно, в первую очередь в США, в Университете Оклахомы, где преподавал профессор Ларри Михаэльсен – один из первых сторонников командного обучения. Однако в конце

1990-х гг. TBL стал распространяться более широко, поскольку преподаватели разных дисциплин начали отстаивать его достоинства и потенциальную пригодность в изменяющемся образовательном контексте. С расширением сфер применения TBL начала расти его собственная методологическая база, что закономерно, потому что любой образовательный метод имеет тенденцию укореняться в своем историческом и культурном контексте и только через продолжительное время может развиваться и адаптироваться к существующим реалиям.

Командное обучение предполагает прохождение студентами всех этапов обучения (подготовка к занятиям – взаимодействие с преподавателем – применение полученных знаний на практике) в малых группах [Michaelsen 2002: 16]. Примечательно, что данный метод преподавания подходит для любого количества обучающихся и на всех уровнях образования – начальном, среднем, высшем.

Классический вариант TBL в университете подразумевает объединение студентов в постоянную семестровую микрогруппу, состоящую, как правило, из пяти-семи студентов, которые обладают различными навыками и способностями, необходимыми для повышения их успеваемости [Michaelsen 2008: 9]. Подобные команды студентов могут формироваться разными способами: случайным образом; с помощью анкет, в которых студенты оценивают себя по определенным критериям (уровень знаний, имеющиеся навыки и приверженность определенным ценностям); на основании опроса студентов на первом занятии (оцениваются уровень знаний и личностные качества).

Перед началом работы созданной микрогруппы все ее участники должны познакомиться друг с другом и узнать, каким образом каждый из них может содействовать успешному обучению группы. На данном этапе функция преподавателя – показать, что все члены команды в значительной степени равны и каждый в отдельности представляет ценность для группы в целом.

Важная составляющая TBL – обязательный входной контроль знаний в начале каждого занятия [Michaelsen 2008: 13], обычно с помощью написания теста с несколькими вариантами ответов. Таким образом препода-

ватель может убедиться, что обучающиеся занимались самостоятельной подготовкой к занятию и приобрели базовые знания, которые им понадобятся для совместной работы. Каждый тест должен соответствовать определенному модулю или блоку изучаемой дисциплины.

Фактически именно тест стимулирует студентов к добросовестной подготовке. Обучающиеся пишут его дважды: сначала индивидуально, а затем все вместе, в команде. При коллективном выполнении задания члены команды высказывают разные точки зрения и стремятся достичь консенсуса. Затем сравниваются результаты работы всех команд. При этом каждый может дать немедленную обратную связь и определить, хочет ли он обсудить ответ на какой-либо из вопросов. Как индивидуальные, так и командные оценки учитываются в окончательной оценке отдельного студента. Обсуждение входного теста предоставляет преподавателю информацию о проблемах, возникших при изучении той или иной темы.

Определив уровень понимания студентами основных вопросов учебного модуля и восполнив все пробелы, преподаватель переходит к командным упражнениям, которые являются ядром TBL и делают этот метод таким отличным от типичной схемы ведения занятий. Специфика упражнений, используемых в TBL, выражается в следующем:

задания всегда строятся вокруг проблемы, которая одинаково интересна всем участникам микрогруппы;

все обучающиеся должны работать над решением одной и той же проблемы;

обучающиеся должны предложить определенный вариант решения проблемы;

все микрогруппы должны сообщить о принятом ее участниками решении.

Подобные упражнения естественным образом вовлекают студентов в образовательный процесс, активизируют критическое мышление, навыки анализа и синтеза. Чтобы оптимизировать групповую работу, упражнения должны быть направлены на творческий поиск идей, решений и аргументов, а не сводиться к примитивному воспроизводству полученных знаний [Weresh 2019: 317]. Когда в задании ставится вопрос, требующий конкретного командного решения, участники микрогруппы пробуют себя в роли юристов:

проводят анализ фактов и закона для вынесения профессионального суждения по существу правовой проблемы.

Одновременное сообщение командами своих решений позволяет избежать ошибок, которые вероятны при последовательной презентации результатов групповой работы, когда первый ответ может заставить остальные команды переменить свое решение. Пока студенты работают над упражнением, преподаватель отвечает на возникающие вопросы и содействует дискуссии в каждой микрогруппе. После презентации всех ответов преподаватель подключает все команды к отстаиванию своих позиций.

Другая особенность, которая отличает TBL от остальных методик проведения занятий, заключается в возложении на каждого студента ответственности за успехи его команды [Stein, Colyer 2016: 31]. Во-первых, входные тесты и практические упражнения

тов о результатах работы студентов. Отчеты особенно удобны, поскольку в них наглядно отражены те вопросы и темы, которые большинству студентов не удалось освоить. Рассмотрев соответствующий отчет, преподаватель может обсудить со студентами вопросы, которые оказались наиболее трудными. Дополнительным средством для вовлечения студентов в образовательный процесс станет предоставление им возможности аргументировать выбранные ими варианты ответов и оспаривать те или иные формулировки теста.

Еще одним краеугольным камнем командного обучения являются упражнения, направленные на решение правовой проблемы [Dana 2007: 76]. В данном случае студенты совместными усилиями пытаются применить теоретические знания, полученные ими при изучении дисциплины, в конкретной ситуации.

Для выполнения таких заданий студентам раздают письменную фабулу и примерный план действий, чтобы стимулировать их мышление и побудить команду к выстраиванию своей стратегии по решению задачи. Обучающиеся могут ссылаться на соответствующую судебную практику, нормативные правовые акты и иные официальные документы, чтобы аргументировать свое решение. Особое внимание нужно уделить распределению ролей внутри микрогруппы. Хотя все участники команды работают над одной и той же проблемой, им следует взять на себя разные роли согласно фабуле. Например, треть микрогруппы выступает в роли представителей истца, треть – представителей ответчика, еще треть – прокурора. Помещение микрогрупп в реалистичные условия и ситуации имитирует юридическую практику и закладывает основы профессиональной идентичности и этики [Christensen 2009: 66]. Таким образом, студенты будут думать не только о «правильном ответе», но и о том, как этот ответ будет служить интересам их клиента и обществу в целом.

Применяя командное обучение при преподавании юридических дисциплин, можно добиться действительно впечатляющих результатов. Обучающиеся, работающие в группах, последовательно достигают больших успехов, чем они могли бы достичь индивидуально [Nicoll-Senft 2009: 32]. Эффективность TBL проявляется и в улучшении усвоения студентами как теоретических знаний

В рамках командного обучения студенты, чувствуя ответственность перед командой и преподавателем, приходят на занятие заранее готовыми к работе

заставляют студентов тщательно готовиться дома к занятиям и не пропускать их. Во-вторых, студенты вносят индивидуальный вклад в совместную работу, ориентированную на получение командой одной общей оценки. В-третьих, все студенты ответственны за высокую «производительность» команды, ее активность. Кроме того, студенты несут определенные обязательства перед преподавателем за изучение и понимание заданной темы. Многие студенты, которые приходят неподготовленными к занятию, знают, что преподаватель в любом случае объяснит им весь материал. В рамках же командного обучения студенты, чувствуя ответственность перед командой и преподавателем, приходят на занятие заранее готовыми к работе.

Проведение тестов онлайн делает обучение еще более эффективным [Palsole, Awalt 2008: 90]. Нет надобности в печати бумажных вариантов теста, не тратится время на их проверку, так как онлайн-тестирование включает в себя функцию автоматической оценки и составления сводных отчетов

(юридические доктрины, концепции и пр.), так и практических навыков. Выполнение упражнений в команде развивает у студентов аналитическое мышление, а также навыки межличностного общения. Если один обучающийся помогает другому, это вызывает чувство сопричастности и может снизить уровень социальной изолированности студентов друг от друга. Благодаря командной деятельности они понимают, чему могут научиться друг у друга и как разрешать межличностные конфликты.

Командное взаимодействие прививает определенный образец социального и этического поведения, необходимого в юридическом сообществе, например уважительное отношение к коллегам и к себе. Развиваются и уважение к иным культурам, способность преодолевать межкультурные стереотипы в дальнейшей профессиональной жизни [Borman 2019: 379]. Взаимозависимость и разные точки зрения, которые определяют специфику командного обучения, побуждают обучающихся находить сложные компромиссы между конкурирующими социальными, политическими и экономическими практиками.

Командное обучение способствует формированию профессиональной идентичности и уверенности в выбранном карьерном направлении. Близость групповой работы студентов к реальной юридической практике повышает идентичность студентов как начинающих юристов. Когда им приходится просить друг друга о помощи, они извлекают ценные уроки для понимания основ совместного профессионального опыта [McGrath 2018: 166].

Еще раз подчеркнем, что TBL – метод обучения, основанный на эффективном групповом взаимодействии. Основное его отличие от традиционных лекционно-семинарских

практик – это цель обучения. В традиционных курсах цель обучения – понять определенные концептуальные элементы изучаемого предмета. Целями обучения в TBL являются накопление знаний на основе полученного опыта и одновременное развитие навыков командной работы.

Роли студентов и преподавателей тоже различны. Преподаватель в традиционной схеме обучения способствует распространению информации. В TBL его роль заключается в том, чтобы гарантировать получение знаний, а также способствовать синергии, необходимой для развития навыков командной работы. Преподаватель несет ответственность за взаимодействие со студентами, разработку эффективных контрольных мероприятий и проектов, которые помогают проводить интенсивную командную работу, и за обеспечение того, чтобы обучающиеся соотносили командную работу с содержанием изучаемого предмета. Роль обучающихся в традиционной образовательной модели заключается в получении и обработке информации с минимальным участием или без него. В TBL студент несет индивидуальную ответственность за накопление знаний, за участие в учебной деятельности, приверженность команде и подготовку.

Резюмируя все сказанное, отметим, что лучшее обучение – это своеобразная форма тренировки, в которой преподаватель должен планировать и реализовывать практики, направленные непосредственно на решение реально существующих проблем. Применяя метод TBL, педагог сможет подготовить студентов к работе в сфере юриспруденции. TBL предоставляет преподавателям эффективные инструменты, а студентам – возможности реализации всего их потенциала.

Список литературы

- Borman D., Haras C.* Something Borrowed: Interdisciplinary Strategies for Legal Education // *Journal of Legal Education*. 2019. Vol. 68. № 2. P. 357–391.
- Christensen L.* Enhancing Law School Success: A Study of Goal Orientations, Academic Achievement and the Declining Self-Efficacy of Our Law Students // *Law & Psychology Review*. 2009. Vol. 33. № 1. P. 57–92.
- Dana S.* Implementing Team-Based Learning in an Introduction to Law Course // *Journal of Legal Studies Education*. 2007. Vol. 24. № 1. P. 59–108.
- Dee Fink L.* Beyond Small Groups: Harnessing the Extraordinary Power of Learning Teams in Team-Based Learning. Westport: Praeger Publishers, 2002. 36 p.

McGrath J. Planning Your Class to Take Advantage of Highly Effective Learning Techniques // University of Detroit Mercy Law Review. 2018. Vol. 95. № 2. P. 153–178.

Michaelsen L. Team-Based Learning: a Transformative Use of Small Groups. Westport: Greenwood Publishing Group, 2002. 286 p.

Michaelsen L. Team-Based Learning: Small-Group Learning's Next Big Step // New Directions for Teaching and Learning. 2008. Vol. 116. № 1. P. 7–27.

Nicoll-Senft J. Assessing the Impact of Team-Based Learning // Journal on Excellence in College Teaching. 2009. Vol. 20. № 2. P. 27–42.

Palsole S., Awalt C. Team-Based Learning in Asynchronous Online Settings // New Directions for Teaching and Learning. 2008. Vol. 116. № 1. P. 87–95.

Stein R., Colyer C. Student Accountability in Team-Based Learning Classes // Teaching Sociology. 2016. Vol. 44. № 1. P. 28–38.

Weresh M. Assessment, Collaboration, and Empowerment: Team-Based Learning // Journal of Legal Education. 2019. Vol. 68. № 2. P. 303–337.

Анастасия Андреевна Селькова – кандидат юридических наук, заместитель директора Института государственного и международного права, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: beatrixkiddokill@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-4125-4720

Team-Based Learning in Legal Education

The author characterizes team-based learning as a teaching method that promotes active and effective interaction of students with each other and with the teacher. The goals, means and features of the implementation of this method in the educational process are explained. In addition, the author analyzes the advantages of using the team-based learning method, in comparison to other teaching techniques. Team-based learning stimulates critical thinking, increases skills of analysis and synthesis, and the ability to find creative solutions to complex and non-standard problems.

An emphasis is placed on the influence of team-based learning on the students' status: instead of a passive object, they become the main actors, maximally involved in the educational process and bearing independent responsibility for improving their academic performance. Moreover, the role of the teacher, who improves practical thinking and theoretical training of students, is investigated. The author makes a conclusion about the undoubted benefits of introducing team-based learning, which will enhance the importance of independent work, teach students how to work collectively in order to find solutions to complex problems, and increase communicative competencies.

Keywords: team-based learning, educational process, legal disciplines, teaching technique, educational competencies

Recommended citation

Selkova A. A. Metod komandnogo obucheniya (team-based learning) v yuridicheskom obrazovanii [Team-Based Learning in Legal Education], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 78–83, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_78.

References

Borman D., Haras C. Something Borrowed: Interdisciplinary Strategies for Legal Education, *Journal of Legal Education*, 2019, vol. 68, no. 2, pp. 357–391.

Christensen L. Enhancing Law School Success: A Study of Goal Orientations, Academic Achievement and the Declining Self-Efficacy of Our Law Students, *Law & Psychology Review*, 2009, vol. 33, no. 1, pp. 57–92.

Dana S. Implementing Team-Based Learning in an Introduction to Law Course, *Journal of Legal Studies Education*, 2007, vol. 24, no. 1, pp. 59–108.

Dee Fink L. *Beyond Small Groups: Harnessing the Extraordinary Power of Learning Teams in Team-Based Learning*, Westport, Praeger Publishers, 2002, 36 p.

McGrath J. Planning Your Class to Take Advantage of Highly Effective Learning Techniques, *University of Detroit Mercy Law Review*, 2018, vol. 95, no. 2, pp. 153–178.

Michaelsen L. *Team-Based Learning: a Transformative Use of Small Groups*, Westport, Greenwood Publishing Group, 2002, 286 p.

Michaelsen L. Team-Based Learning: Small-Group Learning's Next Big Step, *New Directions for Teaching and Learning*, 2008, vol. 116, no. 1, pp. 7–27.

Nicoll-Senft J. Assessing the Impact of Team-Based Learning, *Journal on Excellence in College Teaching*, 2009, vol. 20, no. 2, pp. 27–42.

Palsole S., Awalt C. Team-Based Learning in Asynchronous Online Settings, *New Directions for Teaching and Learning*, 2008, vol. 116, no. 1, pp. 87–95.

Stein R., Colyer C. Student Accountability in Team-Based Learning Classes, *Teaching Sociology*, 2016, vol. 44, no. 1, pp. 28–38.

Weresh M. Assessment, Collaboration, and Empowerment: Team-Based Learning, *Journal of Legal Education*, 2019, vol. 68, no. 2, pp. 303–337.

Anastasia Selkova – candidate of juridical sciences, deputy director of the Institute of state and international law, assistant professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: beatrixkiddokill@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-4125-4720

Дата поступления в редакцию / Received: 18.02.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2022

Э. Э. Бодрова, Н. С. Калистратова
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ И ТЕХНОЛОГИЙ: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Сегодня формирование цифровой образовательной среды – приоритетная задача системы высшего образования, решение которой предполагает применение системно-деятельностной методологии. Авторы использовали теоретические и эмпирические методы исследования, нормативно-правовую базу, научную литературу, собственный педагогический опыт работы в цифровой среде.

В статье рассмотрены особенности и проблемы применения образовательного модуля смешанного обучения в двух системах управления Indigo и Moodle, возможности онлайн-мониторинга в автоматизированной информационной системе «Тандем». Описаны результаты проведения «перевернутых лекций», проанализированы преимущества и недостатки использования разнообразных цифровых инструментов, онлайн-сервисов на примере Socrative, Mentimeter, Miro, работа тьюторов в цифровом пространстве, включая мессенджеры и социальные сети. Авторы обращают внимание на то, что ни зарубежные, ни отечественные образовательные платформы не содержат качественного цифрового контента по истории прежде всего российского государства и права. Между тем разработка и внедрение такого контента должны стать определяющими в профессиональном сообществе.

Полученные результаты рассчитаны на начало научной дискуссии по вопросу об эффективности и качестве преподавания истории государства и права в цифровой среде.

Ключевые слова: история государства и права, образовательный модуль смешанного обучения, системы управления, мониторинг, онлайн-сервисы, цифровые компетенции, цифровые технологии

Для цитирования

Бодрова Э. Э., Калистратова Н. С. Реализация цифровых компетенций и технологий: из опыта преподавания истории государства и права // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 84–96. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_84.

УДК 37.378

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_84

Мир становится все парадоксальнее. На заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ 12 февраля 2020 г. научный руководитель Лаборатории нейронауки и поведения человека при Сбербанке А. В. Курпатов, выступая с докладом о трансформации человека в цифровую эпоху, образно и точно определил, что цивилизация быстрыми темпами переезжает из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга.

Мировое сообщество пытается, и иногда весьма успешно, реагировать на современные научные и технологические вызовы. Объеди-

ненным исследовательским центром (JRC) Европейской комиссии была разработана цифровая система компетенций для граждан (см. текущую версию: [Carretero, Vuorikari, Punie 2017]).

В Российской Федерации президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Согласно федеральному проекту «Кадры для цифровой

экономики» установлен открытый формат профилей компетенций граждан, траекторий их развития и процедуры их создания; разработаны концепция базовой модели компетенций цифровой экономики, перечень ключевых компетенций и механизм их актуализации¹.

Реализация прорывных технологических проектов в условиях цифровой экономики порождает спрос на специалистов, владеющих комплексом жестких, гибких и специальных цифровых компетенций, включая глубокое понимание своей области, а также знания и опыт в смежных сферах.

Происходящие структурные изменения влекут за собой изменения во всех сферах жизни общества, в том числе в образовательной среде. Участники образовательного процесса овладевают навыками работы с базами данных, инструментами работы с большими данными, инструментами их визуализации, развивают творческие навыки для работы в онлайн-приложениях и цифровых сервисах (социальных сетях, мессенджерах, информационных порталах), создают цифровой контент методами проектного управления и командной работы².

В условиях смены подходов к правовопониманию, плюрализма методов исследовательской работы в юриспруденции возрастает важность использования новых методических приемов преподавания для формирования у участников образовательного процесса не только профессиональных, но и цифровых компетенций [Русинов 2014: 17]. Однако невозможно сформировать указанные компетенции без активного использования цифровых технологий.

В сфере подготовки юристов решение поставленных задач имеет свои особенности [Перевалов 1995: 29]. «Вряд ли у кого есть сомнения в высокой значимости преподавания истории государства и права в юридических учебных заведениях. Ясно, что без исторического познания государства и права невозможно понять сущность современного права. С помощью исторических учебных

предметов развиваются патриотизм, социокультурная идентичность человека как члена данного общества. История государства и права представляет собой базовый предмет, на основе которого складывается юридическая идеология правовопонимания, формируются навыки различения права и неправа» [Лаптева 2005: 79–87].

Наша профессиональная миссия – создать учебную системную модель, которая бы способствовала формированию у студентов собственной парадигмы государственно-правовой эволюции современной цивилизации. Безусловно, для этого необходимо все время совершенствовать структурированный контент. Проблемы выработки навыков самостоятельной работы с разными источниками информации и освоения материала остро встали перед системой образования уже во второй половине XX в. Появились исследования С. Постлуайта, Дж. Рассела и других ученых, посвященные модульному обучению как образовательной технологии, основанной на личностно-центрированном подходе, в соответствии с которым центром педагогической системы является обучающийся, а приоритетное значение приобретают самостоятельная работа студентов и самоконтроль [Левитан 2011: 244].

Российская система образования перешла на обучение по модульной системе десять лет назад. В УрГЮУ решение о переходе на модульную систему было принято в 2015 г. Сегодня идея модульного обучения стала основой цифровой трансформации образовательного процесса и воплотилась в использовании электронных учебных модулей.

В преподавании истории государства и права наиболее удачным воплощением модульной модели является смешанное обучение (*blended learning*), которое включает модульное обучение онлайн и традиционные методы. Определенная часть учебного материала переносится в онлайн-формат, преподаватель отслеживает сложные для данного потока студентов темы, далее обсуждает их на аудиторных занятиях или индивидуально на консультациях.

Таким образом, происходят персонализация освоения материала, более полное его изучение, развивается мотивация студентов, возрастает их ответственность при самостоятельной подготовке [Bonk, Graham, 2012].

¹ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 13.07.2021).

² Базовые компетенции цифровой экономики: перечень ключевых компетенций // URL: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/4166/?print=1> (дата обращения: 13.07.2021).

Учебные ресурсы Университета позволяют активно внедрять образовательную модель смешанного обучения, включают традиционные источники получения учебных и методических материалов и электронные базы данных. Любой участник учебного процесса имеет бесплатный доступ к сети Интернет (Wi-Fi) в зданиях Университета, а соответственно доступ к любым учебным материалам, в том числе к учебникам и документам, касающимся образовательного процесса.

Обеспечение интерактивного взаимодействия между участниками учебного процесса и создание учебного материала осуществляются через учебный портал, который представляет собой систему управления обучением 24/7. Основным ее элементом являются наполняемые учебным материалом электронные курсы, в том числе по истории государства и права. Студенты могут их изучать, выполнять задания, а преподаватели – оценивать и комментировать эти работы. Учебный портал служит площадкой для взаимодействия между преподавателем и студентом и используется для организации всех форм обучения. Обеспечение непрерывной связи с преподавателем особенно важно для студентов очно-заочной и заочной форм обучения¹.

В настоящее время в УрГЮУ для построения среды обучения применяются системы *Indigo* и *Moodle*. Внутрикурсовые модули дисциплины истории государства и права используются при очной, очно-заочной, заочной формах обучения. Преподаватели создают условия для освоения модуля, персонализируя задания, а студенты в соответствии со своими индивидуальными особенностями определяют свой порядок изучения материала, демонстрируя таким образом еще и самодисциплину. На выполнение каждого модуля выделяется определенное количество часов.

Самостоятельная асинхронная работа студентов проверяется посредством системы тестирования *Indigo*, которая не только создает условия для контроля знаний студентов, но и обеспечивает подготовку к сдаче экзаменов и аттестаций. С помощью банка тренировочных тестов, размещенных в открытом доступе

на сайте Университета, обучающиеся самостоятельно контролируют и проверяют уровень своей подготовки. В системе *Indigo* на постоянной основе проходят текущее и итоговое тестирование (один из этапов итогового оценивания). Выполняя тестовые задания разной степени сложности, в том числе в виде решения конкретных ситуаций в разных временных режимах, студенты приобретают навык работы с законодательной базой и учебным материалом. Автоматизированная информационная система «Тандем» помогает преподавателю оперативно информировать студентов о результатах промежуточного, рубежного и итогового оценивания.

На сайте Университета отдельными блоками для всех форм обучения выделены правила освоения дисциплины, тематические планы, система оценивания дисциплины, рекомендованная научной библиотекой литература по дисциплине, правила промежуточной аттестации. Порядок сдачи экзаменов и зачетов в дистанционном формате можно найти в приложениях к рабочим программам дисциплин, также включенных в электронный курс. На учебном портале на личных страничках преподавателей размещены правила освоения дисциплины, рабочие программы дисциплины, задания для практических занятий с инструкциями для их выполнения, видеолекции, презентации, конспекты лекций со встроенными тестовыми заданиями, хрестоматии, глоссарии, списки учебной и дополнительной литературы, гиперссылки на электронную библиотечную систему.

Все эти ресурсы используются и на асинхронном, и на синхронном этапах изучения курса. Корпоративная почта и элемент «форум», встроенные в курс, электронные деканаты Университета позволяют осуществлять обратную связь со студентами. Они с удовольствием высказывают свои мнения, в том числе о цифровом контенте и о возможностях его совершенствования с помощью различных цифровых инструментов. В условиях угрозы распространения инфекции COVID-19 по результатам мониторинга получены как положительные отзывы, так и замечания студентов о дистанционной части обучения в новом цифровом формате. Выделяется ряд проблем организационных, коммуникативных и учебных. Опишем некоторые из них:

¹ Положение об электронной информационно-образовательной среде УрГЮУ // URL: <https://www.usla.ru/electrores/Poloeios.php> (дата обращения: 20.07.2021).

отдельные преподаватели недостаточно подготовлены, иногда бывают моменты, когда поднятие руки не замечают, возникают трудности с паролями, демонстрацией экрана и т. п.;

большинство теоретических вопросов «гуглятся», и у некоторых студентов нет какой-либо мотивации вникать в суть предмета, от этого страдают качество работы на семинарах и общий уровень знаний студентов;

каждые 40 минут нужно переподключаться в *Zoom*, а вести занятия на других платформах многие преподаватели не хотят, также при организации работы в мини-группах не все преподаватели могут создать сессионные залы;

не меняется расписание, которое зависит от аудиторного фонда, при этом не учитывается тот факт, что часть студентов разъезжается по домам, где совсем другие часовые пояса; это приводит к тому, что те, кто живет на западе от Екатеринбурга, на утренние семинары встают в пять часов утра, а те, кто живет на востоке, сидят на вечерних семинарах ночью;

возникает желание прийти в университет, все-таки во многом прелесть студенчества при дистанте теряется;

отсутствует живое общение, контакт с преподавателями и одногруппниками;

наблюдаются усталость и повышенная утомляемость от постоянной работы за компьютером;

возникают проблемы со сроками сдачи заданий на учебном портале, потому что постоянно приходится следить за временем сдачи работ, которое зачастую не совпадает с расписанием занятий;

отсутствуют уведомления за разумное время до сдачи работы, чтобы можно было ее подготовить;

приходится работать с постоянно включенной камерой, так как отключение камеры на короткий срок, вне зависимости от обстоятельств, трактуется преподавателями как отсутствие на семинаре;

нет возможности узнать, почему работа оценена именно таким образом, поскольку некоторые преподаватели не оставляют комментариев на портале и не отвечают или слишком долго отвечают (от двух дней до недели) на вопросы в чате.

Самым главным минусом студенты считают более низкий по сравнению с очным обучением уровень знаний, полученных в результате дистанционного обучения.

К положительным сторонам работы на дистанте студенты относят увеличение свободного времени; возможность параллельно с занятиями заниматься своими делами, например смотреть фильм или читать интересную книгу на скучной паре; отсутствие затрат на дорогу; умение преподавателей выстроить работу так, что большинство описанных выше минусов отпадает, а преимущества сохраняются; увеличение возможности преподавателей работать со студентами индивидуально.

По итогам онлайн-мониторинга образовательного процесса постоянно происходит совершенствование учебной работы.

Привычные виды учебной деятельности: чтение лекций, проведение практических занятий, изучение материала, групповая работа, контроль усвоения учебного материала, учебные коммуникации, успешно реализуются в новом формате. При этом старые принципы обучения не уходят, а преобразовываются.

Например, в 2007 г. в США Дж. Бергман и А. Самсу предложили принцип обучения *flipped classroom* («перевернутый класс»)¹. Он предполагает разные степени усвоения учащимися нового материала вне аудитории, а время аудиторной работы выделяется на выполнение заданий, проведение практических исследований, индивидуальные консультации преподавателя и др. У данного метода есть свои преимущества: он не требует дорогостоящих технических устройств (достаточно традиционного мультимедийного комплекса и мобильных устройств), лектор не тратит время на изложение базового материала, рассчитывая на самостоятельную работу студента, во время которой тот использует большое количество дополнительных источников – как рекомендуемых преподавателем, так и найденных в результате самостоятельного поиска. Возможности *Moodle* позволяют проводить занятия в формате «перевернутой» лекции, когда слушатели заранее имеют доступ к вопросам, которые

¹ Europass Teacher Academy. Flipped Classroom // URL: <https://www.teacheracademy.eu/course/flipped-classroom/> (дата обращения: 10.03.2022).

будут обсуждаться, приходят подготовленными и активно участвуют в обсуждении лекционного материала. Они могут задавать критические вопросы, помогающие взглянуть на суть проблемы, рассматривать ее с разных позиций, пользуясь дополнительными электронными приложениями (например, *Socrative*)¹.

Современные технологии предоставляют возможность проводить поточные лекции в формате онлайн-трансляции, что позволяет привлечь широкий круг заинтересованных студентов, в том числе с ограниченными возможностями. В отличие от оригинального американского подхода, при котором студент за основу подготовки берет видеозапись лекций, наши студенты готовятся по предложенным преподавателем источникам и самостоятельно найденным материалам, поскольку курс истории государства и права классический, и материалов для подготовки достаточно. Это и электронные учебники, размещенные в библиотечных системах *Znanium*, «Лань» и др., и материалы, размещенные на сайтах Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, Российской национальной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России и т. д.

Также учебные материалы имеются в электронной библиотеке локальной сети Университета, которая является частью научной библиотеки УрГЮУ, включающей электронные базы данных учебников, практикумов, монографий, иных книг и пособий, периодических изданий. В УрГЮУ реализован «бесшовный» переход с учебного портала в электронные библиотечные системы. Студентам не нужно специально регистрироваться в них и запоминать дополнительные логины и пароли, а надо просто перейти с учебного портала на нужный ресурс. Данный подход способствует выработке умения самостоятельно работать с разными источниками информации, самостоятельно усваивать учебный материал.

Таким образом, в ходе лекции оперативно задействуется большая часть потока. Модераторы, самостоятельно выбранные учебными группами, фиксируют участие своих одноклассников в лекционном процессе, определяют степень их участия и возможность

получить бонусы от преподавателя. Несколько человек из потока получают неформальный статус партнеров, позволяющий им высказывать свое мнение в ходе лекции. Деканаты, кафедра истории государства и права, лекторы систематически проводят мониторинг лекционных занятий. Коллеги и студенты могут участвовать в оценивании лекции онлайн в формате односложных оценок с мобильных приложений (мониторинг по заранее подготовленным преподавателем вопросам) или в свободной форме, позволяющей высказать мнение о проведенной лекции в целом, высылая отзывы на корпоративную почту или в группу «ВКонтакте».

Приведем пример формального отзыва, представленного на учебном портале: «Материал лекции представлен систематизировано, использована презентация, которая корректно дополняла основную информацию. Обращено внимание на наиболее сложные вопросы темы» (*орфография и стиль автора сохранены*).

А вот фрагмент произвольного отзыва, отправленного на корпоративную почту лектора через две недели после лекции по модулю III «Государство и право России в XX в.», теме 1 «Формирование ограниченной монархии. Свод Основных Государственных законов в редакции 1906 г. Первая Российская республика: февраль-октябрь 1917 г.». Отзыв достаточно объемный и дается в сокращении:

«...Однако хоть мои знания этого периода и были достаточно велики им не хватало структурированности, мне хотелось, чтобы кто-то внес ясность и дал некую структуру, от которой можно отталкиваться при описании этого периода... Мне очень понравилась эта лекция, не совру, если скажу, что она превзошла все мои ожидания. В первую очередь стоит отметить хорошее вступление, в котором в целом были расписаны процессы, предшествующие этому времени и к нему приведшие. Также присутствовали метафоры и интересные мысли о которых я ранее не задумывался, например действительно этот век отличился своей токсичностью... Отлично подобранный материал, были упомянуты и устройство самой России, а именно переход на думскую монархию... не был вниманием обделен и один из величайших людей своего времени Столыпин, уделено внимание его реформам...

¹ Socrative: Home // URL: <http://www.socrative.com> (дата обращения: 10.03.2022).

Приятное оформление, где необходимо были правильно вставлены картинки, а где выгодней было вставить схему или таблицу располагались они, все выглядело органично. Также порадовало вбрасывание интересных фактов, я, например, и не подозревал, что в России существовала такая территория как Марковская республика, другие же факты также вызвали интерес и желание узнать об этом побольше. Минусов в данной лекции я так и не нашел» (*орфография, пунктуация и стиль автора сохранены*).

Создавая цифровой образовательный контент, мы пытались найти во всемирной цифровой образовательной среде курсы по истории государства и права, апробированные другими вузами. Наши поиски не увенчались успехом. Например, ничего не дал поиск материала на всемирно известных образовательных платформах Coursera¹ и EdX², предоставляющих онлайн-курсы от лучших университетов мира, включая СПбГУ. Представленные на платформах курсы могут быть использованы в учебном курсе «История государства и права» лишь опосредованно и только как дополнительный материал для общей характеристики рассматриваемой темы.

Отечественные образовательные платформы Arzamas³, Stepik⁴, Lektorium⁵, Postnauka⁶, как и зарубежные, предлагают образовательные курсы в основном по общей истории. Материалы курсов изложены в сжатой и доступной форме. Они подойдут для студентов, которые не уверены в своих базовых знаниях по истории и с помощью этих курсов смогут восполнить пробелы. Студенты-иностранцы, не изучавшие историю России у себя на родине, могут воспользоваться базовой исторической информацией, предложенной на этих платформах. Студенты, заинтересованные в более глубоком изучении отдельных тем,

имеют возможность при изучении модуля II «Государство и право Российской империи XVIII–XIX вв.» по курсу «История государства и права России» обратиться к курсу А. И. Миллера «Российская империя и русский национализм», размещенному на платформе Stepik.

Для создания цифрового лекционного ресурса может пригодиться документальное видео, но по нашему предмету, к сожалению, видеоматериал подобрать довольно сложно. Крупнейшим архивом кинохроники является British Movietone, который выложил на YouTube более 550 тыс. роликов, снятых

Современные технологии предоставляют возможность проводить поточные лекции в формате онлайн-трансляции, что позволяет привлечь широкий круг заинтересованных студентов, в том числе с ограниченными возможностями

в период с 1895 г. до наших дней и посвященных историческим личностям, событиям и др.⁷ Отечественные исторические видеодокументы в основном хранятся в государственных архивах, но в большом объеме оцифрованная кинохроника доступна в онлайн-каталоге Net-Film, база которого составляет около 80 тыс. фильмов и фрагментов. В нем можно найти материал и для учебного контента, но придется потратить большое количество часов на поиск. Открытым остается и вопрос об авторском праве на использование кинохроники в учебных курсах⁸.

Группа компаний StarMedia создает уникальные для России и СНГ исторические документальные циклы и драмы, которые составляют конкуренцию лучшим западным образовательным и научно-популярным программам («История государства Российского», «Великая война» и др.). Онлайн-кинотеатр StarMedia предоставляет доступ к обширному историческому материалу с подробными комментариями по многим периодам истории Российского государства; его можно исполь-

¹ Coursera. Degrees, Certificates, & Free Online Courses // URL: <https://ru.coursera.org/> (дата обращения: 10.03.2022).

² EdX. Free Online Courses by Harvard, MIT, & more // URL: <https://www.edx.org> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Arzamas // URL: <https://arzamas.academy> (дата обращения: 10.03.2022).

⁴ Stepik. Образовательная платформа // URL: <https://vk.com/rustepik> (дата обращения: 10.03.2022).

⁵ Лекториум. Бесплатный онлайн-курс «История России» // URL: <https://www.lektorium.tv/russianhistory> (дата обращения: 10.03.2022).

⁶ Курсы – узнай главное на ПостНауке // URL: <https://postnauka.ru/courses> (дата обращения: 10.03.2022).

⁷ British Movietone // URL: https://www.youtube.com/channel/UCHq777_waKMJw6SZdABmyaA (дата обращения: 20.07.2021).

⁸ Каталог киножурналов // URL: <https://www.net-film.ru/> (дата обращения: 20.07.2021).

зовать в качестве вспомогательного материала по курсу истории государства и права.

Существуют хорошо зарекомендовавшие себя способы визуализации информации в процессе обучения [Роэм 2013].

Несколько слов необходимо сказать о презентациях, к которым в ходе их применения в учебном процессе сложилось неоднозначное отношение. Выше упоминалось, что при формировании видеоряда по предмету «История государства и права» возникают проблемы. Презентации в определенной степени решают эти проблемы в силу «эффекта превосходства изображения»: в большинстве случаев, независимо от обстоятельств, люди гораздо лучше усваивают и запоминают картинки, нежели слова [Каптерев 2012: 26].

На наш взгляд, неоднозначность восприятия презентаций связана с применением их в качестве «суфлера», и ошибкой создателей слайдов является стремление заменить слайдами, транслируемыми на экране, собственно презентацию. Помимо самих слайдов, важны структура презентации и аргументация, которые охватываются совсем иной областью знаний. Они требуют навыков в области сторителлинга, что предполагает выстраивание фактов в определенной последовательности и установление связей между ними, которое не следует путать с рассказыванием историй [Каптерев 2012: 22].

В своих отзывах на лекции и практические занятия с применением презентаций в онлайн- и офлайн-режимах студенты часто оценивают презентации по формальным критериям, таким как вид титульного слайда, количество слайдов, корректность текста, наличие и качество вставок (таблиц, графиков, иллюстраций), использование дополнительных эффектов, дизайн.

Мы согласны с Ли ЛеФевеком в том, что презентации особенно уместны на поточных занятиях, так как формируют у студентов определенный алгоритм освоения курса и дают преподавателю возможность переключать внимание аудитории [ЛеФевек 2018: 82–195].

Положительной стороной презентации является возможность подачи информации линейно, когда каждый следующий слайд связан с предыдущим. В них сочетаются разные средства, каждое из которых воздейству-

ет на внимание студентов с разным типом восприятия информации (визуал, аудиал и кинестетик). Кроме того, программа презентаций имеет опции для анимации визуальных образов и добавления голоса за кадром, чтобы создать видео без использования камер или программного обеспечения для редактирования.

Эффективность презентаций можно повысить за счет сочетания хорошего дизайна и умения увлекать аудиторию [ЛеФевек 2018: 187]. Шаблоны *Microsoft PowerPoint* с элементами инфографики позволяют доступно и наглядно демонстрировать материалы курса на большом экране через учебные мультимедийные комплексы¹.

На практических занятиях по истории государства и права будущий юрист вырабатывает один из ключевых навыков – умение толковать источник права, оперативно находить нужную информацию и верифицировать ее. С оцифрованными историческими источниками пользователь может работать в современных электронных правовых системах («КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс»). Подобные системы содержат не только современные источники права, но и множество законодательных памятников, историографические исследования по предмету [Информационные технологии в юридической деятельности 2013: 335–339]. Специалисты в области информационных технологий выделяют следующие их преимущества: объем и достоверность правовой информации, ее актуализация; мобильность и оперативность; высокий уровень доступности и удобство работы (технологичность), что позволяет рекомендовать данные системы для самостоятельной работы обучающихся [Там же: 340–341].

В рамках предмета «История государства и права» студенты пользуются законодательными памятниками права как в цифровом, так и в привычном печатном варианте (см., например, ресурсы, которые используют студенты на практических занятиях: [История государства и права России 2017; История отечественного государства и права 2017]).

Благодаря всевозможным мобильным приложениям преподаватели могут оперативно

¹ PowerPoint Viewer // URL: <https://power-point-soft.ru/?yclid=5902822019570653788> (дата обращения: 10.03.2022).

определить готовность аудитории к занятиям, например создать виртуальную учебную аудиторию на платформе *Socrative*. Этот онлайн-сервис особенно хорошо использовать в ходе практических занятий. Важно отметить, что при помощи сервиса можно индивидуализировать процесс и в то же время работать командой, малыми группами, онлайн и оффлайн. Студенты, в зависимости от учебных целей, выбирают, работать ли им инкогнито с оцениванием своих ответов или без него. Последнее заметно способствует развитию саморефлексии. Сервис позволяет создавать множество вопросов (логических, с выбором одного или нескольких ответов, с вводом текста или в краткой форме «Да / Нет»). Обратную связь можно получить мгновенно, как и результат. Есть три альтернативных режима проведения тестирования:

студенты выбирают ответы на расставленные по порядку вопросы, не имея права менять ответ и даже временно пропускать вопрос, оставив его на потом;

студенты отвечают в любом порядке и могут менять ответы;

преподаватель сам выбирает, какой вопрос будет следующим, и имеет право пропустить или повторить вопрос.

Преподаватель может наблюдать за ходом проведения теста в реальном времени. В таблице у него отмечается, кто и как ответил на различные вопросы. После окончания теста можно сохранить результаты на диск, отправить их по почте, показать здесь и сейчас (с указанием или без указания фамилий). Данная программа хорошо зарекомендовала себя для смешанного или дистанционного обучения на лекциях и практических занятиях. С помощью нее студенты могут развивать навыки проверки своей подготовки к занятию, навыки самообразования [Коржув, Попков 2009: 73].

Применяя сервис *Google.docs*, студенты и преподаватели создают файлы, редактируют их, в том числе вместе. Сервис широко используется при самостоятельной подготовке к практическим занятиям, когда задания распределены по малым группам¹.

Алгоритм работы с историческими источниками представляет собой определенную лестницу рассуждений, которая включает вы-

бор данных из источника, их интерпретацию, толкование, комментирование, сравнение, проверку предположения посредством работы со справочными правовыми системами, просмотр других сайтов, формулирование выводов и принятие решения. Все это помогает студентам выйти на новый уровень осознания своих действий и компетенций. Если проверка показала, что действия неправильные, лестница позволяет вернуться и пройти этот путь еще раз. Таким образом решаются казусы и т. д.

В системе *Moodle* можно создавать отдельные закрытые группы для выполнения индивидуальных заданий, например для студентов-иностранцев. Вместе с ними в группе находятся студенты-тьюторы, которые знают французский, испанский или английский языки, преуспевают в изучении курса истории государства и права и работают в онлайн-режиме. Отдельные группы сформированы для комментирования и рецензирования научных докладов участников студенческого научного кружка, круглых столов, мастер-классов, моделей и конференций.

Современные технологии позволяют более успешно решать проблемы инклюзивного образования путем замены очной формы обучения дистанционной, когда студенту с ограниченными возможностями здоровья создаются организационные и учебные условия для успешного освоения курса, не требующие специального оборудования. Например, сайт Университета и ряд электронных библиотечных систем имеют свои версии для слабовидящих.

Для дистанционной формы обучения активно используются ресурсы, предлагаемые мессенджерами и социальными сетями. Это помогает обеспечить оперативность и мобильность совместного обучения, свободу выбора социального контента студенческим сообществом, неформальное общение с родителями и друзьями студентов, выпускниками, коллегами, общественными организациями, кураторами учебных групп. Сегодня студенты предпочитают «ВКонтакте», *Telegram*, используя эти площадки как инструменты коммуникации. Среди них появляются добровольные модераторы, которые чаще всего становятся неформальными лидерами групп в мессенджере. В социальной сети «ВКонтакте» студенты обсуждают различные пу-

¹ Google Документы // URL: <https://www.google.ru/intl/ru/docs/about/> (дата обращения: 20.07.2021).

бликации, создают «цепочку» комментариев, участвуют в творческих заданиях, делятся ссылками на веб-сайты, обращаются за помощью. Общение расширяет возможности онлайн-сотрудничества и доверительных отношений внутри студенческо-преподавательского сообщества. Эта неформальная составляющая образовательного процесса очень важна сегодня, так как обеспечивает информационную и медийную грамотность. Тем более одной из основных тенденций развития высшего образования в России является интеграция науки и образования, позволяющая решить задачи подготовки кадров для инновационной деятельности [Сорокопуд 2011: 14–25].

Рассмотрим алгоритм реализации цифровых компетенций на следующем примере. Преподаватель предлагает студентам в рамках кружка по предмету принять участие в проекте «Современные тренды развития учебного и цифрового контента в курсе истории государства и права» и модерирует процесс. В рамках проекта разрабатываются два модуля (учебный и цифровой). Алгоритм действий (с четким определением сроков выполнения) следующий. Разработчики модулей сами формируют две мастерские (*workshops*) и выбирают из своих рядов или из приглашенных старшекурсников мастеров, которые будут «вести» эти модули. Студенты выбирают наиболее удобный для себя режим участия.

Очень хорошо зарекомендовал себя метод мозгового штурма, суть которого состоит в творческом споре специалистов относительно определенной проблемы. Личный контакт и рассмотрение проблемы с разных точек зрения помогают найти свежие идеи. Для применения метода традиционно необходимы две группы специалистов. Первая группа выдвигает идеи, вторая – анализирует их. Также распространенным является вариант применения метода, при котором и выдвижение идей, и их анализ проводится одной и той же группой. Мозговой штурм очень удобно проводить в *Miro* – разработанной в России онлайн-платформе для совместной командной работы, в том числе дистанционной¹. Она позволяет визуализировать идеи, появившиеся в ходе мозгового штурма,

¹ Miro: The Visual Collaboration Platform for Every Team // URL: <https://miro.com/signup/> (дата обращения: 10.03.2022).

с помощью стикеров, схем, диаграмм и др. На платформе можно обмениваться файлами, проводить встречи неограниченного числа участников. Существует и особый класс информационных онлайн-систем, представляющих собой совокупность данных из нескольких источников, организованных для распространения и совместного использования, – это хабы (*hubs*) данных, которые нами пока не освоены.

Другим вариантом работы в проекте является составление диаграмм связей (*mind-maps*) модулей в бесплатном онлайн-приложении *Google*, которое поддерживает совместную работу над проектами или в *Mentimeter*², затем генерируют *mind-map* проекта. Обсуждение проходит в онлайн-режиме в удобное для участников время на платформе *Zoom* или в *Discord* («игровое» поколение предпочитает мессенджер). Учебный контент создается на основе проверенных мини-модулей. Критерии качества контента разрабатываются и обсуждаются экспертами (участниками проекта). Выбор цифровых сервисов остается за разработчиками второго модуля. Цель преподавателя на этом этапе – убедить участников проекта в необходимости использовать те сервисы, которые содержат гибкие шаблоны, визуальные эффекты, элементы инфографики и которые, что немаловажно, были бы бесплатными (например, *Flourish*³ – сервис от *Google*, который преобразует цифровые данные из *Excel*-формата в диаграммы, карты и анимации, сервис *Datawrapper*⁴). Сгенерированная *mind-map* позволяет в результате успешно завершить проект и реализовать тьюторские компетенции не только преподавателю, но и остальным участникам проекта [Попков, Коржуев 2010: 14–25].

Помимо вышеизложенного, при изучении курса преподаватель назначает тьюторов из числа студентов, активно участвующих в учебном процессе, успешно осваивающих учебный материал, социально ответственных и выразивших желание помочь студентам, ко-

² Mentimeter: Interactive Presentation Software // URL: <https://www.mentimeter.com/> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Flourish. Data Visualization & Storytelling // URL: <https://flourish.studio/> (дата обращения: 10.03.2022).

⁴ Datawrapper: Create Charts, Maps, and Tables // URL: <https://www.datawrapper.de> (дата обращения: 10.03.2022).

торые медленнее осваивают материал. Таким образом преподаватель реализует метод взаимобучения студентов, основанный на неодинаковости их возможностей. Несомненно, нам следует постоянно совершенствовать и общепрофессиональные, и педагогические, и тьюторские компетенции. Но, как нам кажется, больше всего мы нуждаемся в тьюторских компетенциях, включающих информационную и медийную грамотность.

На заседаниях кружка по истории государства и права России состоялась защита коллективного проекта «Законодательство Петра Великого в социальной сфере: взгляд из XXI века». Проект является дополнением к программе вузовских мероприятий, организуемых в рамках подготовки к празднованию 350-летия со дня рождения Петра I. Составляющими проекта стали разработанные и представленные студентами проблемные историко-правовые вопросы и сюжеты, которые не входят в учебный курс по истории законодательства петровского периода. К ним относятся статус незаконнорожденных детей, детское бродяжничество и беспризорность, эволюция статуса женщин, изменение положения отставных военнослужащих, формирование законодательства о «бережении» природы, изменение статуса податного населения в ходе налоговой реформы, трансформация статуса купечества и духовенства, регулирование труда в эпоху петровских преобразований.

Одними из итогов проекта стали видеofilm «Законодательство Петра I в социальной сфере: взгляд из XXI века», размещенный в социальной сети «ВКонтакте», и коллаж на сайте Уральского государственного юридического университета.

Согласно стратегии развития УрГЮУ основной целью развития до 2022 г. является позиционирование Университета как современного многопрофильного образовательного, научного, экспертного, консультативного комплекса в области юриспруденции и междисциплинарных практик, входящего в число передовых российских вузов и служащего процветанию государства и общества. Среди задач этой стратегии большое значение имеют системное совершенствование содержания, механизмов и качества результатов профессионального образования в соответствии с динамично изменяющимися потребностями

рынка труда, а также создание открытой информационно-образовательной среды, предполагающей эффективное внедрение инновационных процессов в образовательную, научно-исследовательскую и воспитательную деятельность в системе юридического образования¹.

Повышение конкурентоспособности России в области образования, науки и технологий требует от преподавателя выполнения этих задач, и мы, учитывая специфику предмета истории государства и права, идя по пути проб и ошибок, заимствуя международный и отечественный опыт освоения и распространения лучших научно-исследовательских, образовательных и инновационных технологий в образовательной деятельности, формируем у студентов устойчивые навыки работы. Однако нам необходимо постоянное активное внедрение инструментов электронного обучения и дистанционных образовательных технологий на всех уровнях подготовки. В перспективе потребуются представление Университета на образовательных онлайн-платформах, участие в новых проектах. Для этого нужен переход к полноценному использованию компьютерных средств обработки информации как в учебном процессе, так и в деятельности вуза в целом. Создание массовых образовательных онлайн-курсов и размещение их на ведущих мировых и федеральных платформах позволят Университету обеспечить продвижение своих научных школ.

Обозначенные в статье цифровые компетенции, технологии и инструменты, которые применяют преподаватели кафедры при обучении студентов курсу истории государства и права в течение последних лет, являются необходимыми шагами на пути к совершенствованию образования в мире постоянно меняющихся цифровых технологий. Рассмотренные цифровые технологии и инструменты хорошо зарекомендовали себя у студенческо-преподавательского сообщества, а их применение позволяет сочетать сохранение лучших традиций, подходов и наработанных практик с готовностью к изменениям в соответствии со стратегией вуза.

¹ Стратегия развития ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» до 2022 г. // URL: <https://www.usla.ru/university/strategy.php> (дата обращения: 20.07.2021).

Список литературы

Bonk C. J., Graham C. R. The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs. San Francisco: John Wiley & Sons Inc., 2012. 624 p.

Carretero G. S., Vuorikari R., Punie Y. DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens with Eight Proficiency Levels and Examples of Use. EUR 28558 EN. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017.

Информационные технологии в юридической деятельности: учеб. для бакалавров / под общ. ред. П. У. Кузнецова. М.: Юрайт, 2013. 441 с.

История государства и права России: хрестоматия / сост. О. И. Чистяков, Г. А. Кутыина. М.: Юрайт, 2017. 520 с.

История отечественного государства и права: учеб. пособие для семинарских занятий / под ред. Т. Е. Новицкой. М.: Норма; Инфра-М, 2017. 736 с.

Кантерев А. Мастерство презентации. Как создавать презентации, которые могут изменить мир. М.: Манн, Иванов и Фербер; Эксмо, 2012. 336 с.

Коржуев А. В., Попков В. А. Современная теория обучения: общенаучная интерпретация: учеб. пособие. М.: Акад. проект, 2009. 185 с.

Лантева Л. Е. История права и государства и формирование правового мышления у будущих юристов // Юридическое образование в России: в поисках новой модели: сб. ст. Саратов; Екатеринбург: Центр содействия правовой реформе; Урал. акад. гос. службы, 2005. С. 79–87.

Левитан К. М. Юридическая педагогика. М.: Норма, 2011. 432 с.

ЛеФевьер Ли. Искусство объяснять. Как сделать так, чтобы вас понимали с полуслова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 229 с.

Перевалов В. Д. О концепции развития системы юридического образования в России // Российский юридический журнал. 1995. № 4. С. 21–35.

Попков В. А., Коржуев А. В. Теория и практика высшего профессионального образования: учеб. пособие. М.: Акад. проект, 2010. 342 с.

Роэм Д. Визуальное мышление. Как «продавать» свои идеи при помощи визуальных образов. М.: Манн, Иванов и Фербер; Эксмо, 2013. 300 с.

Русинов Р. К. Методические вопросы юридического образования. Чему и как учить будущих юристов: науч.-метод. пособие. Екатеринбург: Издат. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2014. 220 с.

Сорокопуд Ю. В. Педагогика высшей школы. Ростов н/Д: Феникс, 2011. 541 с.

Эльвира Эдуардовна Бодрова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: elay09@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0849-8045

Наталья Сергеевна Калистратова – преподаватель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kns003@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-7614-7047

Implementation of Digital Competencies and Technologies: from the Experience of Teaching History of State and Law

Today, the formation of a digital educational environment is a priority task for the higher education system, the solution of which involves the use of system-activity methodology. The authors used theoretical and empirical research methods, the regulatory framework, scientific literature, and their own pedagogical experience in the digital environment.

The paper discusses the features and problems of using the educational module of blended learning in two control systems Indigo and Moodle, the possibility of online monitoring in the automated

information system «Tandem». The results of the «inverted lectures» are described, the advantages and disadvantages of using a variety of digital tools, online services are analyzed using the example of Socrative, Mentimeter, Miro, the work of tutors in the digital space, including instant messengers and social networks. The authors draw attention to the fact that neither foreign nor domestic educational platforms contain high-quality digital content on the history, primarily of the Russian state and law. Meanwhile, the development and implementation of such content should become decisive in the professional community.

The results obtained may become a start of a scientific discussion on the effectiveness and quality of teaching the history of state and law in the digital environment.

Keywords: history of state and law, blended learning, management systems, monitoring, online services, digital competencies, digital technologies

Recommended citation

Bodrova E. E., Kalistratova N. S. Realizatsiya tsifrovyykh kompetentsii i tekhnologii: iz opyta prepodavaniya istorii gosudarstva i prava [Implementation of Digital Competencies and Technologies: from the Experience of Teaching History of State and Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022. no. 2, pp. 84–96. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_84.

References

Bonk C. J., Graham C. R. *The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs*, San Francisco, John Wiley & Sons Inc., 2012, 624 p.

Carretero G. S., Vuorikari R., Punie Y. *DigComp 2.1: The Digital Competence Framework for Citizens with Eight Proficiency Levels and Examples of Use*, EUR 28558 EN, Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2017.

Chistyakov O. I., Kut'ina G. A. (eds.) *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of the State and Law of Russia], Moscow, Yurait, 2017, 520 p.

Kaptev A. *Masterstvo prezentatsii. Kak sozdavat' prezentatsii, kotorye mogut izmenit' mir* [Presentation Skill. How to Create Presentations that Can Change the World], Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, Eksmo, 2012, 336 p.

Korzhuev A. V., Popkov V. A. *Sovremennaya teoriya obucheniya: obshchenauchnaya interpretatsiya* [Modern Learning Theory: General Scientific Interpretation], Moscow, Akad. proekt, 2009, 185 p.

Kuznetsov P. U. (ed.) *Informatsionnye tekhnologii v yuridicheskoi deyatel'nosti* [Information Technologies in Legal Activity], Moscow, Yurait, 2013, 441 p.

Lapteva L. E. *Istoriya prava i gosudarstva i formirovanie pravovogo myshleniya u budushchikh yuristov* [History of Law and State and the Formation of Legal Thinking Among Future Lawyers], *Yuridicheskoe obrazovanie v Rossii: v poiskakh novoi modeli* [Legal Education in Russia: in Search of a New Model]: conference papers, Saratov, Ekaterinburg, Tsent sodeistviya pravovoi reforme, Ural. akad. gos. sluzhby, 2005, pp. 79–87.

LeFever L. *Iskusstvo ob'yasnyat'. Kak sdelat' tak, chtoby vas ponimali s poluslova* [The Art of Explanation: Making your Ideas, Products, and Services Easier to Understand], Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 229 p.

Levitan K. M. *Yuridicheskaya pedagogika* [Legal Pedagogy], Moscow, Norma, 2011, 432 p.

Novitskaya T. E. (ed.) *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of Domestic State and Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2017, 736 p.

Perevalov V. D. O kontseptsii razvitiya sistemy yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii [About the Concept of Development of the System of Legal Education in Russia], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 1995, no. 4, pp. 21–35.

Popkov V. A., Korzhuev A. V. *Teoriya i praktika vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Theory and Practice of Higher Professional Education], Moscow, Akad. proekt, 2010, 342 p.

Roam D. *Vizual'noe myshlenie. Kak «prodavat'» svoi idei pri pomoshchi vizual'nykh obrazov* [Visual Thinking. How to Sell Your Ideas with Visual Images], Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, Eksmo, 2013, 300 p.

Rusinov R. K. *Metodicheskie voprosy yuridicheskogo obrazovaniya. Chemu i kak učit' budushchikh yuristov* [Methodological Issues of Legal Education. What and How to Teach Future Lawyers], Ekaterinburg, Izdat. dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 2014, 220 p.

Sorokopud Yu. V. *Pedagogika vysshei shkoly* [Pedagogy of Higher Education], Rostov on Don, Feniks, 2011, 541 p.

El'vira Bodrova – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of history of state and law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: elay09@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-0849-8045

Nataliya Kalistratova – lecturer of the Department of history of state and law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kns003@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-7614-7047

Дата поступления в редакцию / Received: 31.03.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 20.04.2022

ТРЕБОВАНИЯ
к статьям, направляемым в редакцию журнала
«Российское право: образование, практика, наука»

1. К опубликованию в журнале «Российское право: образование, практика, наука» принимаются авторские материалы на русском языке: научные статьи, интервью, рецензии, очерки, научно-практические комментарии законодательства, отрывки из монографий и иные материалы, соответствующие тематике издания.

2. Авторский оригинал материала должен быть набран в текстовом редакторе MS Word (расширение *.doc или *.rtf).

Должны быть соблюдены следующие технические требования: гарнитура Times New Roman, кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5, поля – по 20 мм. Отступ абзаца – 1,25 мм (должен быть задан не табулятором, а командой Формат/Абзац/Отступ/Первая строка).

3. Объем статьи – до 20 страниц, для аспирантов и студентов – до 10 страниц.

4. Файл со статьей должен содержать:

заголовок статьи на русском и английском языках;

фамилию, имя, отчество автора (полностью), место его работы (учебы), ученую степень и ученое звание (при наличии);

ключевые слова на русском и английском языках (5–7 слов);

аннотацию на русском и английском языках (3–5 предложений).

5. К статье прилагается справка, где должны быть указаны следующие данные:

фамилия, имя, отчество автора (авторов);

число, месяц, год рождения каждого из авторов;

паспортные данные каждого из авторов;

место работы, должность, ученая степень, ученое звание каждого из авторов;

адрес места жительства, почтовый адрес, контактный телефон, адрес электронной почты каждого из авторов.

Должна быть приложена фотография автора (авторов) разрешением не менее 300 dpi.

К статьям аспирантов и студентов прилагаются рецензии научных руководителей.

6. Редакция рецензирует представленные материалы и оставляет за собой право опубликовать материал или вернуть автору для доработки. Также Редакция оставляет за собой право внести редакционную и стилистическую правку в текст авторского материала, его название и аннотацию, не изменяя при этом основной смысл материала, заложенный автором.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 22.06.2022. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,55. Уч.-изд. л. 8,81.

Тираж 100 экз. Заказ №

Дата выхода в свет 04.07.2022.

Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

РОССИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретическое, информационное
и практическое издание, основанное в 1993 г.
Министерством юстиции Российской Федерации
и Уральской государственной юридической академией

■ освещает фундаментальные и прикладные проблемы
правового регулирования и правоприменительной практики

■ публикует материалы, отражающие основные направления
профессиональной юридической деятельности
(правотворческой, экспертной, судебной)

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

С 2011 г. журнал включен в библиографическую базу, размещается
и индексируется на библиотечной платформе EBSCO Host (EBSCO Information
Services, Ipswich, MA, USA). С 2012 г. журнал включен в библиографическую
базу Ulrich's™ (SerialsSolutions®, Seattle, WA, USA). В 2014 г. журнал
стал размещаться на платформе EastView Information Services и вошел
в фонды Президентской библиотеки

Редакция журнала:

Екатеринбург, Комсомольская, 23, каб. 207

Тел./факс (343) 375-54-20

E-mail: ruzh@usla.ru, сайт: www.ruzh.org

Подписка:

По «Каталогу периодических изданий. Газеты и журналы» агентства «УралПресс» – подписной
индекс 72610

По каталогу «Почта России» – подписной индекс 04167

Подписка, в том числе за рубежом, возможна через ЗАО «МК-Периодика» с доставкой издания по
любому адресу.

Подписка на электронную версию журнала доступна на сайте Научной электронной библиотеки –
www.e-library.ru

Желающие приобрести новые или уже вышедшие номера «Российского юридического журнала»
могут оформить подписку в редакции по заявке.